

Об авторе

Вашему вниманию представляется трехтомник избранных научных публикаций известного камчатского ученого, специалиста в области демографии, региональной экономики, управления и организации народного хозяйства, социологии, экологии, экономики природопользования, экономической географии и развития населения в районах Севера, директора Камчатского филиала Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, кандидата экономических наук, почетного гражданина города Петропавловска-Камчатского Роберта Савельевича Моисеева. К сожалению, самому автору так и не удалось увидеть его напечатанным, подержать в руках и еще раз оценить результаты своих исследований, выполненных в 1978-2006 гг., поскольку 7 декабря 2007 г. на 71 году жизни он скоротечно скончался.

Р.С.Моисеев родился в Петропавловске-Камчатском и в течение более 45 лет плодотворно работал на благо Камчатки, почти два десятилетия из которых являясь директором сначала Камчатского отдела природопользования Тихоокеанского института географии, затем Камчатского института экологии и природопользования и, наконец, Камчатского филиала ТИГ ДВО РАН. Его научные работы по проблемам развития экономики северных регионов, рационального использования природных ресурсов, традиционного природопользования коренных малочисленных народов широко известны в Камчатском крае и за его пределами. Под руководством и при непосредственном участии Роберта Савельевича разработаны различные концепции и перспективные программы развития региона, которые в настоящее время используются в практической деятельности органов государственной власти и управления.

Наряду с многогранной научной деятельностью, Р.С.Моисеев в течение многих лет вел большую и плодотворную общественную работу как член областной писательской организации, член президиума объединения научных организаций и обществ Камчатского края (КРАУНЦ) и многих других организаций. Как педагог он читал лекции и руководил подготовкой студентов и аспирантов в ряде высших учебных заведений Камчатского края.

Р.С.Моисеевым опубликовано более 160 научных работ, в том числе, 7 монографий. Роберт Савельевич неоднократно участвовал с докладами на различных международных, всесоюзных, всероссийских и региональных научных форумах; принимал участие в

организации более десяти региональных и международных конференций, редактировании и публикации сборников их материалов. Выступал в роли ответственного редактора 20 научных публикаций, в частности периодически выпускаемого сборника «Труды» КФ ТИГ ДВО РАН (в настоящее время издано шесть выпусков). Помимо научных работ, Р.С.Моисеев является автором более 100 научно-популярных и общественно-политических публикаций, а также двух сборников рассказов, сборника стихов и нескольких повестей, рассказов и стихов в художественных альманахах.

За активное участие в жизни Петропавловска-Камчатского и активную гражданскую позицию в 2003 г. Роберту Савельевичу Моисееву присвоено звание «Почётный гражданин города Петропавловска-Камчатского».

Жизнь Р.С.Моисеева оборвалась на следующий день после его 70-летия в расцвете творческих сил. Буквально, до последних минут он активно работал над подготовкой к печати рукописи этого трехтомника, готовил новые научные статьи в различные сборники и журналы, планировал осуществление издания серии монографий камчатских ученых, посвященных проблемам изучения и сохранения природы Камчатки. Остались недописанные книги, статьи, огромное научное наследие ученого. Роберт Савельевич и его научные идеи навсегда останутся в памяти коллег, учеников, всего научного сообщества и жителей Камчатки.

*И.о.директора Камчатского филиала ТИГ ДВО РАН,
к.б.н. Токранов А.М.*

**КАМЧАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВИТУСА БЕРИНГА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН
ТИХООКЕАНСКИЙ ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ
КАМЧАТСКИЙ ФИЛИАЛ**

МОИСЕЕВ Р.С.

**ИЗБРАННОЕ В III-X ТОМАХ
ТОМ I**

**РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ**

Петропавловск-Камчатский 2007

66

М 74

Моисеев Р.С. Избранное в 3-х томах. Том 1. Россия и Дальний Восток. Геополитические и социально-экономические аспекты развития / Р.С.Моисеев. – Петропавловск–Камчатский.: Изд-во КамГУ имени Витуса Беринга. - 2007. – 245 с.

Издание трехтомника осуществлено при финансовой поддержке ЗАО «Корякгеолдобыча», за что выражаем благодарность его коллективу и генеральному директору В.В.Кнюлю.

ISBN 978-5-7968-0367-7

© Моисеев Р.С., 2007.

© Издательство Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, 2007.

© Камчатский филиал ТИГ ДВО РАН, 2007.

*Светлой памяти бабушки,
Стрий Марии Афанасьевны, и мамы,
Моисеевой Анастасии Савельевны,
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В представленном читателю 3-х томном издании собраны опубликованные за 1978-2006 гг. материалы исследований социально-экономических и экологических особенностей процессов социально-экономического развития специфичного региона Российской империи, а затем – СССР и современной России. Особенности развития этого региона состоят в том, что он:

-периферийный, находится на наибольшем удалении от социально-экономического, демографического, политического центра страны;

-расположен в зоне, отнесенной к Крайнему Северу России;

-в транспортном отношении – островной;

-в современных масштабах заселен и экономически освоен только в XX веке, точнее – в советское время;

-богат разнообразными биологическими и абиотическими природными ресурсами;

-имеет уникальную для нашей страны моноотраслевую рыбохозяйственную экономическую специализацию во внерегиональном обмене;

-по географическому положению и совокупностям природных условий имеет важное геополитическое значение, обусловленное возможностями создания базового района для экономической и военно-политической деятельности на Севере Тихого океана;

-расположен в зоне многовековых активных мирных и вооруженных взаимодействий между четырьмя крупнейшими суперэтносами, имеющими основания для интенсивного развития и в XXI веке, вследствие чего вопросы об изменении государственной принадлежности этого региона многократно обсуждались в официальной и неофициальной форме.

Этот регион – Камчатская область. Здесь он рассматривается как Камчатская область в территориальных границах, существовавших до 1991-1993 гг. Проблемы разделения Камчатской области на Камчатскую область и Корякский автономный округ в 1993 г., с предполагающимся объединением последних в Камчатский край в 2007 г., здесь не рассматриваются как принципиальные, поскольку

изначально носили временный характер, не будучи обусловлены ни единым фактором, имеющим объективное значение.

Как субъект Федерации Камчатская область малозаметна, в настоящее время – депрессивна, с небольшой численностью населения, небольшим объемом валового регионального продукта. Она заметна в стране и мире только количеством рыбопродуктов, источник которых – высочайшие биопродуктивные прикамчатские моря. В мире известно также значение Камчатки в системе, обеспечивающей обороноспособность России.

История Камчатки – не гладкая линия. Камчатка была базой для политического и экономического освоения Русской Америки до продажи последней Соединенным Штатам Америки. Камчатка была базой для европейских экспедиций XVIII века на севере Тихого океана, здесь бывали экспедиции Кука, Лаперуза, Кларка. В середине XIX в., во время Крымской войны, англо-французская эскадра пыталась захватить столицу Камчатки, Петропавловск. В тот период такие же по силе эскадры повергли Китай в опиумных войнах, заставили Японию открыть границы. А в Петропавловске, где население составляло тогда всего 1,7 тыс. чел., - англо-французы потерпели поражение. В начале XX века, во время русско-японской войны, Камчатка самостоятельно отбила японские десанты. Через Камчатку шла значительная часть грузов по «ленд-лизу» во время Великой Отечественной войны.

Были у Камчатки и другие времена. Бывала она для российского государства надежным местом ссылки. Вспомним у Грибоедова: «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом». До нынешних времен последнюю парту в школьных классах называют «Камчаткой». Бывало, когда гарнизон Петропавловска состоял из семи «инвалидов». А численность населения столицы Камчатки составляла 0,3 тыс. чел. В конце XX – начале XXI вв. более чем наполовину сократился экономический потенциал Камчатки, и более чем на четверть – численность населения.

Но не сложность судьбы причина и предмет исследований. Посвоему интересны истории всех земель России и других стран. Исследовательский и практический интерес вызван, прежде всего, сложным сочетанием факторов, влияющих на развитии Камчатки; сложным сплетением региональных, внутригосударственных, межгосударственных, геополитических, исторических, национальных интересов, имеющих зачастую острый экономический, экологический, политический характер, требующих нестандартных, нетривиальных, специфичных управленческих решений.

Камчатка и прилегающие моря, с их высочайшей биопродуктивностью, в XX-м и начале XXI вв. занимают заметное место в мировом и отечественном рыбном хозяйстве как поставщики в продовольственный баланс населения рыбы и морепродуктов, т.е. безальтернативного для питания животного белка естественного происхождения. Камчатку и прилегающий шельф рассматривают как полигон для развертывания широкомасштабного промысла углеводородов, драгоценных и цветных металлов с выходом продукции этого производства на мировой рынок. Камчатку, с ее мирового уровня по эстетической привлекательности ландшафтами, рассматривают как регион развития международного туризма. Комплексной эколого-экономической оценки возможностей одновременного использования названных и других имеющихся на Камчатке международно-значения ресурсов развития – нет. Долгосрочные приоритеты их использования не определены, вследствие чего высока вероятность неразрешимых экологических, а затем экономических межотраслевых и региональных, а также социальных противоречий, могущих вызвать разрушительные региональные и внерегиональные последствия.

В связи со сложностью и остротой возникающих здесь взаимодействий Общества и Природы, многие из которых укладываются в проблематику глобальных исторических общечеловеческих процессов «устойчивого развития», «сохранения биоразнообразия», «рационализации природопользования», Камчатка попала в русло многих международных инициатив по реализации этих процессов. Это, в свою очередь, потребовало теоретического осмысления сущности этих процессов, их региональных особенностей, механизмов управления ими.

Социально-экономическое развитие Камчатки на протяжении трех веков ее принадлежности Российскому государству (Российской Империи, СССР, Российской Федерации) происходило под сложным сочетанием внутригосударственных объективных и субъективных факторов. Региональные обстоятельства чаще всего не учитывались при государственном управлении такими районами как приоритетные и даже важные. Такое отношение государства к развитию Камчатки, Дальнего Востока, Севера выливалось в крупные социально-экономические потери.

В течение XX века СССР сформировал здесь комплексное развитое, специфично функционирующее хозяйство и значительное по численности население, обеспечивающие стране производство экспортнозначимой жизненноважной продукции, функционирование

оборонного комплекса, освоение ресурсов Тихого океана и т. п. В связи с этим произошедший в конце XX века спад внимания государства к развитию периферийных северных и восточных районов России привел к жестокому социальному и экономическому кризису и возникновению опасностей отпадения некоторых из этих районов от России в историческом плане. Поэтому исследования комплекса объективных и субъективных, экономических, социальных и политических тенденций развития современной России являются необходимыми для понимания тенденций развития ее северных и восточных районов.

Крупной теоретической и методологической проблемой формирования управленческих процессов развития России и отдельных ее регионов является в настоящее время недостаточное использование возможностей, которые дают известные из общей теории управления механизмы планирования. Так, недостаточно эффективно используются разработки концепций, стратегий, прогнозов, долгосрочных планов, целевых комплексных программ и т.п. Вероятно, это является следствием комплекса причин. Не менее, а, возможно, более важной причиной является неопределенность экономических процессов в России конца XX – начала XXI вв., отсутствие научного знания об исходном состоянии экономической и социальной сфер в начале «переходного периода», о сущностном содержании и формах происходящих в стране социально-экономических преобразований в этот период, о том состоянии общества, в которое оно может прийти в результате реально протекающих процессов. Важное значение имеет также субъективная по характеру смена теоретических ориентиров в экономических науках в России в 1990-е годы, обусловленная политическими, идеологическими мотивами. С ней связано и стремление, ослабив использование научных методов социально-экономического планирования, разработанных в нашей стране до начала 1990-х годов, широко использовать в качестве основных методы управления экономикой, недостаточно теоретически разработанные для практического применения на региональном и государственном уровне (например, экономико-математическое моделирование), или недостаточно адаптированные к реальным российским ситуациям (например, макроэкономический анализ, «монетаризм» и т. п.).

Нельзя, конечно, не использовать при управлении развитием экономическими процессами достижения развивающихся методов экономико-математического моделирования, макроэкономического анализа, других формальных направлений экономических исследо-

ваний. Но основным подходом при управлении экономическими процессами, как представляется, должен быть содержательный подход. Он позволяет учитывать всю сложность взаимосвязей внутри реальных экономических комплексов; всю сложность связей этих комплексов с социальной, демографической, природной сферами; все многообразие прошедшего, настоящего и будущего того явления действительности, каким является живое развивающееся Общество, которому реальная экономика обеспечивает материальные условия развития – но не более.

Не называя всю совокупность причин, можно констатировать, что вследствие их влияния многие материалы, подготовленные к принятию управленческих решений, не содержат компонентов, необходимых для того, чтобы эти решения были адекватны задачам. Так, экономические, финансовые, инвестиционные, другие прогнозы в современной России могут разрабатываться на кратчайшие сроки, например, на один год, на полгода и в одном варианте; стратегии могут не устанавливать приоритетных направлений и главных методов обеспечения развития; целевые комплексные программы – не устанавливать систему целей развития и не рассматривать решаемую проблему в комплексе, не предусматривать обеспечение решений ресурсами.

Представляется, что достаточно полный анализ всего комплекса этой сложнейшей проблематики может оказаться полезным для исследовательской и практической деятельности по региональному и общегосударственному управлению развитием социально-экономических систем, рационализацией природопользования, межгосударственными взаимодействиями; развитием приграничных районов нового освоения, в т.ч. в районах Крайнего Севера.

Материалы в сборнике размещены в порядке, позволяющем последовательно отразить основные логические связи проблем от основных к производным, от главных к второстепенным, от приоритетных к менее значимым с анализом их в основном по принципу «от общего к частному».

Основное содержание сборника отражено в названиях томов:

- Том I, «Россия и Дальний Восток. Геополитические и социально-экономические аспекты развития»;
- Том II, «Развитие Дальнего Востока и Камчатки. Региональные проблемы»;
- Том III, «Концепции как инструмент управления социально-экономическим развитием Камчатки».

Автор благодарен сотрудникам, предложившим и поддержав-

шим идею публикации в одном сборнике работ, опубликованных в разные годы в разных изданиях, но связанных, в конечном счете, одной темой.

Эти материалы были опубликованы:

- в журналах «Вестник ДВО РАН», «География и природные ресурсы», «Экономика природопользования», «Социологические исследования», «Вестник КРАУНЦ», «Вопросы географии Камчатки», «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке», «Boreales», «Живая Арктика» и т. д.;

- в сборниках трудов Дальневосточного отделения Всероссийской Академии внешней торговли; Санкт-Петербургского государственного университета; Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга; Камчатского государственного технического университета; Камчатского филиала ТИГ ДВО РАН; Японско-Российского общества; в материалах парламентских слушаний Государственной Думы РФ и др.;

- в материалах и сборниках докладов международных, всесоюзных, всероссийских, региональных научных конференций (гг. Анкоридж, Владивосток, Магадан, Петропавловск-Камчатский, Санкт-Петербург, Томск, Хабаровск и др.).

В третьем томе сборника приведены в качестве приложений официальные документы, характеризующие эволюцию концептуальных воззрений на развитие Камчатки с 1950-х до начала 2000-х годов. Эти материалы ранее не публиковались в научной литературе, и введение их в научный оборот позволяет познакомиться с ними исследователям, политикам, специалистам, планирующим развитие Камчатки и отдельных отраслей ее хозяйства. Сопоставление содержащихся в них данных показывает, что развитие стран и регионов - процесс длительный, преемственный, объективно обусловленный. Крупные экономические и социальные решения и их реализация – например, газоснабжение, или формирование постоянного населения – результат длительной работы поколений людей, больших затрат общественного труда, комплексной взаимосвязанной подготовки. Кажущиеся гениальными внезапные прозрения в таких вопросах – часто оказываются недостаточно обоснованными идеями, противоречащими объективным историческим потребностям общества и препятствуют, а не способствуют его развитию.

Автор благодарен Куликовой Т.А., Симановой А.Р., оказавшим неоценимую помощь в подготовке сборника к изданию.

* * *

В I-м томе сборника приведены материалы, посвященные рассмотрению общей проблематики развития крупнейших по площади и сложнейших по природным и социально-экономическим условиям северных и восточных районов России.

Эти материалы могут быть условно разделены на группы, отличающиеся характером рассматриваемых вопросов. В одной группе рассмотрены некоторые основные проблемы развития человечества, имеющие прямое отношение к развитию России и Дальнего Востока, связанные с освоением Мирового океана, вопросами глобализации, «устойчивого развития» и т. п. Часто и в разнообразных сочетаниях называемые, эти проблемы новы для человечества, связаны с его переходом в новую эпоху развития, мало исследованы, не могут быть решены методами, выработанными человечеством для других эпох.

Переходный характер современного развития человечества, отдельных стран, регионов требует новых, оперативных, быстрых, но и осторожных, неразрушительных по последствиям решений. Сумеет ли Общество без невосполнимых потерь пройти эту фазу развития – это один из важнейших вопросов развития отдельных регионов, таких, как Камчатка, волею обстоятельств оказывающихся на стыке глобального значения проблем.

Вторая группа содержит материалы, посвященные анализу исторически долговременных вопросов развития России и Дальнего Востока. Это вопросы формирования экономического, демографического, социального, интеллектуального потенциалов страны и отдельных ее регионов. Это вопросы о месте и роли страны в мировом сообществе; о характере изменений, проходящих в России на сломе веков; об эволюции воззрений государственной власти на развитие страны и т. п. Полные ответы на эти вопросы даст жизнь. Но без анализа и оценок состояний и возможных вариантов долгосрочного развития событий невозможно управлять развитием страны и отдельных регионов.

Третья группа статей посвящена проблематике, связанной с формированием населения в районах нового освоения, какими были (и во многих характерных чертах - остались) северные районы России. Современное население Севера России сформировалось в XX веке, в эпоху советской власти. Как бы критически ни относились к этой эпохе государственные власти, управляющие социально-экономическим развитием России в конце XX – начале XXI веков, но это население на севере страны существует. У этого населения

специфична социально-демографическая структура; специфичны обусловленные природными и другими особенностями системы потребностей, интересов, возможностей развития; специфична система социально-экономических, этноисторических и других ролей в развитии страны и решении конкретных задач.

В начале 1990-х годов публично произносились высказывания, не оставить ли население северных районов на самовыживание, не выселить ли это население, чтобы не иметь с ним хлопот. Такие позиции лежали в основе многих оперативных государственных экономических и социальных решений, но оказались тяжело реализуемыми практически, остались не доведенными до конца, привели население отдельных районов в состояние социальной, гуманитарной катастрофы.

Эти замечания могут сейчас показаться эмоциональным преувеличением. Но это – было. И этот горький факт, обернувшийся социально-экономической катастрофой во многих районах Севера России, должен остаться в истории как горький урок.

В середине первого десятилетия XXI века стало практической управленческой необходимостью с достаточной научной достоверностью знать, какое по количественным и качественным параметрам население живет в отдельных регионах Севера России, какова его функциональная роль в современных государственных стратегиях развития этих регионов. Так, есть официально выраженное предложение сократить численность населения, проживающего в Корякском автономном округе (площадь территории около 0,3 млн. кв. км.) к 2026 году до около 10 тыс. чел. по сравнению с около 40 тыс. чел. в конце 1980-х годов. При этом неизбежны и не могут не быть решены, как минимум, вопросы трудоустройства планируемой горнодобывающей и нефтедобывающей промышленности; сохраняемого рыбохозяйственного комплекса; организованных на современном технологическом уровне энергетики, транспорта, связи, коммунального хозяйства и других отраслей обслуживания региона; структур общегосударственного значения. Решение этих вопросов представляется проблематичным, поскольку численность коренных народов Севера, проживающих в округе и тяготеющих к ведению традиционной хозяйственной деятельности, составляет около 9 тыс. чел. Несоответствие планируемой численности населения потребностям в трудовых ресурсах в данном случае можно считать типовым случаем неадекватности решений по развитию районов Севера России.

В демографических процессах большую роль играет инерцион-

ность, историческая преемственность. Развитие населения Севера, Сибири и Дальнего Востока в XX веке происходило в основном за счет интенсивных миграций из обжитых районов СССР. Особенности этих миграционных процессов изучены недостаточно, хотя знание характера их течения необходимо для познания качественных характеристик сформировавшегося в их результате населения. Полезным может оказаться изучение и накопленного в СССР опыта формирования населения в районах Севера и Дальнего Востока, какие-то методы которого могут быть применены и в современных условиях России. В связи с этим в сборник включены работы 1977-1978 гг., где рассмотрены тенденции формирования населения Севера, Сибири и дальнего Востока, в особенности в интенсивных миграционных процессах 1950-х – 1970-х годов. Эти тенденции описаны кратко, в тезисной форме. Подробное их изложение, с представлением имеющихся в рукописях таблиц, графиков, расчетов, потребовало бы значительной дополнительной подготовки. Тем не менее, и это сжатое описание дает основания для понимания механизмов появления таких, например, качеств населения Севера и Дальнего Востока, как относительно высокая устойчивость его демографического, социального и, в особенности, интеллектуального потенциала, которую проявило население Дальнего Востока в катастрофически разрушительных социально-экономических условиях 1990-х годов. Продолжение анализа этой темы содержится во втором томе сборника.

С этой группой материалов связаны статьи, анализирующие некоторые процессы реформаций экономического и административно-территориального районирования на российском Севере с учетом условий проживания населения, промышленного и транспортного освоения, особенностей межнациональных отношений и т. п. Особенности и подробности проявления рассмотренных здесь общих для страны тенденций в условиях Дальнего Востока и Камчатской области описываются во втором томе сборника.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В XXI ВЕКЕ: ПРЕОДОЛЕНИЕ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРОБЛЕМ

В третье тысячелетие н. э. человечество перешло с новым для себя комплексом проблем. Ключевое значение в нем имеют два блока, ставшие остроактуальными не только в историческом масштабе времени, но и в повседневной практике. В один входят общечеловеческие по охвату, связанные с формированием человечества как целостности, обитающей на планете Земля, проблемы сочетания и преодоления различий в социальном и экономическом развитии. В другой - глобальные (планетарные) по охвату природных систем проблемы сохранения благоприятного для развития человека состояния биосферы Земли и обеспечения его природными ресурсами. Своевременное решение этого комплекса проблем может обеспечить человечеству эволюционный переход в новую фазу социально, экономически и экологически эффективного развития. Эту фазу предвидели ученые первой половины XX в., называя ее «ноосферой». В конце XX в. эту фазу назвали «устойчивым развитием».

Несвоевременное решение этого комплекса приведет к серии взрывных ситуаций. Проблемы будут решаться порознь, взаимонезависимо, путем неизбежно разрушительных социальных, экономических, демографических, экологических, геологических катаклизмов. Спусковым механизмом и движущей силой этих разрушений парадоксально окажется объективно назревшая потребность человечества конструктивно развиваться в целостную систему.

В истории природы и общества такие ситуации обычны. Одна из основных их парадоксальных особенностей состоит в том, что система, развивающаяся путем катаклизмов, может оказаться разрушенной как система. В то же время, общественная система, не сумевшая ни эволюционно, ни революционно приспособить свое развитие к новым условиям, имеет шансы исчезнуть незаметно, раствориться в человечестве, или законсервироваться, приостановить свое развитие, перейти в состояние гомеостаза с окружающей средой. Примеров вышеназванных исходов много в истории отдельных народов, этносов, стран, цивилизаций.

Такая ситуация возникала при выборе между продолжением стадного существования «предчеловека» и возможностью перехода его к социальному развитию в племенах, родах, межплеменных объединениях, и, в очень далеком будущем, - в государствах, крупных полинациональных, полиэтнических образованиях. Изменения

происходили в сфере формирования наций, этносов; в сфере социально-экономической, где развитие производительных сил заставляло меняться общественные отношения, иницируя общественно-формационные процессы; в сфере идеологической, мировоззренческой, где вырабатывались как бы «непреходящие» этические нормы, часто выражающиеся в форме религиозных верований, ориентированных на объединение людей в кровнородственные, национальные общности, наднациональные общественные системы. Переход этот занял многие века, вырабатывая разные по форме у разных народов и в разных религиях простые по смыслу «человеческие ценности»: мир, терпимость, единение, «не убий», «не укради», плюрализм, права человека, интересы народа, власть народа и т. п. Эти ценности позволяли социально «склеивать» стада «предчеловека», а затем - людей в народы, этносы, государственные и межгосударственные образования.

Уникальность современной ситуации состоит в том, что в начале XXI в. перед выбором оказывается человечество в целом. Оно попало в ситуацию, требующую выработки новых форм международных отношений, новых общественно-формационных процессов, нового отношения к природной среде, новых по содержанию и форме общечеловеческих императивов, новых мировоззренческих позиций, идеологически обеспечивающих целостное (в общечеловеческих интересах) решение социально-экономических и экологических проблем.

Конкретные проявления критических общечеловеческих проблем выливались в XX в. в крупнейшие межгосударственные и межцивилизационные противоречия. После завершения колониального раздела суши возникли проблемы «передела мира» и мировых войн, втягивавших в себя практически все страны и заставлявших государства разделиться на два основных лагеря. «Горячие» мировые войны не привели к выработке полноценных механизмов дальнейшего эволюционного развития, но породили угрозу все уничтожающей ядерной катастрофы. «Холодная» полувекровая мировая война завершилась крупнейшим комплексным политическим, экономическим, социальным, демографическим поражением одного из ее главных участников и распадом возглавляемого им блока стран. Это поражение не решило проблему так же, как не решило ее победы и поражения в «горячих» мировых войнах. Полный объем его последствий станет ясен в XXI в. Но первые их проявления в виде обострения «синдромов победителей»; ориентаций на двойные стандарты; провоцирования заведомо выигранных нападений

«сильных на слабого»; силового поведения по принципу «вбобим в каменный век», непослушного в назидание остальным; самооценка «сильными» себя как общечеловеческого эталона народовластия, гуманности, человечности и честности, — означают, что до выработки общечеловеческих механизмов эволюционного перехода в новую стадию развития еще далеко.

Огромное, пока недостаточно оцененное для развития человечества значение имеет состоявшийся во второй половине XX в. раздел Мирового океана. Отказ от принципа «свободного моря» и длительное, оказавшееся неуспешным обсуждение в ООН возможности придания Мировому океану статуса «всеобщего достояния человечества», показали, что человечество еще не созрело для выработки общечеловеческих механизмов регулирования природопользования на 2/3 покрытой водой поверхности Земного шара. Распределение этой части Земли на шельфовые и исключительные экономические зоны, находящиеся под юрисдикцией прилегающих прибрежных государств, перенесло в Мировой океан потенциально конфликтные правила раздела суши, создав основу для возникновения острых ситуаций в XXI в. Конфликты пока сглаживаются остатками эфемерных представлений о безграничности океанских просторов и тем обстоятельством, что приготовления к широкому и полному использованию природных ресурсов Мирового океана находятся на подготовительных, «скрытых» стадиях.

Творчески раскрытые в разработках «Римского клуба» проблемы способности биосферы справиться с освоением воздействий старых технологий деятельности человека, а также скорого истощения природных ресурсов не находят адекватного отражения в интернациональных процессах технологического обеспечения жизни общества.

Велика острота ситуаций в сфере распределения мирового дохода, обусловленная не столько объективными экономическими предпосылками, сколько продуманной политикой диспаритета цен, финансовой экспансии и т.п. В результате на долю 20% самой бедной части населения Земли в конце XX в. приходилось 1,4% мирового дохода, а на долю 20% самой богатой части — более 80%. В данном случае важна тенденция: соотношение доходов богатых и беднейших людей изменилось за 1960-1990 гг. с 30:1 до 60:1. Откровенно выражается не только нежелание «развитых» стран «делиться» с «неразвитыми», но и стремление усугубить неэквивалентное распределение. Одновременно очевиден инициированный, в частности и этим явлением, процесс миграций из «слаборазви-

тых» в «высокоразвитые» страны, существенно деформирующий структуру населения последних.

С другой стороны, к концу XX в. накоплена хотя и противоречивая, но в целом пока еще конструктивная практика деятельности ООН и ее институтов по обеспечению интересов человечества в целом. Принятие, хотя пока и декларативных, но межгосударственных и государственных документов об «устойчивом развитии», а также проведение переговоров о дальнейшем развитии заложенных в них идей свидетельствует о возможности совершенствования общих механизмов развития человечества. Расширяется практика функционирования субглобальных межгосударственных организаций как ступеней к реализации общечеловеческих, экономических, социальных и экологических интересов.

Переходя в третье тысячелетие с грузом нерешенных, решаемых, и вновь возникающих проблем, человечество оказалось в сложной ситуации. Во-первых, на переход в новое состояние ему отведено очень малое время. Во-вторых, переход не может быть диверсифицирован, как все процессы, пережитые человечеством ранее. В предыдущие периоды что не получалось у одного народа, получалось у другого. Сейчас у человечества нет возможности ждать тысячу лет и надеяться на исправление ошибок: играть *свою* роль в *своей* истории на этот раз ему придется с листа, и XXI век будет ключевым в этом процессе.

*Третьи Петербургские Кареевские чтения
по новистике, 6-9 декабря 1999 г. –*

*Становление мира как «общего дома»
человечества: динамика, этапы, перспективы (XV-XXI в.).
СПб: Изд-во СПб ун-та, 2003 г.*

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ «УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ»

Человечество вошло в принципиально новый период развития. В сфере управления Обществом формируется триада должных быть равными экологических, экономических и политических приоритетов. Должна быть изменена не только политика природопользования как связь Общества с Природой. Должны измениться основные принципы этой взаимосвязи, и, в первую очередь, этические и моральные императивы, мировоззрение, лежащее в основе отношений Общества к Природе и ориентирующее поведение Общества.

На высших межгосударственных и государственных уровнях, в общественных, религиозных, научных кругах, формируются понимание и эмоциональное восприятие этой проблемы, разрабатываются проекты документов, в совокупности и в конечном счете ориентированных на создание идеологических, организационных, социальных, экономических, правовых механизмов новой системы названных взаимосвязей.

Природопользование как реальное сочетание социально-экономических, технологических, политических процессов осуществляется, как правило, в относительно целостных региональных природообщественных системах, в ограниченных национальных, межгосударственных, цивилизационных сообществах. В связи с этим, система документов глобального значения должна дополняться адекватными системами документов на других уровнях, ориентируясь на преемственную координацию развития отношений к Природе от Общества до каждого человека.

Содержание совокупности названных документов должно быть научно обоснованным, опираться на осмысление всего многотысячелетнего научно-технического опыта человечества. Но первооснова этих разнохарактерных (экономических, правовых, технических и т.п.) документов должна быть мировоззренческой, закладывающей новые стереотипы, новые этические подходы к природопользованию, к социальному и экономическому развитию.

В связи с этим основополагающий документ (предварительно его называют «Декларация Земли», «Хартия Земли») должен быть доступен, понятен, интересен для всех слоев общества, краток, изложен простым языком, в свободном стиле; рассчитан на долговременное эффективное воздействие на разум и эмоции людей. Не допуская двусмысленности толкований, он должен быть многогранен, многосторонен, достаточно легко и однозначно переводим на основные языки мира. Как видим, по форме этот документ должен соответствовать критериям таких священных религиозных книг, как Библия, Коран, вокруг которых эффективно организовано межнациональное религиозное мировоззрение. Не исключено, что и по содержанию новый документ («Хартия», «Декларация») будет выражать основные положения своеобразной «новой мировой религии», объединять идеалы, накопленные и апробированные человечеством за всю его историю.

Процесс формирования «нового» мировоззрения и перехода человечества к «устойчивому развитию» объективно должен быть исторически краток в силу скоротечности негативных современных

воздействий Общества на Природу. Но он не может быть прост и непротиворечив в силу сложности и масштабности противоречий общечеловеческого развития как глобального, так и межнационального, межрегионального характера. Одно из характерных проявлений этих сложностей - становящееся все более активным противодействие «экологическим» движениям со стороны считающих эти движения помехой экономических субъектов и представителей органов государственной власти и управления.

Это противодействие приобретает формы, привычные для управленческих систем при адаптации к нестандартным общественным явлениям. Освоить и трансформировать под свои интересы «новую» терминологию; убедительно пользоваться «новой» фразеологией для маскировки «старых» решений; возглавить «новые» движения для вовлечения их в «старые» русла - таков не полный перечень методов, используемых для подчинения исторически «младых» экологических интересов общества «старым» приоритетам экономики и политики. Преодолеть это инерционное противодействие возможно только систематическими идеологическими, мировоззренческими воздействиями, целенаправленно ориентирующими Общество в целом и все его половозрастные и социальные, национальные и цивилизационные группы.

К важнейшим задачам формирования «нового» мировоззрения можно отнести разработку нового направления в системе взаимоотношений Человека с Обществом и Природой. До последнего времени в мире ведется активная борьба за приоритеты ПРАВ человека. Есть международные и национальные правовые документы, декларации, обязательства, защищающие эти ПРАВА. Причины понятны и значимы. Не менее значимо, учитывая возрастающую роль человека в мире, принятие Кодекса (Декларации, Хартии) ОБЯЗАННОСТЕЙ Человека перед Обществом и Природой. Правовое и этическое закрепление ответственности человека за состояние Общества и Природы в его же собственных интересах создаст уравновешенную систему ПРАВ и ОБЯЗАННОСТЕЙ, сыграет важную роль в создании благоприятных условий развития человечества. Конечно же, эти ОБЯЗАННОСТИ должны содержать положения как общие для каждого человека, так и дифференцированные в соответствии с социально-демографической структурой человечества.

*Труды КИЭП ДВО РАН. – Вып. 1 - Петропавловск-Камчатский:
Камч.печ.двор, 2000.*

К ВОПРОСУ О ТЕОРИЯХ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» И «ПРИРОДНОГО» КАПИТАЛОВ

Во второй половине XX века в экономической науке, среди других «новых» теоретических построений, возникли два, казалось бы, не связанных по содержанию, но схожих хотя бы тем, что радикально меняют сложившиеся (до этого периода) основные представления о характере и сущности основных экономических ресурсов. Речь идет о двух теоретических построениях: теории «человеческого капитала» и теории «природного капитала».

Одно из них возникло в 1950-1960-е годы, оформлено в основных идеях Г. Беккером (1964 г. «Human capital» a theoretical and empirical analysis, with special reference to education., N.Y.). В 1992 г. за работы по теории «человеческого капитала» Г. Беккер получил Нобелевскую премию [16, 22, 23].

Второе возникает в 1980-1990-е годы; разрабатывается в работах Р. Костанза, Х. Дейли, Дж. Бартоломью и других авторов; учение о «природном капитале» формируется в рамках возникающей научной дисциплины, называемой «экологической экономикой» [3, 14, 21].

Взаимосвязь между этими теоретическими построениями очевидна уже по внешнему признаку: слову «капитал» в определении.

Длительное время экономическая наука, формировавшаяся с XVII века, относила к экономическим ресурсам (или к факторам производства, или к факторам общественного воспроизводства), в основном следующие компоненты: труд, землю, капитал (А. Смит); трудовые, природные, материальные и финансовые ресурсы (марксистская политическая экономия); труд, землю, капитал, предпринимательскую деятельность (маржиналистская теория) [23]. Различия, как видим, можно отнести, скорее, не к содержательным, а к идеологическим. В одном случае вместо интегрирующего понятия «капитал» названы составляющие его взаимосвязанные элементы, например, созданные человеком материальные и финансовые ресурсы. В другом – от труда как целесообразной экономической деятельности отделена деятельность предпринимательская как деятельность тоже целесообразная экономическая, но специфичная, состоящая в организации и управлении экономической деятельностью. В целом можно считать, что с содержательной точки зрения эти расхождения не принципиальны, нюансы, доказывая, тем самым, общую объективность основы содержащих эти расхождения теоретических построений. Существенные расхождения начинают-

ся в тех разделах теорий, где эти понятия ориентируются на цели практического применения, в основном в сфере распределения доходов.

Во второй половине XX века вышеприведенная триада экономических ресурсов (факторов) производства меняется не только по названиям, но, можно полагать, и принципиально. Эта система ресурсов теоретически унифицируется. В ней «капиталом», то есть явлением, которое определяет сущность общественного строя, называемого «капитализмом», становится не только собственно «капитал». В ней теоретически «капиталом» становится не только Прошлый, но и Живой Труд Человека, без которого нет производства. «Капиталом» становится Природа, на основе которой развивается производство.

Можно задать вопросы. Почему возникли такие унифицирующие теоретические построения? Объективно или субъективно обусловлено их появление? Если в их появлении есть и субъективная обусловленность, то зачем эти теоретические построения разрабатываются в тех, а не иных формах?

На первый вопрос ответ очевиден и общепризнан. Эти теоретические построения связаны не только внешними признаками: хронологической близостью появления в историческом масштабе времени и привязкой к одному термину «капитал». Оба возникли в тот период развития экономики в развитых капиталистических странах, когда резко увеличились темпы научно-технического прогресса; выросла роль «интеллектуальной составляющей человеческого фактора» в технологическом перевооружении экономических, социальных, управленческих процессов; проявляются признаки перехода человечества в новую стадию цивилизационного развития, названную «постиндустриальной», стадию высоких технологий, «информационного» развития и т.п. В этот период человечество переживает демографическую революцию; распад колониализма; нарастание глобальных противоречий между «бедным Югом» и «богатым Севером»; признаки наступающего «глобального экологического кризиса» и дефицита природных ресурсов; признаки международного социально-экономического явления, называемого «глобализацией» и т.п. Во всех этих особенностях современного периода развития человечества, в том числе в экономических процессах, особую роль играют «человеческий» и «природный» факторы, Труд и Земля, как экономические ресурсы производства [4, 6, 7, 10, 18, 20]. Концепции «устойчивого развития» (sustainable development) человечества опираются на триединое, неразрывное един-

ство факторов, учет которых необходим для обеспечения такого развития: экономических, социальных, экологических. В этой триаде прослеживается связь с названными выше факторами экономического развития: капиталом, трудом, землей. Различия в большей или меньшей образности описания факторов заметны. Различия, которые несомненно должны быть в содержании этих понятий не столь отчетливо выражены. Не установлено, остались ли «Трудом» и «Землей», или, в какой-то предельной мере «окапитализировавшись», стали «Капиталом» «Природа», преобразованная Человеком в антропогенные комплексы (городские и сельские ландшафты и т.п.), и «Человек», чья способность к «Труду» многократно увеличена образовательной деятельностью общества. Происходят ли столь принципиальные изменения и какова их мера – такой вопрос не минуем, и это не могло не вызвать реакций в экономической теории. Острой стала необходимость осмысления новой стадии развития экономики; особой, новой роли основных факторов экономики; выявления содержательных характеристик новых процессов; раскрытия изменившихся содержания и тенденций развития основных факторов экономики. Конечно же, эта объективная необходимость не могла реализовываться не в субъективно обусловленной форме. Вопрос – в мере этой обусловленности.

Несомненно, что теоретическое осмысление меняющихся социально-экономических процессов не может не быть научным, не может не отражать объективную действительность, не может не обращаться к рассмотрению реально существующих явлений и процессов. Несомненно также, что никакие теоретические построения в экономике как науке, непосредственно связанной с социальными и политическими процессами, не могут не быть политизированными, идеологизированными, не могут не отражать социально-экономических интересов отдельных социальных групп. Проблема состоит в понимании того, какие по масштабам и формам воздействия оказывают интересы и идеологические позиции этих групп на характер методологической базы, на логику рассуждений, на результаты научных исследований.

На основании такого понимания можно определять, зачем субъективно понадобилось применить термин «капитал» в описаниях новых для человечества объективных состояний, в которые преобразуются во второй половине XX века экономические ресурсы (факторы) производства, называемые терминами Труд и Земля.

Термины «Труд» и «Земля» - высокого уровня абстракции, обозначающие такие реально существующие в конкретных формах

явления действительности, как целесообразную экономическую человеческую деятельность (и предпринимательскую деятельность – один из видов целесообразной экономической деятельности), а также Природные комплексы в целом и отдельные их системы и компоненты, как среду обитания человека, как среду его экономической деятельности, как природные ресурсы и условия для этой деятельности. «Капитал» - в ряду с абстрактно определенными «Трудом» и «Землей» - абстрактное определение таких конкретных явлений, как антропогенные материальные ресурсы экономической деятельности (здания, сооружения, машины, механизмы и т.п.), финансовые ресурсы, информационные ресурсы (методы, способы деятельности, система общественных, организационных, социальных и т.п. отношений; знания, нематериальные активы и т.п.). «Капитал – это стоимость, или ценность, приносящая владельцу вознаграждение сверх затрат, связанных с его производством или приобретением» [11].

«Капитал» - в том качестве, в котором он обозначен в системе экономических факторов производства, - выражает совокупность определенных общественно-производственных отношений, характерных именно для капиталистического общества. Если слова «капитал» и «капитализм» употреблять не в идеологически окрашенном смысле, то научных оснований для сомнений в вышеприведенных положениях в научной литературе нет.

В связи с этим закономерны следующие вопросы. Выражает ли применение термина «Капитал» в рассматриваемых нами теоретических построениях сущностные изменения в капиталистических общественных производственных отношениях, в капиталистической формации. Означает ли оно, что реальные конкретные явления действительности, ранее обобщенно отраженные в экономических категориях «Труд» и «Земля», приобрели во второй половине XX века сущностные признаки, обязывающие отнести их к экономической категории «Капитал». Означает ли это, что их можно определять как реальные конкретные явления действительности, сущностно уже являющиеся «Капиталом», но некими факультативными, дополнительными признаками отличающиеся от других форм «Капитала», что требует применения уточняющих прилагательных «человеческий» и «природный». Аналогично ли это ранее сформировавшемуся применению прилагательных «торговый», «купеческий», «ростовщический», «ссудный», «банковский», «финансовый», «промышленный», «производительный», «постоянный», «временный» и других для определения других отдельных форм «Ка-

питала». Пока экономическая теория ответов на эти вопросы не дает.

Важно знать, не могло ли такое расширение сферы применения термина «Капитал» оказаться случайным. Могло ли такое расширение толкований оказаться результатом того, что термин «Капитал» привычно и неразрывно на протяжении веков теоретически связан и стоит рядом с терминами «Труд» и «Земля». Может ведь быть, что теория не сочла существенным разрабатывать новую терминологическую систему, а сочла более удобным несколько видоизменить систему сложившихся понятий, не меняя их сущности. Применяются же, например, «метафорические» определения «культурный капитал» и «политический капитал» [11].

Важно знать также, может ли теория «человеческого капитала» корреспондироваться с теоретическими построениями, лежащими в основании концепций «развития человеческого потенциала» [1, 4, 5]. Допустимо предположить также, что новая конфигурация понятийного аппарата складывается субъективно мотивированно, целенаправленно распространяя механизмы регулирования определенных общественно-производственных, в данном случае капиталистических отношений («рыночная экономика», «социальное государство», «глобализация» и т.п.), на регулирование процессов, происходящих в развитии Человека и Природы.

Но необходимость анализа этих субъективных аспектов проблемы не должна заслонить необходимость выяснить, в самом ли деле революционное развитие производительных сил во второй половине XX века вызвало такие изменения в структуре экономических факторов (ресурсов) производства, при которых из систем факторов, определяемых как «Труд» и «Земля», выделились компоненты, приобретающие системоопределяющие признаки «Капитала». В самом ли деле отдельные конкретные явления действительности, ранее определявшиеся в составе категорий «Труд» и «Земля», приобрели признаки, позволяющие считать их сущностно изменившимися. Как определить время и меру, когда под антропогенными воздействиями эти явления настолько «капитализировались», что это позволяет отделить их от категории «Труд» и «Земля». Значит ли это, что категории «Труд» и «Земля» как ранее теоретически точные понятия, определяющие экономические факторы (ресурсы), оказались не отражающими реальную действительность теоретическими дефинициями и должны быть полностью заменены дефинициями «человеческий капитал» и «природный капитал».

Что произошло в XX веке с категорией «Труд» в рассматриваем-

мой триаде? Рассмотрим развернутые определения.

Под человеческим капиталом обычно понимается "имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способности, мотивации, которые содействуют росту его производительности труда и влияют на рост доходов (зарботок)". «Человеческий капитал – сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и эффективности производства и тем самым ведут к росту зарботков данного человека». «Все виды затрат, которые носят целесообразный характер и определяют будущий денежный доход человека, расцениваются как «инвестиции в человеческий капитал». К ним относятся расходы по поддержанию здоровья, получению образования, затраты, связанные с поиском работы, профессиональной подготовкой на производстве, рождением и воспитанием детей» [22].

«Под «человеческим капиталом» сторонники этой теории понимают знания, навыки и способности человека, которые содействуют росту его производительной силы: «Он есть форма капитала, потому что он является источником будущих зарботков или будущих удовлетворений, или того и другого вместе. Он человеческий, потому что является составной частью человека» [23].

«Под ним [человеческим капиталом, вставка наша] понимаются инвестиции в развитие знаний, навыков и способностей человека, повышающих эффективность его труда. Инвестиции в человеческий капитал со временем компенсируются увеличением доходов» [16].

«Мы используем современное широкое толкование этого термина [«человеческий капитал», вставка наша], включающее состояние здоровья населения, уровень его знаний, умений и культуры, а также социальный капитал, включающий систему привитых воспитанием ценностей, ориентирующих людей на взаимное доверие и конструктивное сотрудничество и основанные на этом сети сложившихся общественных связей» [13].

Вышеприведенные определения в чем-то совпадают, в чем-то не совпадают, что естественно. Родоначальники теории, создавая ее, ищут предложения. Находят реальности или иллюзии. Предмет теории видоизменяется со временем. Продолжатели и интерпретаторы теории обнаруживают одно, привносят другое, сообразуясь со своим пониманием вопроса и отношением к исследуемой сфере

общественных отношений. Пользователи этой теорией, конечно же, пытаются подтолкнуть теорию к обеспечению своих интересов, стимулируя формирование в ней соответствующих теоретических положений.

Попытаемся выделить основные систематизирующие признаки «человеческого капитала», названные в этих определениях.

Человеческий капитал – это:

- запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций человека;

- знания, навыки и способности человека;

- инвестиции в развитие знаний, навыков и способностей человека.

Очевидно, что «запасы» здоровья, знаний, навыков, способностей и мотиваций людей были совокупным фактором экономической деятельности задолго до второй половины двадцатого века, но не определялись как «Капитал», а были отнесены к экономическим категориям «Труд», «рабочая сила человека», «производительная сила человека». Эти «запасы» объективно были фактором экономики и до XVII - XVIII в.в. С тех пор, как этот «запас» стал основной целесообразной человеческой деятельностью по извлечению из природы полезностей для человека, с тех пор, как эта деятельность стала общественной, когда произошло разделение труда, возник обмен продуктами труда, стали развиваться товарные и товарно-денежные отношения, этот «запас» считался совокупной способностью человека к труду, к экономической деятельности. Необходимо оценить, что нового в этой сфере производственных отношений произошло во второй половине XX века [5, 9, 18].

За все время развития экономической деятельности Человек развивал «запасы здоровья, знаний, навыков, способностей и мотиваций» у домашних животных, затрачивая на это свои средства, силы, время, знания, навыки и способности, относя эти затраты к «экономическим». Человек понимал, что развитие таких «запасов» у человека может быть более трудоемко, капиталоемко, чем у животных, но относил эти затраты к сфере «социальной», а не «экономической», называл их не инвестициями, а затратами, расходами на «рождение», «здоровоохранение», «воспитание», «образование», «обучение». Если уж возникали гносеологические или моральные затруднения при формировании таких «запасов» у «людей» и у «животных», то в Древнем Риме, например, вводили в оборот правовую норму - «Раб есть вещь», - снимающую такое затруднение.

Во второй половине XX века в развитых капиталистических

странах Человек формально, юридически свободен, требования к его профессиональным навыкам в некоторых сферах экономики (и не только экономики!) существенно выросли. Но общая необходимость в здоровье, образовании, воспитании, культуре Человека и для экономического, и для социального его развития сохранилась. Необходимо с достаточной точностью показать, что именно объективно изменилось, чтобы здоровье, образование, рождение, воспитание, обучение и даже мораль Человека перешли в категорию экономическую, а затраты на эти цели – в сферу экономическую.

Человеческий Капитал – связан с человеком, не отделен от человека, присущ только человеку:

- "имеющийся у человека запас";
- "накопленный человеком запас";
- "знания, навыки и способности человека";
- "является составной частью человека".

Человеческий капитал относится к свойствам индивидов, в то время, как физический капитал – к физическим объектам, а социальный капитал касается норм взаимности и доверия, возникших в отношениях между индивидами, организациями на основе общих интересов [11, по Р. Патнэму].

Но есть и такие позиции: «Человеческий капитал компании – это главная часть ее интеллектуального капитала (другая его часть – структурный капитал). Человеческий капитал, помимо знаний, практических навыков и творческих способностей служащих, включает моральные ценности компании, культуру труда и общий подход к делу» [13, по Л. Эдвардсону и М. Мэлоуну].

В этих утверждениях главным является то обстоятельство, что «человеческий капитал» - принадлежность человека, не существует без человека. Это очень важное обстоятельство, категорично отделяющее «запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций человека» от любых «запасов», присущих другим живым организмам, используемым человеком.

Но этого утверждения недостаточно. Оно связывает упомянутые запасы с физиологической, психической сущностью человека, но не определяет связи этого «запаса» с социальной, общественной, экономической его сущностью. Известно, хотя трактуется это в разных экономических теориях по-разному, что в социальной, экономической сущности человека как субъекта целесообразной человеческой экономической деятельности важнейшим фактором являются отношения собственности. В связи с этим важно определить, кто является собственником того запаса, который, в соответствии с теори-

ей «человеческого капитала», сформирован в результате инвестиций, накоплен человеком, имеется у человека. Человек – носитель этого «запаса». А он ли его единственный владелец, распорядитель и пользователь?

В приведенной выше цитате выражено убеждение, что «человеческий капитал» принадлежит (т.е. является собственностью) компании, так же как «интеллектуальный капитал» и «моральные ценности». Но могут ли здоровье и творческие способности человека стать собственностью компании в современных социально-экономических отношениях, складывающихся в развитых странах, – вызывает сомнения.

Согласно теории «человеческого капитала», упомянутый «запас», являющийся «человеческим капиталом», – содействует росту производительности труда и эффективности производства, влияет на рост доходов (заработка), используется в общественном воспроизводстве. Но в этом нет ничего, существенно отличающего такой «запас» во второй половине XX века от любого другого этапа развития человечества. Даже в рабовладельческом обществе, когда раб, со всеми своими «запасами», носителем и вместителем которых он являлся, был собственностью рабовладельца, «носителем и вместителем» «запаса», более эффективного с точки зрения рабовладельца, могли быть выданы дополнительные кусок хлеба, глоток вина и лоскут тряпки, то есть «будущий заработок или будущие удовлетворения».

На ключевой вопрос экономических отношений – кто является собственником «человеческого капитала» – теория «человеческого капитала» прямого ответа не дает. А с таким ответом связаны вопросы последующие, производные. Кто использует этот «запас» в общественном воспроизводстве? Кто заинтересован в росте производительности труда и эффективности производства, т.е. в получении дополнительной прибыли? Кто предложит отдельному человеку отдельную более высокую заработную плату или дополнительное «удовлетворение» за человеческий капитал, носителем которого этот человек является.

Если «человеческий капитал» – это инвестиции, затраты, расходы на рождение и воспитание детей, на сохранение здоровья, на развитие способностей и мотиваций, на приобретение знаний и навыков, то важно знать, кто инвестирует этот капитал в «человека» и по каким законам рыночной экономики. Если инвестирует сам «человек», включая в понятие «человек» лично будущего носителя созданного на эти инвестиции «капитала», его родителей, других

родственников, а также бескорыстных друзей и близких, - то он и является собственником «инвестированного капитала» и в дальнейшем сдает его в найм, в аренду, в залог и т.д. Если эти инвестиции «вложил» в человека некто третий, став собственником некоего «запаса», содержащегося в этом «человеке» как «капитал», то этот третий как собственник этого «капитала» может, используя механизмы рыночной экономики, использовать этот «капитал», вместе с «человеком» как вместилищем и носителем этого «капитала» для залога, аренды, купли, продажи, извлечения прибыли и сверхприбыли и т.д. и т.п. В таких отношениях «человек» как носитель «запаса» - тоже товар, предмет залога, арендуемый «капитал». Или «человек», вмещающий в себя «человеческий капитал», представляет собой нечто иное, человеческое, неразрывно связанное с «человеческим капиталом» и потому обращающееся в гражданском, капиталистическом, хозяйственном обороте в неких других экономических и правовых механизмах, чем «человеческий капитал». В каких?

Эти вопросы переплетаются со старым, не сегодня возникшим вопросом о «стоимости человеческой жизни», определение которой вызывает столько затруднений в законодательстве и правоприменительной практике и производит зачастую к парадоксально разным результатам.

Справедливы замечания о том, что затруднительно, а иногда невозможно в стоимостной форме измерить творческие способности человека, эффективность использования знаний, а уж тем более – честность, порядочность, доверие и др. А «социальный капитал – понятие слишком расплывчатое, чтобы его можно было применить в расчетах роста эффективности производства» [11]. Парадоксы со «стоимостью» тех качеств человека, которые включаются в «человеческий капитал», очевидны в ситуациях, когда в конкретном человеке вмещено некое качество, уникально приносящее не только повышенный заработок вместилищу этого качества, но и прибыль собственнику этого качества, купившему это качество, как оказывается, вместе с человеком. Таковы судьбы наиболее ценных футболистов и хоккеистов, продаваемых из клуба в клуб иногда вопреки своему желанию. Таковы контрактные обязательства, связывающие права творцов на продукты творческого труда, выполнявшегося по контрактам с особыми условиями.

Парадоксы со «стоимостью» тех качеств человека, которые включаются в «человеческий капитал», очевидны в ситуациях, когда «запасы» уникальных ягод, буюстов, бедер, улыбок, походок

популярных киноактрис, деятельниц в шоу-бизнесе, топ-моделей, страхуются, как уникальные ценности, на большие суммы. Являются ли они «человеческим капиталом»? Могут ли они быть предметом купли, продажи, залога, обмена и т.п. вместе с «носителями» этого «капитала» или отдельно от них?

Наверное, с этой неопределенностью связано то обстоятельство, что понятие «Капитал» не требует пояснений, когда его классифицируют по видам на «финансовый», «вещественный», «физический» и т.п., - все они есть «Капитал». А рядом с понятием «человеческий капитал» формируются связанные с многообразием проявлений человеческой сущности термины «интеллектуальный капитал», «моральный капитал», «политический капитал», «общественный капитал». Этими метафорическими терминами дополняют, поясняют понятие "человеческий капитал", которое, возможно, является такой же метафорой, которой образно, а не научно, ирреально, а не рационально попытались выразить содержание описываемого явления.

Формируются же такие теоретические преломления, в конце-концов, в следующие практические положения: «Государственные субсидии не должны предоставляться для профессионального обучения, которое увеличивает производительность труда обучающегося и в будущем компенсируется приростом доходов (обучение ветеринаров, дантистов, экономистов и т.п.);... профессиональное обучение является формой инвестиций в человеческий капитал, аналогичных инвестициям в физический капитал (здания, станки, оборудование)... М. Фридмен полагает, что форма доходности на человеческий и физический капиталы должна быть одинаковой... Теория человеческого капитала отражает новый подход к человеку, его роли в экономике... Теория человеческого капитала дает концепцию финансирования вложений в человека. Школьное образование, которое формирует человека как гражданина, финансируется государством. Профессиональное обучение, формирующее специалиста, осуществляется за счет собственных финансовых ресурсов индивидов, так как эти затраты компенсируются в будущем повышенными доходами» [16]. Одним из результатов практического применения этих теоретических положений является проводимая в настоящее время в России реформа в сфере образования, ориентированная на его коммерциализацию. Возникающие при этом «рыночном» подходе противоречия практического, жизненного характера теоретически не анализируются. При этом главное противоречие, концентрированно выраженное в эмоциональной, как бы нена-

учной форме: «Человек для экономики? Или экономика для человека?», - получает глубокий философский и политэкономический смысл [9]. Даже, казалось бы, обостренно политизированный лозунг «антиглобалистов»: «Люди дороже прибыли», - оказывается не только по-уличному практичен, но и теоретически содержателен, если анализировать его исходя из сущности человека и сущности капиталистической прибыли.

Отстаивая позитивное в содержании теории «человеческого капитала», ее сторонники отмечают: «Марксистская политэкономия отвергала теорию человеческого капитала. Это было сделано по идеологическим соображениям» [16].

В этом утверждении есть рациональное зерно. Во времена Карла Маркса, правда, теория человеческого капитала не существовала, и Карл Маркс в своей политэкономии отвергать ее не мог. Рациональность утверждения состоит в другом. Как отмечено выше, любая экономическая теория не может не быть не идеологизированной и, скажем приземленное, - не политизированной. И определенному строю идеологических постулатов соответствует политэкономическая наука, созданная последователями убеждений Карла Маркса. Это не означает, что теория «человеческого капитала» тоже не подчинена определенному строю идеологических императивов. Ответ проще всего найти при анализе практики применения этой теории. Практика дает точные ответы на вопрос, зачем понадобилось профессионально высокоподготовленным умам человечества готовить определенный теоретический аппарат. Тем более, что этот теоретический аппарат часто обслуживает этими же умами формируемые идеологемы и политические стратегии.

В таком случае, есть основания предположить, что такие явления, как «вывоз умов», «утечка мозгов», «импорт – экспорт образования», «импорт – экспорт «человеческого капитала», есть рациональные средства для повышения прибыльности финансового и «физического» капиталов, принадлежащих определенным собственникам. Что может возникнуть механизм извлечения прибыли и сверхприбыли из инвестиций в «человеческий капитал». Что механизм повышения эффективности инвестиций в формирование «человеческого капитала» есть средство для повышения эффективности производства повышения его прибыльности, рентабельности. Что внедрение всей совокупности рыночных капиталистических механизмов (прибыль, рента, аренда, спрос – предложения, конкуренция, монополии, цена, курс продаж и т.д. и т.п.) в человеческие отношения ведет к социальному расслоению человечества на «вы-

рацивателей человеческого капитала», инвесторов в «человеческий капитал», с одной стороны, и носителей «человеческого капитала», а также кого-то еще, не приносящего «такого же» роста производительности труда и повышения эффективности производства [4, 5, 7, 16].

Труд когда-то был Трудом Человека для Человека. Труд был Трудом раба для «другого» Человека. Человек отдавал Производству Труд, оставаясь Человеком. Теперь Человек отдает Производству «человеческий капитал», то есть знания, способности, навыки, здоровье, рождение и воспитание детей». Носитель «человеческого капитала» не становится Человеком, даже расставшись с Производством. Человек, перестав работать в Производстве, остается Потребителем, то есть элементом Производства. В такой логике Человек как «человеческий капитал» есть только частица Производства, используемая Предпринимателем, организовавшим Производство. Где же и когда Человек – Человек? Эта логика не сопрягается с теориями и идеологемами о Приоритете Личности, о Правах и Свободах Человека, о Социуме, о Гражданском Обществе. Все эти теоретические построения, включая теорию «человеческого капитала», сосуществуют независимо. Если «человеческий капитал» представляет духовное в человеке, неотрывное от человека, то как быть со свободой человека, когда «человеческий капитал» попадает, в силу экономических, капиталистических отношений, в зависимость от инвестора, нанимателя, покупателя и т.п.? Свободен ли человек, если его духовное, его «человеческий капитал» - в экономической зависимости? Отделимы ли в этом случае материальные начала человека от духовных – хотя бы в иллюзиях? В связи с этим не кажется неожиданным, не имеющим повода появление понятия «недочеловеческий капитал» и связанного с ним утверждения, что «к 2050 году Россия превращается в «сильно депопулированную страну инвалидов с высшим образованием» [2].

В теории «человеческого капитала», очевидно, есть рациональные стороны, отражающие действительность. Весь комплекс сфер, обеспечивающих жизнь и развитие человека, становится в XX веке капиталоемким. Производительные силы человека, умноженные профессиональной подготовкой, увеличиваются многократно. Теория «человеческого капитала» вырабатывает экономические механизмы учета, использования этих реальностей. Вопрос: для кого. Для Человека, для обеспечения его жизни, для рационального развития человечества, состоящего из разных, различающихся между собой наций, народов, отдельных людей. Или для экономики, ры-

ночной экономики, для ее развития в целях получения «предпринимательской» прибыли за счет продаж товаров и услуг. Или для экономики в целях жизнеобеспечения и развития людей, наций, народов, человечества, для экономики, в которой получение прибыли – средство, а не цель.

Если предположить, что теория «человеческого капитала» включает в свои методологические основы известное положение о том, что капитал есть «стоимость, приносящая прибавочную стоимость в результате эксплуатации наемных рабочих» [23], - эти вопросы могли бы исчезнуть? Стоимость, в результате сложных трансформаций, превращается в увеличенную стоимость. А то обстоятельство, что эти трансформации стоимости происходят в Человеке, - частности. На эту частности можно обратить внимание и учесть ее, применив прилагательное «человеческое». Остаются две проблемы.

Приведенное определение «Капитала» разработано в марксистской политэкономии и опирается, кроме других основ, на идеологию, не совпадающую с идеологическими постулатами «рыночной капиталистической экономики», составной частью которых являются и положения теории "человеческого капитала". Выход из этой теоретической, идеологической коллизии пока научного разрешения не получил.

Вторая проблема состоит в необходимости сохранить теоретически и идеологически изменяемой теорией "человеческого капитала" в отношении к Человеку – один из первичных, краеугольных (и взрывоопасных для капитализма!) тезисов капитализма, родившихся во времена французской буржуазной революции: «Свобода. Равенство. Братство.». В современном мире этот тезис развился в: «Права и Свободы Человека», «Права и Свободы Личности» превыше всего. Превращения социальной составляющей человека в «Капитал» (хотя бы и «человеческий») противоречит этим требованиям Равенства, Братства, Свобод и Прав для Человека.

Теория «человеческого капитала» решает это противоречие, вводя понятие «экономического человека», под которым понимается главный творческий субъект рыночной экономики; он обладает свободой выбора, принимает экономически рациональные и оптимальные решения с учетом всех имеющихся условий, возможностей и информации в соответствии со своими индивидуальными предпочтениями, интересами и целями [22].

Конечно же, при точном соблюдении всех признаков, названных в этом определении (не будем сейчас обращать внимание на его

внутренние противоречия), можно было бы только радоваться, что в мире появился столь идеальный субъект, принимающий участие в экономических процессах. Но сколько их в реальной действительности таких «главных творческих субъектов рыночной экономики»? Даже в США и в Западной Европе, на материале которых построены теории «человеческого капитала» и определение «экономический человек», не находят ни одного «конкретного субъекта», соответствующего всем названным признакам. Очевидно, эта дефиниция отражает иллюзию, идеологический фантом, а не реальность.

Можно полагать, что эти неразрешенные коллизии стали причиной рождения сомнений, «можно ли формирование «человеческого капитала» предоставить во власть институтов конкурентного рынка» [13].

* * *

"Теория природного капитала" находится пока на первых стадиях формирования, и у нас есть возможность анализировать только отдельные ее постулаты, только часть понятийного аппарата, не встроенную еще в стройную теоретическую схему. Возможно, что такая схема в конечном счете не появится, а появится другая. Но постулаты – есть, предпосылки к формированию теоретической схемы – есть, и это – достаточные основания для их анализа.

Отметим еще раз, что эти постулаты возникли как одна из форм теоретических реакций на реальное проявление действительности, на увеличение и усложнение роли Природы в целом и отдельных природных факторов в жизни человечества и в развитии его (человечества) экономики, его производительных сил. На этой объективной «почве» начался рост таких теоретических построений, как учения о ноосфере, о биосфере, об устойчивом развитии, о рациональном природопользовании и т.д.

Рассмотрим некоторые из основных положений [3, 14]. «Природный капитал – совокупность природных ресурсов, которые используются или могут использоваться в производств товаров».

Природный капитал – «запасы/активы (stock) природной среды, дающие поток ценных товаров и услуг в будущем»... «Этот устойчивый (sustainable) поток называется «природным доходом», а то, что его обеспечивает, – «природным капиталом»... «Природный капитал может производить также «экологические услуги».

«То, что они (экосистемы планеты) дают человечеству, можно рассматривать как «поток экологических услуг». Здесь напрашивается естественная аналогия с капиталом в традиционном понимании, который используется для производства товаров и услуг. По-

этому совокупность «природных активов», дающих человечеству ресурсы и экологические услуги, получила название «природного капитала».

Наряду с термином «экологические услуги», применяется термин «экосистемные услуги».

Природный капитал подразделяется «на два вида: возобновимый, или активный, и невозобновимый»... «Возобновимый природный капитал является аналогом средств производства – «механизмов» - и подвержен «амортизации»; невозобновляемый природный капитал скорее аналогичен товарно-сырьевым запасам и подвержен «ликвидации».

Мы не приводим здесь многостраничную подборку цитат. Мы не будем пытаться излишне придирчиво анализировать содержащиеся в цитатах положения. Необходимо учитывать, что формирование теории «экологической экономики», в рамках которой апробируется применение новой терминологии, насчитывает 10 – 15 лет. Трудно рассчитывать, что за это время удалось разработать точную, выверенную до мелочей, до тонкостей систему терминов. Более того, учитывая поисковый характер этих разработок, можно ожидать в формулировках несоответствия, незавершенность, неполноту, неопределенность, противоречия, даже предположительность некоторых положений.

Рассмотрим некоторые главные особенности приведенных формулировок. Прежде всего отметим, что некоторые вновь вводимые понятия не только несовершенны, но приводят (или могут привести в будущем) к искажению сущности исследуемых явлений и процессов. Например, неудачным представляется термин «экологическая услуга».

Природа, природные экосистемы не могут «давать» (оказывать) «услуги человечеству». Услуга – акт, действие осознанное, предполагает если не полное понимание, то осознание того, что это действие кому-то нужно; понимание того, что результат этого действия соответствует чьим-то интересам. Ни Природа, ни экосистемы не обладают сознанием, не осознают, не понимают процессов, происходящих в них. Они – не «делают». Природные процессы не есть осознанное действие (мы не рассматриваем здесь идеалистические верования, наделяющие Природу способностью осознавать и понимать свои действия).

Природа развивалась таким образом, что при определенных природных условиях появились органические вещества, живые организмы, биосфера, а в биосфере – человек как ее компонент; челове-

чество как организм социальный. Природа в этом развитии никому не оказывала и не может оказывать услуги, в том понимании, в каком термин «услуги» применяется в экономике. Природа существует, а не оказывает услуги: геологические, гидрологические, климатические, экологические, физические, химические и т.д. и т.п. [6, 8, 18, 19, 20].

Человек, Человечество, Общество, производные от Природы, существуют в вечной Природе не вечно, а только в природных условиях, сохраняющих узкий диапазон параметров, в которых они сформировались. Изменяются параметры – исчезнут человек, биосфера, живые организмы, органическое вещество. Если к такому изменению приложит свой разум и руки Человек – это будет не природная, не экологическая, а человеческая услуга. Самому себе.

В связи с этим, введение в научный оборот теоретического, а затем и прикладного термина «экологическая услуга» может сыграть с теорией и с практикой злую шутку. Термин этот, как видим, - основанное на видимости аналогии иносказание, обозначающее нечто придуманное, не существующее в действительности. Вслед за применением таких терминов возникает стремление использовать связанные с ними научный аппарат и прикладные методики, а затем и подменить сущность Предмета исследования на сущность того Предмета, который показался похожим по некоторым внешним признакам.

Не этим ли объясняются затруднения, которые испытывают исследователи и практики, многие годы (еще до появления теории «экологической экономики») пытались применить методы количественного определения цены, ценности, стоимости, эффективности и других экономических показателей для характеристики явлений Природы [12, 15, 21]. Не этим ли объясняется, что расчеты природной составляющей в стоимости национального богатства, основанные на разных проверенных и адекватных методах расчета стоимости «антропогенной» части этого богатства (капитала, основных фондов, рабочей силы и т.п.) приводят к результатам, различающимся в десятки и сотни раз, что, в первую очередь, вызывает сомнения в допустимости применения этих методов к природным явлениям и процессам.

Представляются неудачными и далеко идущие выводы из аналогии некоторых внешних признаков некоторых природных явлений с некоторыми внешними признаками некоторых вещей, являющихся товарами. Экономическая категория товар, прежде чем быть использованной в исследованиях методом аналогий, должна была

быть достаточно подробно рассмотрена.

Понятие товар – одно из сложнейших, первичных в политической экономии и в других экономических науках. Понятие товар – одно из простейших и расхожих на практическом, реальном рынке, где товар – все, что продается, покупается и имеет цену.

В теоретических построениях политической экономики, которых несколько, раскрытию понятия товар уделяется много внимания, посвящаются главы и разделы в монографиях и учебниках. Не рассматривая здесь в подробностях всю достаточно сложную аргументацию разных теорий товара, отметим, что конспективно, кратко сложные рассуждения о сущности «товара» можно свести к двум простым словесным конструкциям, сконцентрировано выражающим существо вопроса, применительно к нашей теме.

1. «Товар есть вещь, предназначенная для продажи».
2. «Товар есть вещь, произведенная для продажи».

Обе формулировки отражают реально существующие особенности реальных, конкретных явлений действительности, выступающих в качестве множества конкретных товаров. Каждая из формулировок не отрицает другую и не отрицает многообразия этих особенностей, но акцентирует внимание на одной, которая в каждой из этих формулировок оценивается как важнейшая принципиальная особенность. Различие, как видим, состоит в применении только двух слов: «предназначенная», или «произведенная».

Нетрудно путем дальнейших логических построений прийти к выводу, что из различия только в двух этих словах могут быть созданы две реальные экономики, различающиеся по целевому назначению, системам мотивов, принципам и механизмам функционирования и т.п. Одна – ориентированная в основном на производство. Вторая – ориентированная в основном на продажи. В одной – может быть товаром и быть проданным только то, что произведено. Следовательно, Природа в целом, в отдельных геосистемах и экосистемах, в отдельных компонентах, не опосредованная трудом человека в производстве, – в этой экономике товаром быть не может. В другой – может быть продано все, что захотелось, то есть «предназначилось» продать, хотя бы природу.

Ко второму типу экономики нетрудно привести примеры из практики. В некоторых реальных экономиках торгуют людьми. Продают участки лунной поверхности, и на этот «товар» находятся покупатели. Находятся частные лица, заявляющие права собственности на участки (земли? Льда? Недр?) в Антарктиде. Эти лица подают документы, оформленные юридически правильно в той пра-

новой системе, которая обслуживает этот тип реальной экономики. Эти документы рассматриваются в реально существующих инстанциях на предмет установления или не установления права собственности этого лица на заявленные участки, а следовательно, и на его право продавать таковые. Находятся частные лица, подающие заявки о признании, по праву первого заявителя, их права собственности на облака, которые до последнего времени ничьей собственностью не являлись. В такой логике нетрудно предположить появление заявки о признании права собственности на солнечный свет, которым человечество несомненно пользовалось и широко пользуется на удивление бесплатно, вопреки законам «рыночной экономики».

Многие из приведенных примеров выглядят парадоксально и пока ограничиваются формальным обменом документами, не приводящим к практическим результатам. В примерах с тем, как распорядится российское государство своим правом предоставления в пользование природных рыбных ресурсов, дело дошло до применения на практике.

Понятие «природные ресурсы» относится к слабо разработанному в экономической теории. До последнего времени – и не только в теории «экологической экономики» - недостаточно строго определены: основные системообразующие признаки; критерии разделения природных явлений на «ресурсы» и «нересурсы»; характер процесса перехода «природных явлений» (природных объектов) в «экономические явления» (экономические объекты); место явления «природный ресурс» в переходных состояниях в этом процессе; роль научных исследований в этом процессе; критерии определения различий между возобновимыми и невозобновимыми «природными явлениями», или «природными ресурсами», или «возобновляемыми и невозобновляемыми природными капиталами». Подвергается сомнению правомочность применения слова «ресурсы» (запасы производственные, бытовые и т.п.) к природным явлениям, которые существуют в Природе и, совершенно точно, не запасены человечеством для своего производства. Большие затруднения возникают при попытках определить стоимостные характеристики «природных ресурсов» по методикам, применяемым для определения стоимости производственных материальных ресурсов.

В мировом и российском рыбном хозяйстве до последнего времени, например, нет корректного определения, что такое водные биологические природные ресурсы. Простейшим решением вопроса было назвать водными биологическими ресурсами все обитающие в

естественных водоемах живые организмы, объявив их государственной (общественной) собственностью и предоставляя право пользования некоторой их частью за отдельную плату отдельным юридическим и физическим лицам. Это решение и было утверждено законодательно. Не затрагиваем целесообразность и разумность отнесения к природным ресурсам и присвоения себе права распоряжения, владения и пользования ими тех живых организмов, о существовании которых человечество не знает, или промысливать которые не умеет, или не промысливает которые, не зная их потребительских свойств и не нуждаясь в этих организмах. Рассмотрим потребляемые и давно опромышленные человеком виды рыб, образующих популяции, стада, стаи; рыб, то есть подвижных организмов, плавающих в подвижной среде.

Рыба, плавающая в реке Амур, например, может по несколько раз в день менять свое состояние «природного водного биологического ресурса» то для китайского, то для российского рыбного хозяйства. Чем регулируется эта смена состояний? По каким признакам определяется принадлежность рыбы как чьего-то ресурса? Тем, к какому берегу рыба сама приплывет? Тем, какой рыбак ее поймает? А если никто эту рыбу не поймает? Если она проживет свой век непойманной и, многократно проплавав от одного к другому берегу, погибнет в зубах другой рыбы на границе? Как расценивать этот факт с позиций экономики и юриспруденции? Применимы ли в этом случае отношения собственности в принципе? Чей ресурс «уничтожен» ненадлежащим пользователем и ненадлежащим способом? Или это всеобщий ресурс, исчезнувший сам по себе как невостребованный? Нелепо? Нелепо не критически применять экономические и правовые механизмы, разработанные для регулирования процессов общественного воспроизводства (производство – распределение – обмен – потребление), для управления процессами принципиально иными.

Рыба, естественно воспроизводящаяся и плавающая в океане, – объект биологический, а не экономический. Научными исследованиями, при неопределенности многих условий, методами прогнозирования с широким диапазоном допусков устанавливается видовой состав сообществ, места скоплений и пути миграций популяций, их половозрастная структура, видовые и размерные параметры и некоторые другие характеристики того, что названо «природным ресурсом». Можно установить потребительские свойства отдельных видов рыб; их нишу на потребительских рынках отдельных стран; пригодность тех или других орудий промысла для вылова этих рыб.

Но это не меняет существа вопроса. «Рыба», «показанная» как «ресурс» в прогнозе, может не существовать в том количестве, в те сроки, в том районе, в котором она «запрогнозирована». Ни теоретически, ни методически не определено, может ли ирреальная рыба быть экономическим объектом. Может ли рыба, плавающая в естественных условиях, быть экономическим объектом.

Но государство решило продавать эту рыбу на аукционах, лотами, в определенном количестве, в определенный срок промысла, в определенном районе, в определенном видовом составе. В реальности государство продает на аукционе, а рыбопользователь (или перепродавец) покупает на аукционе не рыбу, а право на промысел рыбы. На аукционе куплена «бумага», дающая право приплыть в район промысла и погружать орудие промысла в водную среду, где предположительно, в соответствии с прогнозами, может обитать рыба. На аукционе продана основанная на прогнозах и зафиксированная в документах надежда на то, что погруженное в воду орудие промысла вернется на борт судна с рыбой, а не с «тиной морской». На аукционе за надежду заплачены реальные деньги, как правило, втридорога, и покупатель надежды сделает все, чтобы реализовать купленную надежду, выловить из океана сторицей. Об этом заявляется публично и многократно. Это подтверждается сопоставлением прямых и косвенных данных о выловленной рыбе и морепродуктах с данными о продукции из них, проданной отечественным и зарубежным покупателям. Это подтверждается научными данными об оскудении рыбных запасов вследствие перепромысла.

В конечном счете, описанный экономический механизм, действовавший в России в 2000-2004 годах, проявил свою практическую непригодность для рационального управления и рыбным хозяйством и «водными биологическими ресурсами», способствовал уверенному разрушению и того, и другого. Для государства это, может быть, не стало ясно теоретически, но практическую опасность оно ощутило и эту систему аукционов отменило. Однако отношение к «бумаге», разрешающей промысел рыбы, как к товару; отношение к непойманной и, возможно, не существующей рыбе как к товару у государства осталось. И в готовящихся законодательных документах записывают положения о сохранении (с частными изменениями) аукционной системы получения права на промысел рыбы, об организации вторичного рынка квот на промысел рыбы, то есть о продаже и перепродаже надежд как товара.

Неконструктивность этого подхода, не зависящая от частных его изменений, не меняется. Исключительно отвлеченный интерес

представляет вопрос, чем обусловлен этот подход: неудачной теорией в целом, неудачной трактовкой отдельных теоретических положений, убежденностью практики в том, что торговать можно чем угодно, лишь бы купунали.

Этот пример иллюстрирует положение о непригодности (полной, или частичной?) традиционных и апробированных методов экономического и правового управления материальными антропогенными производственными ресурсами для регулирования отношений по поводу «ресурсов природных», в которые попали природные явления, названные не только водными биологическими, но и охотничье-промысловыми, лесными древесными и т.н. «побочными», водными, минерально-сырьевыми, топливно-энергетическими, гидроэнергетическими, ветроэнергетическими ресурсами и т.д., и т.п. У каждого из этих видов «природных ресурсов» свои особенности. Рыбы – «подвижное в подвижном». «Ресурсы» недр невидимы и представляют для человека вечную задачу своими параметрами. «Ресурсы» перелетных птиц, в особенности из «вирусного центра» в Юго-Восточной Азии, могут принести с собой не только «поток товаров и услуг» (мясо, пух, удовольствие от охоты), но и эпидемические болезни. «Лесные ресурсы», учитываемые по «площадям, покрытым лесом», учитывают лес как объект природный, а не экономический «природный ресурс», он должен быть не только изучен и посчитан, но и достижим транспортно. «Климатические ресурсы» считаются важными для развития не столько отдельных предприятий, сколько для формирования отраслей хозяйства в географических зонах и как бы даны «извечно», от Бога. В некоторые переходные периоды состояний Природы они начинают доставлять для экономически мыслящих теоретиков и практиков удивительные проблемы: «потепление» или «похолодание» ждет планету Земля; где будут засухи и затопления; где и какие виды сельскохозяйственного, рекреационного, другого зависящего от климатических условий производства имеют перспективы развития. Если мы не можем получить ответы на эти вопросы, определяющие судьбы развития отраслей и межотраслевых комплексов, то вряд ли уместно продолжать употреблять экономическое понятие «ресурсы», а тем более, «капитал» к такому природному явлению, как «климат». Вряд ли уместно и определять собственность на этот «капитал».

При всех различиях между ними, природные объекты, которые человек называет «природными ресурсами», для того, чтобы действительно оцениваться как «природные ресурсы» определенного

производства не только в сиюминутном, но в долгосрочном, стратегическом отношении, должны, при современном развитии экономики, пройти длительное, сложное, требующее материальных, финансовых и трудовых затрат опосредованные научными исследованиями, изысканиями, разведывательно-поисковыми и земле-, лесо-, охотоустроительными работами и т.п.

Создавая методологически полноценную теоретическую конструкцию «природного капитала», необходимо выработать научно корректные критерии для определения, когда «природные объекты» переходят в категорию «природные ресурсы», а затем в категорию «природный капитал». Становятся ли при этом «природные объекты» полностью «экономическими объектами», или имеют в этих переходах двойственную сущность. Необходимо ли «природному объекту», чтобы полностью и однозначно стать «экономическим объектом», быть извлеченным из «природных процессов» и стать составной частью экономического производственного процесса. Природа ли дает человеку «поток товаров и услуг», или Человек своим Трудом извлекает из Природы «полезные» для себя «компоненты Природы», преобразуя их в «товары и услуги».

Если эти вопросы предоставляются излишне теоретизированными, и умышленно запутанными, то их можно перевести в плоскость практическую. Как установить, является ли «природным капиталом» порода, которую человек извлекает из Природы; отделяет от природных процессов; разделяет её на «товары» (концентрат, металл) и «пустую породу», выбрасывая последнюю в отвалы, назад в Природу. В Природе не было природных процессов, в которые могли бы сразу попасть эти, изначально экономически и производственно-технически не нужные компоненты: иногда это не просто «бесполезные компоненты», а «вредные примеси». Человек называет эти компоненты «Отходами», избавляется от них. «Уходят» ли «Отходы» из экономического процесса? Или остаются «природными капиталами», сохраняя «экономическую» сущность. Или, перестав сущностно быть сначала «природными объектами», а затем «экономическими объектами», стали, побывав в руках у Человека, новой сущностью, «Отходами», «Загрязнениями», которые не нужны ни Человеку, ни Природе, поскольку не являются уже ни частью производственных «человеческих», «антропогенных», ни частью естественных природных ресурсов. Теперь они не нужны и Капиталу? Чья они теперь собственность? [12, 15].

Пока вне нашего внимания остается вопрос, какую роль в этих метаморфозах «природных объектов», начинающихся с превраще-

ния в «природный капитал», играет «капитал человеческий», о котором шла речь в первой части статьи, который образовался из Человека так же, как «капитал природный» из Природы. Не является ли в судьбе и Природы, и Человека общим то, что, превращаясь в «природный капитал» и «человеческий капитал», и Природа, и Человек (то есть и «Труд», и «Земля»?) попадают в определенной системе общественных отношений полностью во власть Капитала, становятся только источниками, дающими «поток прибыли и сверхприбыли» [7, 10]. Как и когда Природа и Человек становятся «природным капиталом» и «человеческим капиталом»? При помощи инвестиций, произведенных в них Капиталом? Можно ли предположить, что почти одновременное возникновение обеих рассматриваемых теорий является частью процесса научного обеспечения современной стадии формирования человечества в некое однообразно капитализированное единство: «глобализации» на основе «тотализации капитализма»?

В работах, посвященных и развитию, и критике теоретических учений о «человеческом капитале» и о «природном капитале», отмечается, что человечество переживало и переживает увлечения многими идеологическими течениями, по-разному трактующими отношения в Обществе, по-разному расставляет приоритеты, по-разному определяет главное, что движет развитие Общества. «Алармизм», «аскетизм», «экологический экстремизм» и т.п. – с одной стороны. «Свободно развивающаяся саморегулирующаяся экономика», «экономический антропоцентризм», «экономический экстремизм», «экономический колониализм и неоколониализм», «распределение доходов, прибыли и сверхприбыли в интересах наиболее инициативных, развитых личностей, социальных групп, народов и стран», «глобализация» и т.п. – с другой стороны. «Антропоцентризм», «социальный экстремизм» в разных формах, вплоть до вооруженных; «права и свободы человека» (отсюда далеко ли до «всеобщего равенства прав и свобод всех людей») – с третьей. И вечное увлечение человечество войнами, вплоть до мировых, в основе которых, в конечном счете, экономические интересы, т.е. перераспределение экономических ресурсов, - находится в ряду таких приоритетов.

Все эти «увлечения» влияют, не могут не влиять, должны учитываться при формировании научных теоретических построений. Всё это – данности, в разной мере и с разных сторон отражающие определенные стадии развития Природы и Человека в ней. Экономика как способ обеспечения жизнедеятельности Человека в При-

роде будет существовать, меняя формы, пока будет развиваться человечество. Капитал как одна из форм существования, развития экономики - преходящ. Он существует, пока обеспечивает, на определенной стадии эффективность развития экономики как способа обеспечения жизнедеятельности Человека в Природе. На разных стадиях развития человечества и экономики возможны проявления сходств и различий между разными явлениями, в том числе и между отдельными проявлениями Капитала, Человека, Природы в меняющихся общественных отношениях. Эти аналогии неизбежно используются в научных исследованиях. Но аналогия – не тождество. Методологически важно постоянно контролировать научный поиск от опасности оказаться в плену удобства внешних сходств и аналогий, оказаться в плену иллюзий внешних аналогий и удобства терминологии, чтобы незаметно не заменить внешним сущностное в объекте исследования. Такое может произойти при использовании частного, исторически кратковременного явления, определяемого понятием «Капитал», вместе с этим понятием при исследовании такого намного более долговременного явления, как Человек, человечество; такого вечного явления, как Природа.

Использование в рассматриваемом случае аналогий не только неудачно методологически. С этим можно примириться, это не первый случай применения неудачных терминов в науке. Заключив в научном сообществе соглашение, что слово «капитал» применено в конструкциях понятий «человеческий капитал» и «природный капитал» метафорически, а не содержательно, можно было бы считать методологическую и методическую проблему нейтрализованной.

Но эти аналогии в рассматриваемом случае опасны практически, поскольку уже приводят к попыткам прямого использования методического, математического, экономического аппарата, разработанного для управления капиталом в производственных экономических процессах, при попытках регулирования совершенно иных процессов, происходящих в Природе, Человеке, Обществе. Эти набравшие инерцию и силу попытки могут стать одной из причин глобальных экологических и социально-экономических кризисов.

Интересные соображения по рассмотренной теме высказал известный (и, как говорят сейчас, – успешный) практик капиталистического общественного устройства, формирующий свои воззрения на теорию экономики Дж. Сорос.

«Как должно быть организовано общество, как людям следует строить жизнь – эти вопросы нельзя рассматривать, исходя исключительно из рыночных ценностей.

Однако именно так обычно и поступают. Влияние экономической теории распространилось далеко за те границы, которые задают ей постулат аксиоматической системы. Рыночные фундаменталисты трансформировали аксиоматическую, ценностно-нейтральную теорию в идеологию, оказывающую сильное и опасное влияние на поведение людей в политике и экономике. С этим связан один из ключевых вопросов, к которому я хочу обратиться в этой книге: как рыночные ценности проникают в те сферы жизни общества, где места им быть не должно?» [17].

* * *

Наверное, эта статья может показаться недостаточно конструктивной. В ней слишком много вопросов. И почти нет ответов. Но проблема состоит в том, что эти вопросы поставлены не в статье, а в жизни, в окружающей человечество и существующей в нём реальной действительности. И полноценных ответов на эти вопросы современная наука еще не выработала.

Возможно, что для таких ответов необходимо сформировать новые отрасли знания, т.н. междисциплинарные, «трандисциплинарные». В науке постоянно возникают новые направления поиска, когда жизнь ставит новые задачи. Возникали «физическая химия» и «химическая физика», «экономическая география» и «региональная экономика», и т.д. и т.п. Возможно, и, наверное, так и есть, что теории «человеческого капитала», «экологической экономики», понятия «природный капитал», «экономический человек» возникают как реакция научной среды на практические задачи Общества. Возможно, что, в связи с необходимостью решения этих задач, возникнут и новые направления научных исследований, часть которых разовьется в новые теории.

Но жизнь требует отвечать на свои вопросы быстро. Некоторые вопросы представляют не только научный, исследовательский интерес. Они затрагивают реальные судьбы конкретных, сию минуту еще живущих отдельных людей, народов, стран; отдельных компонентов геологической среды, отдельных рек, морей, лесных массивов, популяций, видов живых организмов. Отвечать на эти вопросы надо быстро, поскольку современный мир, современная экономика, современное производство скоротечны. Запоздалый ответ может оказаться представляющим «чисто академический» интерес для истории науки: случай, когда наука могла помочь, но не успела.

Эта статья носит дискуссионный характер. Она может вызвать критику. Критика может оказаться жгуче острой, поскольку многие вопросы затрагивают идеологизированные и даже остро политизи-

рованные темы. Автор надеется, что и обсуждения, и критика, и даже острые высказывания помогут ускорить получение ответов на стоящие перед всеми нами вопросы.

Библиография.

1. Бобылев, С.Н. Развитие человеческого потенциала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 1. 2005 г. с. 41-63.

2. Ваганов, А. Недочеловеческий капитал // Независимая газета 23.03.2005 г.

3. Глазырина, И.П. Природный капитал в экономике переходного периода. – М.: Природа. РЭФИА. 2001. – 204 с.

4. Доклад о развитии человека за 1999 г., UNDP, Нью-Йорк, Оксфорд юниверсити пресс, 1999, 264 с.

5. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 год. / Под общ. ред. Проф. С.Н. Бобылева. – М.: Ингер Диалект, 2002 – 102 с.

6. Клубов, С.В., Прозоров, Л.А. Геоэкология: история, понятия, современное состояние – М.: ВНИИ зарубежгеология, 1993 – 208 с.

7. Львов, Д.С. Концепция управления национальным имуществом. Научный доклад на заседании Президиума РАН 12.02.2002 г. // Экономическая наука современной России, №2 (9) экспресс выпуск 2002 г. с. 5-24.

8. Люри, Д.И. Развитие ресурсопользования и экологические кризисы – М.: ООО «Издательство Дельта». 1997 – 174 с.

9. Мальцева, Н.Л. Человек и человечество: на пути к устойчивому развитию – Волгоград.: Изд-во Института Качеств, 1996 – 176.

10. Моисеев, Н.Н. «Устойчивое развитие» или «стратегия переходного периода» // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. №1-2. 1995 г. с. 30.

11. Надель, С. Н. Социальные факторы экономического роста // Мировая экономика и международные отношения, 2005. - № 5. - с. 26 -33.

12. Нестеров, П.М., Нестеров П.А. Экономика природопользования и рынок – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997 – 413 с.

13. Ольсевич, Ю., Мазарчук, В. О специфике экономических институтов социальной сферы // Вопросы экономики, 2005. - № 5. – с. 50-64.

14. От плана к рынку. Отчёт о мировом развитии – 1996. Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. – 1996 г. – 312 с.

15. Рыночные методы управления окружающей средой: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Голубева. – М.: ГУ ВШЭ, 2002 – 287с.
16. Сажина, М.А., Чибриков, Г.Г. Экономическая теория. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М. 1998 – 456 с.
17. Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001. – 458 с.
18. Тейяр де Шарден П. Феномен человека – М.: Наука, 1987 – 240 с.
19. Уайт, Г. География, ресурсы и окружающая среда – М.: Прогресс. 1990 – 544 с.
20. Человек и природа. ИФ АН СССР. – М.: Наука. 1987- 240 с.
21. Экономика сохранения биоразнообразия / Под ред. А.А. Тишкова. Научные редакторы составители: д.э.н.С.Н. «Бобылев, д.э.н. О.Е. Медведева, к.э.н. С.В. Соловьева. М.: Проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия Российской Федерации», Институт экономики природопользования, 2002 – 604 с.
22. Экономическая теория / Под ред. А.И. Добрынина – Л.С. Тарасевича: Уч. Для вузов – СПб «Питер Пабблишинг», 1997 г. – 480 с.
23. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. (В 4-х томах) Гл. ред. А.М. Румянцев – М.: «Советская Энциклопедия», 1980 г.

Экономика природопользования, 2006, №1.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Под информационной политикой мы понимаем совокупность управленческих процессов, организующих целенаправленное формирование и функционирование информационных систем. Независимо от разделения известных информационных систем на типы, например на естественные и искусственные (распространены утверждения о существовании и «сверхъестественных» информационных систем, функционирование которых научно не объяснено), отметим, что в простейшем виде любую информационную систему можно представить как неразрывное сочетание источника информации, получателя информации, а также информации как таковой (Винер, Эшби, Глушков и др.).

В последнее время распространено убеждение, что информационные системы – это системы, передающие информацию (напри-

мер, «средства массовой информации».) Такое заужение рассмотренного объекта может быть объяснено удобством изучения и создания передающих систем, сферы, в которой в относительно короткое время произошло много научных открытий, внедрено много новаций. Можно назвать открытие ДНК как формы передачи наследственности; раскрытие механизмов функционирования нервных систем; внедрение телевидения, мобильных телефонных систем, Интернета, индивидуального пользования средств передачи изображений в реальном режиме времени и др. С этим связано выделение передающих систем в самостоятельный предмет изучения и управления. Но это привело и к фетишизации передающих систем, распространению убеждения, что эти системы – источник информации и даже сама информация, то есть содержание информационного импульса (например, ДНК). Это, в свою очередь, открывает возможность для осознанного отвлечения внимания Общества от изучения и управления информационными системами в целом и отдельными элементами информационных процессов. За рамками внимания оказываются источники информации (в этом одно из главных противоречий: источники информации чаще всего являются субъектами, управляющими информационными системами и процессами), закономерности формирования содержания информации (и дезинформации), особенности конечных получателей (и промежуточных «ретрансляторов») информации.

Названное заужение объекта – т.е. информационных систем – приводит не только к затруднениям в научных исследованиях. Такие затруднения преодолены достаточно надежными научными методами.

Более важной для Общества представляется практическая сторона, где открывается возможность вуалировать манипулирование информационными процессами, управлять ими и формировать их содержание в частных интересах отдельных социально-экономических групп, как правило, господствующих в Обществе. Управление информационными процессами в этом случае может оказаться изолированным от разнообразия интересов других социально-экономических групп (в т.ч. национальных, конфессиональных и т.п.), из которых состоит Общество. На международном уровне это чревато, как минимум, недостаточным учетом интересов и особенностей этнических групп, государств, межгосударственных сообществ и «цивилизаций», как отдельных, так и интегрированных.

Для организации рационального управления информационными

процессами (политика – один из методов управления) необходим также учет возрастающей дифференциации информационных подсистем и быстро развивающейся их интеграции в национальные, международные, глобальную системы. Усложнение разнообразия информационных подсистем происходит по признакам целевым (распространение информации о событиях, толкований о событиях, знаний о природе и обществе; обмен сведениями; навязывание мнений; изменение системы социальных ценностей и др.); видовым (информация экономическая, правовая, научная, религиозная, развлекательная и др.); технического, организационного и иного обеспечения (личное общение, почта, средства массовой информации, мобильный телефон, Интернет, собрания общественных и политических организаций и др.); иерархического уровня в общественных структурах и т.п. Интеграция информационных систем происходит в различных формах, из которых выделим две, имеющие непосредственное отношение к теме управления: целенаправленная и спонтанная (самопроизвольная).

Очевидно, что между этими двумя «чистыми» формами не может не существовать множество смешанных. Целеполагание, вырабатываемое рационально по направленности и точно методически, не может не учитывать спонтанные процессы по определению, так как целеполагание предполагает учет всего многообразия влияющих на процесс факторов. Степень такого учета зависит от многих обстоятельств, но не может быть полной, и также по определению самопроизвольные явления не могут быть учтены с исчерпывающей полнотой в силу законов познания мира человеком.

При разработке и реализации информационной политики необходимо учитывать наличие и других противоречий разного уровня, значения, сложности. К наиболее сложным относятся реальные, многократно зафиксированные и описанные противостояния между источниками информационных потоков, интегрирующие сочетания множества противоречий и часто проявляющиеся в острой форме «информационных войн».

Важнейшее противоречие заключается в сочетании субъективной и объективной сторон в содержании информационных потоков. В связи с этим важен учет степени проявления осознанного и неосознанного в разработке и распространении недостоверной информации. Большое значение имеет противоречие, заключающееся в стремлении к явной или скрытой, ведомственной, отраслевой или политической монополизации «истины», «правды» в сообщениях и толкованиях. Часто в дискуссиях это обстоятельство сводится к

«правде» профессиональных журналистов. Сущность этого противоречия состоит не в более или менее высоком уровне профессионализма, то есть профессиональной готовности журналиста разобратся в сущности отражаемого информационного явления; не в умении четко выразить свои мысли, а также не в большей или меньшей степени его приверженности к соблюдению общепринятых моральных установок. Сущность этого противоречия состоит в том, что «правда», «истина», в силу гносеологических закономерностей, не могут быть полными и не могут быть предметом монополизации. Иначе, как следствие нарушения теоретических постулатов, в структурах управления Обществом неизбежно выделяются Министерства или Межгосударственные Управления «правды». Учет этого обстоятельства тем более важен, что, со времен возникновения товарно-денежных отношений и в особенности в условиях развитой «рыночной экономики», информация является не только «правдой», но и предметом обмена на деньги, товаром, «продаваемость», «реализуемость» которого зависит от формы подачи, рекламы и т.п. Этот фактор очень часто оказывает на содержание информации заметное, иногда решающее влияние.

Используя известные, данные по аналогии и широко распространенные определения средств массовой информации как отраслевых структур и журналистики как профессии, можно сказать, что для этого блока информационных систем характерно сочетание и противоборство двух общественных состояний, балансирование между двумя неформализованными статусами: «четвертой власти» и «второй древнейшей профессии».

К важнейшим противоречиям формирования информационного пространства относятся те, что связаны с соотношением общего и частного. Одно из них связано с противопоставлением информации для «элиты» и информации для «толпы». Практически это реализуется в виде таких явлений, как «масс - медиа», «Массовая культура», «КИТЧ», «поп-культура» и т.п., ориентированных на низкую интеллектуальную, моральную, эмоциональную планку восприятия познавательной и эстетической информации. Эта планка определяется уровнем инстинктов, часто низменных; догадок, часто беспочвенных; гаданий и т.п. Такой уровень формируется путем систематического, дозированного, однонаправленного внушения, психологически отсекающего «толпу» от адекватного восприятия даже случайно оказывающейся в поле её внимания «незапланированной» информации других направлений и в других дозах. С давних времен такую практику называют «оглуплением», «оболваниванием»,

«психологической обработкой». При этом на другом полюсе информационного пространства концентрируется информация для «элиты». К такой информации относится чаще всего не высокого и высочайшего познавательного и эстетического уровня достижения национальных и общечеловеческих талантов и гениев. В большем объеме здесь концентрируются информационные потоки, содержание которых выражает мировоззренческие ценности и эмоциональные "приятности" самопровозгласившей себя «элиты», которая внутренне связана не с этими высочайшего уровня достижениями. Такая «элита» сформирована отбором по принципу близости к интересам сил, экономически, политически, социально (и информационно) господствующих в обществе. Именно эта «элита» через целенаправленное формирование информационных потоков внушает «упрощенные» мировоззренческие ценности «толпе».

Информационное пространство регионального, национального и даже глубинного уровня разнообразно по структуре и состоит не только из двух полюсов. Но, как правило, в социально устоявшемся, малоподвижном обществе эти информационные полюсы более заметны и оказывают наибольшее влияние на состояние общества в целом.

К важнейшим противоречиям относится комплекс проблем, складывающихся в процессе соединения в общечеловеческое и государственные сообщества всего многообразия этнических, национальных, государственно-организованных, цивилизационных, профессиональных и других явлений. Он отражает диалектические противоречия между общим и частным, абстрактным и конкретным. В информационных процессах они проявляются не только в том, что объективно происходящее формирование укрупняющихся человеческих общностей часто оказывается в зависимости от частных интересов отдельных социально-экономических группировок. (см. выше).

На общечеловеческом уровне в 1990-е годы зафиксированы и действуют, как минимум, две формы объединения человечества в глобальное единство. Одна из них названа «глобализацией» и выражает интересы крупнейших транснациональных и национальных экономических группировок, господствующих в развитых странах. Другая – «устойчивое развитие», научно обоснованное, межгосударственное, пытающееся выразить интересы многих народов и социальных групп движение к природосберегающему, ресурсоемостойчивому, экономически рациональному и социально сбалансированному развитию всего человечества. В 1990-е годы зафиксиро-

рованы и проявления противодействия между этими движениями.

Важное значение при разрешении этого противоречия имеет необходимость соблюдения одного из важнейших принципов построения сложных систем, к которым, несомненно, относятся и крупные человеческие общности. Необходимым условием сохранения таких систем является сохранение разнообразия, сложности структуры. Упрощение структуры сложности систем ведет к их разрушению. Человечество, формируясь в государственную, глобальную, иные общности, должно сохранять свое вышеназванное разнообразие, не допускать перерастания объективно необходимых внутрисистемных противоречий в разрушительные остроконфликтные формы.

В качестве условного аналога формирующейся общечеловеческой социальной системы можно рассматривать биосферу. Эта аналогия тем более допустима, что Человек является составной частью биосферы, и тем более, что деятельность Человечества может и обеспечить ее сохранение в состоянии, необходимом для существования Человека как вида, и может разрушить ее, в частности вследствие разрушения ее разнообразия. Из этих сопоставлений можно сделать вывод, что устойчивые, рационально с точки зрения общественных интересов развивающиеся информационные системы должны обладать и такими качествами, как разнообразие и отсутствие разрушающих внутрисистемных приоритетов.

Учет названных и других обстоятельств необходим при формировании и реализации любой политики, в том числе и информационной, если эта политика рассчитывается на долговременность, устойчивость, саморазвитие, способность адаптироваться к принципиально изменяющимся общественным и природным условиям. В настоящее время это важно не только для господствующих экономических и политических сил, как это было ранее. В построении и функционировании информационной системы важным было и остается обеспечить управляемость, то есть состояние, при котором реакции управляемых подсистем адекватны содержанию (в идеальном случае – ожиданиям) управленческих сигналов управляющей подсистемы. В практике человечества были ситуации, когда управленцы руководствовались иллюзиями, считая управляемостью деятельность управленческой подсистемы, которая в таких случаях переставала соответствовать не только близкой и отдаленной перспективе, но и мимолетным состояниям социально-экономических систем в целом.

В связи с этим, учитывая, что человечество достигло уровня

развития, при котором оно способно разрушить себя и среду своего обитания, развитие эффективных управляющих, в этом числе информационных, систем и подсистем, выражающих не частные, а общественные интересы, и проведение ими эффективной, в том числе информационной, политики - не имеет альтернативы.

*Международная конференция «Программа Юнеско» развитие национальной и международной информационной политики.
2-7.09.2003.*

К ВОПРОСУ О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В РОССИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

События, происшедшие в Советском Союзе, а затем в России в конце 1980-х и в 1990-е годы, имеют, несомненно, огромное значение в развитии человечества и народов России. Их многогранность, близость во времени и незавершённость послужили, вероятно, причиной тому, что до сих пор не появилось исчерпывающих монографических исследований, обстоятельно и всесторонне раскрывающих истоки и содержание происшедших и ещё происходящих процессов. С этими событиями связаны такие глобального значения явления, как окончание холодной войны между «империалистическим и социалистическим» блоками стран; крупнейшее (по значению и последствиям, возможно, крупнейшее за всю историю человечества) военно-политическое поражение одной из двух сверхдержав, СССР, сопровождавшееся исчезновением её с карты Земного Шара; распад одной из ведущих в мире по производственному и научно-техническому потенциалу и относительно закрытой от мирового рынка экономик; почти неконтролируемый массовый вывоз из России многолетних стратегических запасов, сырья и капиталов при внезапно во много раз выросшем внешнем долге. Эти факторы оказывают и долго ещё будут оказывать разнонаправленные экономические воздействия на российский и мировой рынки. Гигантская по масштабам и исторически мгновенная раздача в частную собственность 7/8 находившегося в государственной собственности производственного потенциала страны настолько вытолкнула из относительного равновесия всю систему общественных и, в первую очередь, экономических отношений в России, что для приведения их в новое относительно равновесное состояние понадобятся десятилетия. В сфере собственности предстоит длительный период многократных переделов, сопровождающихся социальными эксцессами. Россия обрела вдруг не столько демократию (по этому поводу ещё

много разночтений), сколько свободу слова, которую имела за свою историю очень нечасто. Аналогичные и недолгие по времени всплески относительно свободного слова были в 1860-е и в 1920-е годы. В 1990-е годы Россия воспользовалась свободой слова настолько широко, что свободные слова, достойные Человека, часто тонут в словах иного качества, а это может стать и формальным поводом для очередных ограничений. Надо бы вспоминать историю. Как бы наше поколение своим сквернословием не дало повод и в третий раз стреножить любителей свободно поговорить в России.

Множество этих и других радикальных изменений в обществе сопровождалось широчайшим потоком пропагандистских утверждений, что эти изменения являются не более, чем реформами. Напомним часть этих многочисленных словопостроеваний: «курс реформ», «отстоим курс реформ», «демократические реформы», «экономические реформы», «реформы Гайдара», «Ельцин – гарант сохранения курса реформ», «революций не допустим», «революционные потрясения нам не нужны», «Россия исчерпала лимит на революции». В научной литературе с конца 1980-х годов встречались и другие постановки вопроса, например: «Перестройка и революция: опыт прошлого и попытка прогноза» [20]. Но для массового употребления, как пропагандистское средство, как мобилизующий и как бы успокаивающий от радикализма лозунг, движущий и направляющий общественные силы, речь шла именно о реформах, о процессе эволюционном, а не о революции, ломающей общество. Словом «революция» - пугали. Связывали его со словами «коммунизм», «коммуняки», «коммуно-фашисты» и т.д. и т.п., укладывая их в синонимический ряд с понятием «разрушение» («...весь мир...разрушим до основания»). Слово «реформы» противопоставлялось слову «революция» как нечто плавное, созидающее, мягко улучшающее, с небольшими, конечно, зазубринами, но не вследствие разрушительности процесса в целом, а по причине случайных, нетипичных, временных и устранимых ошибок.

Такова была не только пропагандистская практика. Большинство экономических работ также не выходили за рамки реформаторской трактовки событий. Это можно объяснить: от профессионалов-экономистов жизнь непрерывно требовала экономического анализа последствий конкретных, как правило, неудачных по результатам экономических реформаций правительства, а также экономических обоснований предстоящих его экономических действий. Поэтому профессиональный анализ замыкался, как правило, в кругу «технических» экономических проблем обеспечения реформ: «эмиссия»,

«ставка рефинансирования», «ускорение институциональных преобразований», «ускоренное создание рыночной инфраструктуры», «финансовая стабилизация», «преобразование естественных монополий», «механизм банкротства», «скорость проведения реформ» и т.п. По этим и многим другим вопросам было много дискуссий со ссылками на теории «монетаризма», «кейнсианства», «свободной экономики», «рыночного социализма», на программы Международного Валютного Фонда, «Вашингтонского консенсуса» и т.п. Но все дискуссии велись в рамках реформаторской проблематики и терминологии.

Даже в обобщающих, в будущем обращённых подборках статей (например, «Вопросы экономики» №12-2000г. с материалами под рубрикой «Вступая в новое тысячелетие. На рубеже веков»; «Экономическая наука современной России», экспресс-выпуск №1(5) 2000г. с материалами дискуссии «О теоретических основах выбора экономического курса в современной России») авторы не выходят за пределы реформаторского понимания сущности российских преобразований. Сущностные вопросы формационного характера затрагивались редко. Например: «Я начну с утверждения (не предположения, но утверждения), что капиталистическая система превосходит социалистическую» [15]. «Переход от социализма к капитализму должен протекать органично... Это странное сочетание революции и эволюции». Или, например: «Современная – это, прежде всего, страна постиндустриального строя. Это не капитализм – ни в классическом варианте, ни в варианте империализма. Это и не государственный социализм – ни в его интернациональном советском варианте, ни в националистическом варианте гитлеровской Германии» [30]. Или, например: «Современный период российской истории характеризуется, прежде всего, курсом правящего режима на реставрацию капитализма» [29]. Это оценки одного ряда: «Капитализм лучше социализма, но переход должен быть органичен: не революция, и не эволюция», «Капитализмы и государственные социализмы – всё равно плохо, а хорошо – постиндустриальный строй», «Курс на реставрацию капитализма».

Но после «эпохального» перехода в новый XXI-й век и даже в новое III-е тысячелетие не только в научном обиходе, но и в пропагандистской практике возникла естественная потребность оглянуться и оценить действительно эпохальный вихрь, пронесшийся в конце XX века над Россией и миром, и задаться вопросом: «Что это было?». И вдруг начинается широко распространённое в научной литературе и газетных статьях толкование этих событий как рево-

люционных. Однако, явление, называемое «революцией» в России в конце XX-го века, определяют разными характеристиками, по-разному периодизируют, по-разному оценивают её содержание, последствия и будущее развитие. Вот некоторые определения. «Революции в коммунистических странах 1989 – 1991 годов» [9]. «Демократическая революция», «новая демократическая революция», «первый этап этих реформ завершился кризисом 1998 г.» [41]. «Переход от коммунистической идеократии к подлинной демократии и от плановой системы к рыночному порядку (смена типов хозяйства)" [13]. «Первые шаги демократической революции», «события последних десяти лет, которые многие называют революцией», «у нашей последней революции весь период её героического развития от «взятия Бастилии» до «термидора» свёлся к трём августовским дням 1991г.», «подмена идей демократической революции» [24]. «Вместе с концом века в истории современной России заканчивается революционная эпоха» [37]. «Россия пережила революцию, начинается постреволюционная фаза» [31]. «В минувшие десять лет в России произошла полномасштабная социальная революция» [8]. «Всего десять лет назад слово «демократы» звучало чарующе-победительно... Сегодня демократов, либералов, реформаторов не бранит только ленивый... в итоге делается совершенно непонятно, откуда вообще взялось так называемое порицаемое ныне народное безумие десятилетней давности» [33]. «Последние 15 лет следует именовать «эпохой раннекапиталистической контрреволюции» [34].

Есть и более сложные оценки.

Например, «...год президентства Путина – это совершенно очевидное окончание революции. Год Путина завершил тот 15-летний период, который прошла наша страна: попытки преобразования, разрушение, распад, приобретение новой формы и в завершение – термидор» [12]. Рассмотрение всего этого периода как периода единого революционного процесса «с прологом и эпилогом» оказалось настолько привлекательным, что послужило основой для обобщающего заголовка «Год великого перелома. Логика истории: от революций – к термидору» [12].

Или, «...до демократической революции мы имели политику антизападную, потом имели политику прозападную, сегодня впервые создаются основы ориентированной на Россию российской внешней политики» [25]. Определяя революцию как демократическую и связанную со сменой внешнеполитических ориентировок по отношению к Западу с «анти» на «про», эта точка зрения, оставляя открытым вопрос о сроках и формах завершения или развития рево-

люции, акцентирует внимание на ещё одной смене внешнеполитических ориентировок страны, на этот раз «на себя», а не «за» или «против кого-то».

Есть точка зрения на происшедшие события, обнаруживающая в них даже и не одну, а две революции. Первая «либеральная революция в России в 1991 году» принесла в качестве итога «режим олигархического капитализма», существовавшего в форме «бандитского» или «грабительского капитализма» [22]. В 2000 году произошла новая «тихая» государственно-капиталистическая революция в России», в связи с чем наступил «конец олигархии».

Существует и позиция, согласно которой содержание всех событий переводится на высочайший геополитический и идеологический уровень. «Холодная война буржуазного Запада и социалистического лагеря продемонстрировала всю серьёзность напряжения, наличествующего в мировоззренческой сфере между этими двумя моделями» (либерализмом и социализмом). «А падение СССР ознаменовало триумф либерального подхода» [10]. В связи с этой фундаментальной постановкой вопроса, определения о демократической или либеральной революции, фазах её развития и формах капитализма представляются не столь значащими для развития Российской Федерации.

Это некоторые противоречивые оценки из высказанных в течение короткого времени. Все их приводить нет смысла, поскольку и этот набор достаточно убедительно раскрывает разнообразие и противоречивость мнений.

Настоящая статья не претендует на полное всестороннее исследование всех точек зрения на события конца XX века в России и на полное раскрытие содержания этих событий. Это задача для поколений. Но некоторые основные вопросы, характеризующие эти события, обсудить необходимо, потому что без ответа на них стране невозможно осмысленно развиваться. Это вопросы о сущности, о главном социально-экономическом содержании названных событий и о возможном их продолжении.

Есть утверждения о том, что революция оканчивалась термидором и новой «тихой» революцией [22]. В отличие от этих есть утверждения, что «вопреки догме мы не считаем, что за революцией непременно следует контрреволюция или реакция» [8]. В унисон с этой точкой зрения утверждается, что «Основным источником нестабильности 90-х годов был перманентный политический кризис, неспособность ведущих политических сил и групп интересов договориться друг с другом относительно базовых проблем и ориенти-

ров экономической политики» [19]. Но эта «революционная» или «послереволюционная» неопределённость завершилась не термидором, контрреволюцией или новой революцией. «Главной отличительной чертой 2000 года была стабильность и даже предсказуемость основных характеристик экономического и политического развития России» [19]. Есть утверждение и о наступлении относительно спокойного «постреволюционного» периода.

К менее оптимистическим выводам приходят исследователи, полагающие, например, что «пока не видно потенциала для роста, прежде всего экономического, не видно идеи для национальной идеологии» [14]. Более того, утверждается, что «исповедовавшийся властями новый догматизм («капитализм = либерализация хозяйственной деятельности + приватизация любой ценой + политика жёсткого ограничения совокупного спроса») не только постоянно вступал в противоречие с интересами основной части населения, но и привёл к парадоксальному результату: формированию экономической системы мутантного, квазирыночного типа» [27]. Известно, что «системы-мутанты» и «квасисистемы» развиваются нестабильно, болезненно и, в конечном счёте, разрушаются или превращаются в нормальные системы. Если диагноз точен, то при любом варианте дальнейших событий Российской экономике предстоит развиваться нестабильно и по трудно определяемым траекториям. Одна из них предсказывается в совсем неспокойном варианте: «Когда заговорят реальные интересы широких социальных слоёв, не олигархов и высших бюрократов, «распродающих империю», а именно «масс», как говаривали в тех же двадцатых, игры кончатся» [24]. А другая подаётся в неопределённо-пессимистических интонациях с расплывчатыми перспективами: «Похоже, что демократическая революция завершилась. Очевидно, что не власть её подавила... Их не раздавили, их прихлопнули» [11]. А есть и как бы оптимистические, но, вместе с тем, мобилизующие указания: «Анализ экономики России свидетельствует об определённых позитивных тенденциях в её развитии, наметившихся в ходе трудных рыночных реформ. Однако, это не даёт оснований для самоуспокоенности. Преобразования не завершены. Мы имеем экономику рыночную, но несвободную, а потому неэффективную. Нас ждут новые кризисы, если не проводить дальнейшие рыночные преобразования» [40].

Показательна в отношении к оценке событий, происшедших в СССР и России конца XX века, палитра определений, применявшихся на семинаре в «Горбачёв-Фонде» 16.11.2000 г. [32]. «Звучали и формулировки, ставившие разговор о сути прочтения недавней

полосы отечественной истории в рамки схемы, описываемой с помощью термина «революция».

Употреблялись термины «революция», «радикальный этап революции», «умеренная фаза революции», «постреволюционный этап», «революция сверху», "революционная реформа", «реформистская революция». Проводились аналогии с 18 Брюмера, с Германией 1933 года.

В то же время, отмечено, что «приведённые на семинаре данные ... не подтверждают оценки происходившего в начале 90-х годов как революции». В связи с этим, на семинаре употреблялись и определения, не содержащие упоминаний о революционности: «демократические реформы», «перемены», «трансформация». Отмечалась необходимость глубокой разработки теории революций как системных общественных явлений: «современная социология должна вобрать в себя кроме, революции Мейдзи в Японии, опыт XX века – китайские «новую демократическую революцию» (30-е годы), «пролетарскую культурную революцию» (60-е годы), структурные реформы европейских левых, ряд «бархатных революций» в Восточной Европе и др.» [32]. Можно понять поэтому появление у одного из представителей западноевропейской науки сомнения, выраженного аккуратно, осторожно – по выражению самого автора – «элегантно». «... Остаётся не до конца разрешённым вопрос, на каком основании можно и почему целесообразно говорить о событиях рубежа 1980 – 1990-х годов в посткоммунистических странах, как о «революции» в традиционном и общепринятом смысле этого слова (как такой термин до сих пор применялся в исследовательской литературе)» [7].

Всё это изобилие теоретических позиций не освобождает нас от необходимости ответа на практический вопрос: «Так что же это было?»

Так что же это было? Революция или контрреволюция? Одна или две? Стабилизацией она закончилась или термидором? Демократическая, либеральная, капиталистическая, социальная это была революция или народное безумие? Знать это крайне важно сейчас потому, что надо же нам понимать, что мы делаем, что мы будем делать или что должны будем делать завтра и послезавтра. Революцию, наверное, надо развивать. Или нет? Или до каких-то пределов? Не будут ли потомки наши через семьдесят лет в 2070 году поносить нынешних россиян за столь дорого обошедшийся стране революционный подарок? Контрреволюцию надо ликвидировать; лучше – без кровопролитий; лучше – целенаправленно нейтрализовать и

переводить во вменяемое, исторически обоснованное развитие. В демократической революции, конечно, надо поддерживать и развивать демократию, выяснив предварительно, не поддерживаем ли мы подменённые идеи демократии, и прозападная или пророссийская у неё ориентация, и может ли у неё теперь быть вообще какая-то ориентация и т.п. В капиталистической революции мы должны поддерживать не столько те начала, которые делают абстрактный капитализм или капитализм в других странах эффективно развивающимся в начале XXI века, сколько те, которые смогут сделать эффективным развитие реальной экономики России. А если это было «народное безумие», то нам следует обратиться к вбрачам.

При рассмотрении многочисленных аналитических оценок событий в России конца XX века бросается в глаза, что они касаются «технических» и «технологических» аспектов (имеются в виду политические техника и технологии), внешней канвы событий и ориентированной на неё периодизации, наличия или отсутствия других объективных, а тем более – субъективных, условий развития событий, т.е. идеологии, организационных структур, слабости государственной власти, характера финансового, товарного или иного кризиса; соотношения значения стихийности и насилия, изменения формы власти и т.п. Много внимания уделяется, например, выяснению характера движущих сил этих событий. Одни выясняют, был ли, создаётся ли и возможен ли в современной России «средний класс». Другие – причины, почему не выражает свои интересы «рабочий класс». Утверждают, что «крупный капитал понемногу утрачивает серьёзное влияние на власть и на общественное сознание и готов просто делать деньги» [40]. Утверждают также, что в стране почти нет влияния «мелкой и средней буржуазии, которая только-только появляется на нашем политическом небосклоне и не имеет ни идеологии, ни политической организации» [4]. Это всё относится к безусловно важным и требующим анализа сторонам развития резких, радикальных перемен в обществе, но не затрагивает главных системообразующих признаков.

Почему можно считать это событие «революцией»? Потому, что ликвидировано нечто старое и появилось нечто новое? Но такое бывает во многих регионах мира много раз в год. Потому, что применено насилие? состоялось кровопролитие? отгремела гражданская война? Потому, что экономика развалилась? Потому, что сменились люди у власти? свергнут один тиран? возведён другой тиран? властью пользовались олигархи? Очевидно, что нет. У современных исследователей теории революции есть такие логические

построения, как «быстрый и глубокий крах старого политического порядка позволяет вести разговор о событиях 1991г. в России как о «революции» [9]. Или: «Революция выступает как системная трансформация общества в условиях слабого государства» [21]. Но крах республики в Древнем Риме и наступление цезаризма разве оценивается как революция? Не являются ли в таком случае революцией несомненные системные трансформации общества в условиях несомненно слабого государства, которые происходят в России уже в XXI веке, в период, который большинство исследователей относит к постреволюционному? И почему не назвали ни демократической, ни какой иной революцией крах недемократичной империи и возникновение демократической республики во Франции во второй половине XIX века? Почему не назвали революцией отказ от «апартеида» в Южно-Африканской Республике: изменение несомненно системное и очень крупное.

Называя явление революцией, мы – и это обязательно для серьёзных исследований – даём ей определяющий критерий, относящий это явление к некой определённой сфере существования общества. Мы говорим: революция демократическая, революция бюрократическая [16], революция промышленная, научно-техническая, ин-формационная, демографическая; революция капиталистическая, социалистическая; революция в медицине, музыке, автомобилестроении, компьютеризации, образовании, моде на юбки и в фигурном катании.

Главным здесь является система критериев, системообразующие признаки, по которым отличается одно явление от другого. При таком подходе нам уже придётся искать более убедительные обоснования для того, чтобы назвать события 1991 года в России, например, демократической революцией. Была ли идеальной демократия конца 1980-х годов в СССР? Наверное, нет. Но формализованные, закреплённые и в ранее действовавших законах механизмы демократии обеспечили выбор в Верховные Советы СССР и РСФСР в конце 1980-х годов носителей разносторонних взглядов. До этого периода по тем же законам, предусмотренным демократическими процедурами, Верховные Советы формировались из носителей однонаправленных взглядов. Значит, дело не в законах, как таковых. В 1992-2000 годах законы считаются более демократичными, но они обеспечивают в огромном большинстве случаев победу на выборах в зависимости от количества вложенных в выборную компанию денег, от «административных» ресурсов, от жёсткой однонаправленной идеологической обработки населения («электора-

та»). При этом на каждых выборах главное, что тревожит избирательные комиссии, – явится ли на выборы этот «электорат», то есть население, тот самый народ, который является при демократии верховным носителем власти. Очевидно, что и эта демократия не идеальна. Все представители демократических первой и последующих волн давно и твёрдо убеждают, что у власти они так и не были, и всё, что случилось в России в 1990-е годы, происходило без них. Что же это за «демократическая революция», если «главный вопрос каждой революции – вопрос о власти» был решён не в пользу «демократов»? И какой же именно «демократической» была «революция августа 1991года», если высказываются убеждения, что демократические идеи, двигавшие будущую власть во власть до августа 1991года, в этом же августе были заменены на какие-то другие идеи? Может быть по этим «другим» идеям революция и должна быть названа «другой», а не «демократической»? Не прав ли Г. Сатаров, утверждая, что «демократия – просто эффективная форма существования социума»? Прав – частично. Потому, что сущностное содержание конкретных подразделений социума и условия их существования различны и постоянно развиваются и не всегда для них демократия – эффективная форма: иногда – как раз неэффективная. Но стократно прав Г. Сатаров, повторив утверждение классиков марксизма – ленинизма, что демократия – форма, а не содержание существования социума [31].

Более объёмны понятия «системная трансформация общества в условиях слабого государства» [21] и «полномасштабная социальная революция» [8]. Но они излишне общи, чтобы, пользуясь ими, определить, чем события в России 1990-х годов отличаются от любых других событий в любой части света в любое другое время человеческой истории. Что такое системная трансформация общества? Вся ли система общества трансформируется (т.е. изменяется), или некоторые элементы? Пока ещё принципиально не изменилась, например, система расселения в России. Не изменяется принципиально (хотя частные изменения в ней есть) сырьедобывающая специализация России в мировом хозяйстве. А насколько быстро должно системно трансформироваться общество, чтобы это стало революцией? И, что принципиально важно, – в каком направлении изменяется? И – какими показателями эти скорость и направление определить? А как понять условие – «слабое государство»? Государство Германское при Гитлере было сильным, а после Гитлера долгое время слабым. Системные трансформации общества в Германии второй половины 1940-х годов и далее происходили в усло-

виях слабого государства. Но никто не называл эти изменения революцией. Что такое полномасштабность? Что такое полный масштаб и как отличить его от неполного? Что такое социальная революция? Все революции социальны, поскольку совершаются обществом и в обществе. Чем социальная революция в России 1990-х годов характерна? Тем, что проведена в интересах всего социума? Социумы – неоднородны. Кто-то за революцию, кто-то против. В нашем случае – все за? Вряд ли. Какой ещё смысл может содержать понятие "социумы"? Какую социальную задачу решила эта революция? В определении нет ничего, кроме полномасштабности? Но это не может быть задачей. Таким образом, определения революционных по масштабу преобразований, которыми характеризуют интересующие нас социальные события в России 1990-х годов, не содержат достаточных недвусмысленных, чётко выраженных характеристик необходимых главных системообразующих явлений, позволяющих научно точно назвать место этих событий в совокупности всех других событий, произошедших в России и мире в этот период времени.

Представляется, что одно из главнейших упущений, не позволяющих многим исследователям точно оценить вышеназванные события, состоит в том, что они скромно абстрагировались от той безусловно научной методологической базы, какой является диалектический и исторический материализм. Можно, конечно, понять, почему активные участники событий 1990-х годов, обеспечивавшие их теоретическое сопровождение, а то и «творившие» их практику, абстрагировались от этой научной базы. Они знают о существовании соответствующих научных первоисточников, изучали их, сдавали по ним экзамены, но не упоминают среди теоретиков революции ни одного представителя научной школы марксизма. А ведь времени прошло уже достаточно, можно бы уже и освободиться от очередной односторонней идеологизации и политизации науки. Маркс, Энгельс, Ленин и их коллеги были несомненно большими учёными и прекрасными специалистами в обществоведении, в том числе и в теории революций. Они не виноваты в том, что их научными учениями пользовались и перетолковывали их невпопад, и не всегда умные люди, и зачастую корыстно. Мы же не ругаем Ньютона, открывшего закон всемирного тяготения, когда забулдыга кровельщик роняет нам на голову кирпич.

Для того, что называют революцией в переустройстве общества, т.е. для того, что пытаются определить словами «полномасштабная», «социальная», «системная», «трансформация» и т.п., главным

является – какое общественное противоречие она разрешает. Если противоречие между длиной мини и макси юбок, то революция в моде. А если социальная революция, то речь идёт о сущностном общественно формационном признаке, например, о соблюдении всеобщего по значению закона соответствия между уровнем развития производительных сил общества и характером сложившихся в обществе производственных отношений. Нет никакой нужды подробно излагать содержание и особенности этого закона. Он безусловно научен. Подробнейше, скупuleзнейше доказан и проверен практикой. Никем пока не то, чтобы опровергнут, но не подвергнут доказательному сомнению. Описан в прекраснейших по мысли, логике, обстоятельности, языку и литературным качествам научных трудах.

Напомним об этом законе тезисно и не только для соблюдения логики изложения, но и для тех молодых людей, которые учились в вузах в 1990-е годы, когда слова «демократический и исторический материализм», «марксизм-ленинизм», «политическая экономия» были почти табу в устной речи и в учебниках (как же это оказалось преемственно: когда-то выбрасывали из научного обихода генетику и кибернетику, теперь – отомстили на политической экономии).

Производственные отношения формируются в соответствии с объективными потребностями обеспечения развития производительных сил и под их воздействием. Производительные силы развиваются быстрее, чем производственные отношения, которые более инерционны и консервативны. Наступает период, когда производственные отношения перестают обеспечивать развитие производительных сил, теряют эффективность, тормозят их развитие. Экономические процессы затормаживаются, в обществе наступает застой, регресс, социальное загнивание. Чем более упорствуют в консерватизме производственные отношения, тем большее общество. Если в производственных отношениях находится возможность модернизации механизмов, обеспечивающих дальнейшее развитие производительных сил, то общество выздоравливает, экономика развивается. Это – реформы, эволюционное развитие. Если производственные отношения продолжают тормозить, препятствуют развитию производительных сил, то чаще всего происходит социальный взрыв. Старые производственные отношения взламываются, на их месте строятся новые производственные отношения, раскрывающие возможности для развития производительных сил; общество выздоравливает, экономика бурно развивается. Бывало в истории человечества, что производительные силы не могли взорвать тормозящие

их производственные отношения, а сами эти отношения не смогли видоизмениться. Такие общества стагнировали, разлагались, исчезали под воздействием внешних сил. Такой была судьба Древнего Рима, мощнейшего государства, основанного на рабовладельчестве и не сумевшего преобразить рабовладельческие производственные отношения в другие, более прогрессивные. Больное, загнившее, высоко цивилизованное римское общество разгромили варвары. Развитие общества подчиняется и другим общим законам, например, этнологическим, экологическим, но в сфере социально-экономического развития – и этому закону.

В 1917 году в России произошла революция. Её можно периодизировать по-разному, но классифицировать можно только как объективно необходимую революцию. Почему? Свергли монарха, а потом расстреляли? Свергнули Временное правительство? Заключили Брестский мир? Прополыхали через гражданскую войну? Нет. Вспомните главный лозунг, с которого началась революция: «Долой самодержавие!». Не царя, не лично Николая II Романова. Самодержавие как олицетворение системы производственных отношений, сковавших развитие производительных сил; как совокупность помещичьего землевладения, сословных ограничений, национальных противоречий, политического и правового бесправия, зажатости внутреннего рынка, технической отсталости, воровства во время войны, безудержной коррупции и т.д., и т.п. Нашёл бы монархический режим в себе силы справиться с этими проблемами, раскрепостил бы производительные силы, переустроил производственные отношения – возможно Россия встречала бы XXI век с конституционной монархией. Но не сумел. И произошёл революционный взрыв, зачастую принимавший формы «российского бунта, бессмысленного и беспощадного». А мы, через сто лет, педантично и с безупречно моральных высот оцениваем факты давно прошедшей истории. Как не хватает нам педантичности и высокой морали для оценки своих действий сейчас, при совершении истории нами самими, при нашем участии в совершающейся то ли революции, то ли не революции, то ли демократической, то ли капиталистической.

В последней четверти XX века общественное устройство СССР было больно. Его производительные силы уже прошли фазу интенсивного развития индустриализации и были в предверии, а частично и реально вошли в фазу т.н. постиндустриального развития производительных сил, всё более основывающихся на электронике, автоматизации, информатике, новейших достижениях физики и химии, на биотехнологии, биохимии, природосберегающих и ре-

сурсосберегающих технологиях и т.п. Сформировавшиеся в период приоритетного развития индустриального производства методами мобилизационной экономики производственные отношения перестали эффективно обеспечивать развитие производительных сил. В экономике господствовали гигантские производственные монополии. В социальной сфере господствовала сковывающая однопартийная монополия на власть, на истину, на идеологию. С трудом пробивалась предприимчивость во внедрении новых организационных форм хозяйствования. Экономика с трудом воспринимала достижения научно-технического прогресса. Было много других недостатков. СССР переживал период спада в длинноволновом цикле экономических кризисов по Кондратьеву [14,23]. Созрело крупнейшее общественное противоречие. Пришла пора менять производственные отношения. Государственные деятели этого или не видели, или не понимали сути, или не сумели изменить. Смогло бы общество изменить производственные отношения эволюционно, без взрыва? Теперь это вопрос риторический. В Китайской Народной Республике и в Социалистической Республике Вьетнам – смогли, и экономика в этих странах стала развиваться бурными темпами. А в СССР произошёл взрыв. Производственные отношения вместе со страной разорваны и исчезли. Но всякий ли взрыв – революция? Конечно, нет. Когда во взрыве пропадает всё – это гибель, а не революция. Революция – это продолжение развития на новой основе. Как же определить то, что произошло в 1990-е годы в России? Это можно сделать по одному действительно научному, то есть чёткому, недвусмысленному, проверяемому интегрированному критерию – судьбе производительных сил.

Если новые производственные отношения раскрепостили развитие производительных сил и, в первую очередь, передовых, инновационных, высокотехнологичных, прогрессивных технологий; если производительные силы стали быстро развиваться, если экономические показатели растут не только в целом, но в первую очередь, и опережающе – по прогрессивным производственным направлениям, - значит общество эффективно формирует новые производственные отношения, соответствующие уровню развития производительных сил. Значит это – революция. Общество постепенно излечивается от социальных болячек, в нём расцветают науки, культура, искусства. «Страна при расцвете рождает певцов и героев, а при упадке – пыль и много начальства».

Если производительные силы в результате слома производственных отношений вступают, без видимых внешних причин, то есть без

«горячих» войн и природных катаклизмов, разрушились более чем наполовину; если более всего пострадали, почти рассыпались переломные, прогрессивные, наукоёмкие отрасли производства; если сохранились, хотя и в меньшем объёме, только индустриальные сырьедобывающие отрасли и отрасли первого передела экспортной ориентации; если реальная экономика гниёт, научная сфера разрушается, общество всё больше поражено социальными болезнями, искусства заменяются зрелищами, «шоу», а население вымирает, то это означает, что на месте взорванных формируются производственные отношения ещё более не соответствующие уровню развития производительных сил, чем прежние. Значит это – контрреволюция. Значит, обществу надо выбирать. Или взрывать эти новые производственные отношения, чтобы сформировать иные, соответствующие уровню развития производительных сил (при этом необходимо проинвентаризировать, что реально осталось от производительных сил после состоявшегося погрома; чему нужно соответствовать). Или попытаться изменить эти новые производственные отношения в объективно нужном направлении без взрыва, эволюционными методами. Или смиренно ждать, какой практический вариант последствий нарушения фундаментальных экономических законов подарит человечеству немеркнувший российский гений.

Для того, чтобы обобщенно оценить, что произошло с производительными силами России в 1990 годы, можно обратиться к данным статистики (табл. 1).

Таблица 1

Динамика производства в России за 1990-е годы в натуральных показателях

	Вид продукции	Единица измерения	1989	2001	На уровне какого года находится производство в 2001г.
1.	Ткани шерстяные	Млн. кв. м	471	56.4	1880
2.	Ткани всех видов	Млн кв м	8707	2617	1910
3.	Вагоны	Шт.	28000	7385	1910
4.	Пиломатериалы	Млн. куб. м	83	17,3	1930
5.	Тракторы	Тыс. шт.	235	15,2	1931
6.	Металлорежущие станки	шт.	64000	8288	1931
7.	Зерноуборочные комбайны	Шт.	62200	9063	1933
8.	Кузнечно-прессовые машины	Шт.	27800	1290	1933
9.	Грузовые автомобили	Тыс.шт.	697	173	1937

10.	Устройства радиоприемные	Тыс.шт.	5561	273	1947
11.	Кирпич строительный	Млрд.шт.	24,1	10,5	1953
12.	Мясо	Тыс. т	6621	1238	1953
13.	Животное масло	Тыс. т	820	269	1956
14.	Уголь	Млн. т	410	269	1957
15.	Телевизоры	Тыс. шт.	4465	1004	1958
16.	Шифер	Млн. плит	5034	1715	1958
17.	Молоко	Млн.т	55,7	32,9	1958
18.	Цемент	Млн.т	84,5	35,1	1962
19.	Стальные трубы	Тыс.т	12510	5404	1965
20.	Нефть	Млн.т	552	337	1972

Примечание: составлено по данным, опубликованным в газете «Земля». - №10. - май 2002.

Этот перечень, конечно же, не исчерпывает всё видовое многообразие экономики страны, но в нем представлены отрасли сырьедобывающие, машиностроение, промышленность строительных материалов, легкая и пищевая, то есть сферы, обеспечивающие жизнедеятельность населения и отражающие уровень индустриального развития. Конечно же, не все виды продукции равнозначны по роли в экономике страны; дискуссионны их качественные характеристики, возможности их замещения импортной продукцией, но одно несомненно: экономика России в целом отброшена далеко назад, в конец XIX и самое начало XX века; в период начала интенсивной индустриализации 1930-х годов; в период восстановления страны из послевоенной разрухи в 1940-е – 1950-е годы. И восстановление экономического потенциала, а следовательно, и повышение благосостояния населения, хотя бы до уровня СССР 1980-х годов, займет десятилетия и потребует усилий многих поколений.

Конечно же, контрреволюционный процесс в России произошёл не в «лабораторно чистом» варианте. На него существенное, огромное воздействие оказало поражение в «холодной» войне, не связанное с прямыми людскими потерями и материальными разрушениями, но проявившееся в идеологическом влиянии, развале государства, резком возрастании внешнего государственного долга и т.п. Конечно же, этот процесс сопровождался идеалистическими надеждами и эйфорией. Но контрреволюционной экономической сути процесса эти обстоятельства не изменили. При этом, рассматривая сам процесс как состоявшийся факт, нет смысла давать ему моральные и эмоциональные оценки. Слово «контрреволюция» по поводу событий 1990-х годов не употребляют для характеристики своих действий активные деятели этих событий. И зря. Во-первых, если ду-

мать о судьбе страны, народа, то надо искать истину, а не приличные слова о своих действиях. Во-вторых, контрреволюция – уже не ругательство. Сейчас это исторический факт: истории недавней, но истории.

Что же касается «демократической революции», или (может быть, это ошибка, тогда поправьте) революции, передавшей власть народу, то сомнительно, найдётся ли такой народ, который взял в руки власть для того, чтобы вымирать со скоростью около 1 млн. чел. в год. Или это опять шутки неистощимого на парадоксы русского гения?

Следующий вопрос состоит в выяснении, какие же по характеру, хотя бы в общих чертах, производственные отношения созданы в России в 1990-е годы. Главная системообразующая их сущность названа в многочисленных научных, правительственных и пропагандистских документах с исчерпывающей, казалось бы, точностью и спартанской краткостью: «либеральная экономика». Но что конкретно составляет содержание этого понятия? В пропагандистских лозунгах («слоганах») первых этапов построения новых производственных отношений их содержание раскрывалось так: «каждый за себя», «разрешено всё, что не запрещено», «если нельзя, но хочется, то можно», «государству не место в экономике», «полная свобода торговли», «полная свобода внешних экономических связей», «самоуправление, самоорганизация, саморегулирование, самовывживание, самофинансирование, самовоспроизводство в экономике». Это не исчерпывающий перечень «слоганов», но и он уже позволяет перевести их в систему научных понятий и сопоставить с той терминологией, которой сопровождалось реальное внедрение в России новых производственных отношений.

«Либерализация цен» и невмешательство в их регулирование: «невидимая рука рынка всё исправит». «Полная приватизация», «частная собственность – единственно эффективная форма собственности», «частная собственность – священна, тайна и неприкосновенна». «Свободная конкуренция». «Государство не должно вмешиваться в экономические процессы: невидимая рука рынкаотрегулирует всё сама». «Соблюдайте права человека. Права человека святы и неприкосновенны». Вот основная экономическая и политическая терминология, в системе которой строились новые производственные отношения. Сопоставим её содержание с аналогами. В какой мере, например, эти понятия отражают то, что называют «либеральной экономикой» политики и экономисты т.н. «высокоразвитых, цивилизованных стран», имея в виду «свою» систему

общественных отношений.

Цены во всех западных странах отслеживаются, контролируются и в экстренных случаях регулируются государством. В особенности, цены на предметы повседневного и периодического спроса населения. Все государства знают эту логику: неконтролируемые цены – всплески цен ради сверхприбылей – социальные катаклизмы – катаклизмов надо избегать. Цены регулируются в основном экономическими методами. Но – редко, в очень острых социальных ситуациях – государства применяют в ценовой политике и административные, и силовые методы.

Приватизация и национализация в развитых странах ходят рука об руку как методы регулирования эффективности производства. Что-то постоянно находится в собственности государства. Что-то строится за счёт государства и передаётся частнику. Что-то национализируется и эксплуатируется государством. Сколько бы ни печаталось и ни произносилось слов о «святости», «священности», «неприкосновенности», «богоблагословенности» частной собственности, но в практике этих государств господствует святой прагматизм – свято то, что эффективно. В связи с этим неукоснительным правилом, приватизация и национализация совершаются периодически безо всяких молебнов и идеологических причитаний.

Государства на Западе вмешиваются в экономические процессы постоянно, отслеживают их внимательно, непрерывно совершенствуют методы вмешательства. На Западе же разработаны и экономические теории, обосновывающие необходимость, формы и методы государственного регулирования экономических процессов. Государство поддерживает прогрессивные и высокоэффективные отрасли производства, отслеживает и регулирует ситуацию в отдельных регионах и отраслях. Создает резервы для нейтрализации особых экономических ситуаций. Может перекрыть внешнеторговые экономические связи, вредящие экономике страны в целом, регулировать уровень заработной платы, контролировать состояние природно-ресурсного потенциала и т.д., и т.д., и т.д.

На Западе любят права человека. До тех пор, пока они не вступают в противоречие не только с правами другого человека, но и с обязанностями в отношении государства или с интересами господствующих классов. И это на Европейском Западе придумано, что не мешало бы ООН в дополнение к «Конвенции о правах человека» утвердить и «Конвенцию об обязанностях человека», потому что, при современных технических и информационных возможностях, не ограниченный обязанностями, свободный во всём человек может

сотворить слишком много вредоносного для отдельных людей и общественных структур и для общества в целом.

Таким образом, есть основания констатировать, что формируемые в России в 1990-е годы реальные производственные отношения имеют мало схожего с «либеральной экономикой» «развитых цивилизованных» стран, и эта схожесть ограничивается созвучием некоторых элементов во фразеологии. Тем не менее, и в начале XXI века для России предлагаются рецепты по экономической программе, ориентированной на «либеральную экономику» российского образца 1990-х годов. Один из специалистов управленцев 1990-х годов называет в качестве одной из «чётко обозначенных целей государственной жизни» в XXI веке сохранение «философии либерально-рыночных реформ в их европейском измерении» [16]. Путаное, конечно, определение. Сохранять философию явно не европейского образца, не меняя реформы? И как быть с философией в европейском измерении? Изменять реформы под европейские измерения, сохраняя философию? Наверное, главное здесь всё же слово «сохранить», а «европейские измерения» – это из области эмпирии, платонических мечтаний. Потому, что реальный документ, Программа Правительства, сложен из либерально-экономических кирпичей в «их отечественном измерении» 1990-х годов.

Эту особенность реальной экономической политики, проводимой в России в 1990-е годы, отмечали в литературе. Так, академик Л. И. Абалкин [1] считает, что «на протяжении всего периода реформирования экономики была принята и до сих пор не пересматривается концепция прямолинейной связи между формами собственности и развитием производительных сил страны... это примитивная, давно отвергнутая мировой наукой точка зрения, которая привела к крайне негативным результатам».

Но оказалось, что аналог российским производственным отношениям, сформировавшимся в конце XX века в России, можно найти и в «европейском измерении», только не начала XXI века, а первой половины века XVIII-го. Родоначальники классической политической экономии, формулируя главные законы, главные требования капиталистической экономики времён начала промышленной революции, нарождающейся, молодой, выбивающейся из пока ещё сильных тенет ослабевающих феодальных производственных отношений, сконцентрированно выразили то, что в кратком изложении можно свести к трём положениям: «частная собственность неприкосновенна», «государство, не вмешивайся в экономику», «личность человека, права человека священны».

Вспомним, сколько раз в начале 1990-х годов в России было употреблено классическое в истории экономики: «Laissez faire, laissez passez» (в вольном переводе: «Предоставьте (людям) делать свои дела, предоставьте (делам) идти своим ходом») [3]. У Адама Смита политика «laissez faire», естественной свободы, означала: свободу человеку как обеспечение мобильности рабочей силы; полную свободу торговли землёй; отсутствие правительственной регламентации промышленности и внутренней торговли; свободу внешней торговли [3]. Это те же тезисы, по которым создались производственные отношения в России в конце XX века. Но в XVIII-м веке они ведь, тезисы эти, были обусловлены существовавшими тогда и только тогда общественными отношениями.

«Частная собственность неприкосновенна» – необходимейшее требование в те времена, когда феодал, и, тем более, верховный феодал – король – мог, используя свои политические преимущества, превращать простого частного собственника, буржуа, если не в пыль на дороге, то в узника или в нищего, а его частную собственность – в свою или своих вассалов. Неприкосновенность частной собственности была жизненно необходимым условием для развивавшихся в те времена капиталистических производительных сил.

«Государство, не вмешивайся в экономику». Государство в те времена – это король, и его двор, и его министры, и его суд, и его армия и полиция. Король мог неосторожным росчерком пера разорить отрасль, разрушить внешние экономические связи, прервать поставки сырья, отнять рынки сбыта. Король – государство, не вмешивайся в развивающуюся капиталистическую экономику, это сложный организм, подчиняющийся своим объективным законам. Король – государство, не принимай решений, не посоветовавшись со сведущими в капиталистической экономике людьми. Окружающие тебя феодалы – специалисты в экономике феодальной; экономику капиталистическую они разрушают. Государство, не вмешивайся в экономику, или разрушишь развивающиеся и обогащающие тебя капиталистические производительные силы.

«Личность человека, права человека священны». Ещё бы не потребовать этого для развития капиталистических производительных сил. Это требование означает, что все люди равны и их права, экономические и политические, не различаются по сословиям; что богатый буржуа может быть не вхож ко двору короля, но никто не может воспрепятствовать ему в его делах, кроме суда, подчинённого только закону; что каждый бедный человек может свободно продавать свою рабочую силу по своему, а не чьему-то усмотрению и

волен пополнить собою рынок труда.

Эти три основных требования (наряду, конечно, и с другими) были важны для формирования производственных отношений, обеспечивающих раннекапиталистическую фазу развития производительных сил в XVIII и XIX веках. Но затем эти производственные отношения постепенно перестали обеспечивать функционирование развивающихся капиталистических производительных сил и изменялись многократно вплоть до конца XX века, когда развитие производительных сил капитализма стало обеспечиваться производственными отношениями, строящимися на концепциях «кейнсианства», «неокейнсианства», «социального государства», «постиндустриального общества» и т.п.

Но именно эти три основных постулата раннекапиталистических производственных отношений были положены в основу тех производственных отношений, которые накладывались в 1990-е годы российским государством (вспомните – государство есть аппарат насилия господствующего класса) на производительные силы, несомненно, высокоиндустриализованные; обеспеченные, как сейчас, вдруг, прозрев, выясняют, высочайшего уровня научным комплексом и добротной системой подготовки специалистов с высшим образованием; уже начавшие входить в фазу постиндустриального развития.

Конечно, это очень обобщённая схема. Конечно же, она упрощена, поскольку производственные отношения включают в себя сложную систему не только чисто экономических отношений, но и политических, идеологических, организационных, административных, правовых и т.п. На их развитие влияют не только состояние экономики, но и уровень социального развития населения, исторический опыт и традиции, национальные, цивилизационные, культурные особенности и т.п. Но допустимость проведения аналогий с раннекапиталистическими тех производственных отношений, которые формировало российское государство в 1990-е годы, вдалбливало их в общество в течение десяти лет, подтверждают аргументы, которые использовало само государство для доказательства несомненности, безошибочности и, более того, научности своих действий.

Россия должна пройти период первоначального накопления капитала [например, 17]. Все первичные капиталы нажиты преступным путём. Это – не страшно. Обогатившись, накопители-капиталисты поумнеют и подберут. А их дети, поучившись в Оксфорде, Гарварде и Принстоне, станут совсем приличными

людьми. Искусства процветут, когда подобрешие капиталисты, наши отечественные накопители станут Мамонтовыми и Рябушинскими и облагодетельствуют меценатством. Ничего, что народ какое-то время понижает и повымирает. Это ничего, это всегда так бывает в период раннего капитализма на стадии первоначального накопления капитала. Взгляните на США. Морганы вообще были пиратами, а теперь – вон какие достойные люди.

Результат проведённого в России в конце XX века общественно-го эксперимента оказался блестяще прекрасен. Не для населения России, для которого этот результат плачевен. А для доказательства верности фундаментального общего закона о соответствии характера производственных отношений уровню развития производительных сил. Выходящие на постиндустриальный уровень производительные силы были опутаны похожими на раннекапиталистические производственными отношениями и разрушились.

Мало того, что в России разрушены производительные силы. По состоянию общества в целом Россия оказалась выброшенной из тенденции развития тех стран, которые наши отечественные то-ли «реформаторы», то ли «революционеры» относят к «развитым», «наиболее развитым», «цивилизованным», «социально-экономическим лидерам в человеческом сообществе». Эта исторически длительная устойчивая тенденция интегрировано выражает обращение экономического потенциала стран на удовлетворение потребностей общества (таблица 2).

Таблица 2

***Общие государственные расходы в странах ОЭСР
в % от валового внутреннего продукта***

	Страны	1870	1913	1920	1937	1960	1980	1990	1996
1	Швеция	6	10	11	16	31	60	60	64
2	Франция	13	17	28	29 (23,2)	35 (27,6)	46 (38,8)	50	55
3	Италия	14	17	30	31	30	42	53	53
4	Австрия	10	17	15	21	36	48	39	52
5	Норвегия	6	9	16	12	30	44	55	49
6	Германия	10	15	25	34 (42,4)	32 (30,4)	48 (42,0)	45	49
7	Канада	-	-	17	25	29	39	46	45
8	Великобритания	9	13	26	30 (28,8)	32 (34,3)	43 (41,5)	40	43
9	Ирландия	-	-	19	25	28	50	41	42
10	Швейцария	16	14	17	24	17	33	34	39
11	Австралия	18	16	19	15	21	34	35	36
12	Япония	9	8	15	25	17	32	31	36

13	Новая Зеландия	-	-	25	25	27	38	41	35
14	США	7	8	12	20	27	31	33	32
15	США	-	7,1	8,1	12,4	28,1	35,4	40	-
16	Германия	-	15,7	27,6 (1928г)	37,5 (1950г)	39,5 (1959г)	42,3 (1969г)	-	-
17	Россия (СССР)	-	11,8	65,0	65,0	65,0	65,0	65,0	11,0

Примечание: Данные приняты по В.Бирюкову, Е.Кузнецовой «Госсобственность и госсектор в рыночной экономике // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - №3. Использованы материалы Tanzi V., Schuknecht L., Public Spending in the 20-th Century. Cambridge, 2000, а также Milward A. The Europea Rescue jf the Nation – State 2-nd Ed.L.2000.

2. Данные строки 17 приняты по газете “Советская Россия” от 08.12.2001г.

Приведенные в таблице 2 данные достаточно доказательно подтверждают общую для развитых стран на протяжении XX века тенденцию увеличения доли государства в расходах, осуществляемых страной в целом. У нас нет возможности рассмотреть при этом важные, но частные по отношению к общей тенденции подробности. Этот показатель не учитывает экономический «вес» каждого процента, который у разных стран одинаков. Не учитывается доля военных расходов – различная у этих государств. Не учитывается также роль примера СССР, который с 1920-х по 1980-е годы определял планку государственных расходов в социально-экономическом развитии общества. Но для нашей темы нет необходимости исследовать эти частности. Для нас важно зафиксировать тенденцию: роль и место государства в экономике развитых капиталистических стран в течение XX века усиливались, а не уменьшались. Следовательно, Россия в 1990-е годы в этом отношении не приблизилась к избранным в качестве идеала «развитым капиталистическим цивилизованным» странам, а оказалась отброшенной к концу XIX века – началу XX веков. Если ставить в качестве цели достижение уровня жизни развитых стран конца XX века, то России предстоит или пройти длительный, вековой путь развития этих стран, или опять сделать рывок. Иного не дано. Потому, что уровень жизни населения, то есть общества, зависит от уровня общественных затрат на обеспечение общественных потребностей.

В связи с этим есть основания для вывода о смысле понятий «шведский социализм», «австрийский социализм», «социально ориентированная экономика Германии и Франции» и т.п. Можно полагать, что экономическое содержание понятия «социализм» в конкретных условиях конца XX века обобщенно заключается в высо-

ком уровне государственных расходов на удовлетворение потребностей населения, потребностей общества. При этом важным, но частным обстоятельством была организация власти: с большим или меньшим соблюдением демократических процедур; с наличием монархических или республиканских, президентских или парламентских форм правления и т.п.

В этом отношении XX-й век в рассматриваемых странах отличался большим разнообразием. В связи с этим есть основания полагать, что в экономическом смысле социализм в России уже был. Он был отягощен экономическими, социальными, политическими противоречиями, но он был. Теперь его нет, и России предстоит его восстанавливать (или Россия вновь проявит самобытность и не следует общим тенденциям), но теперь уже через иные противоречия; через противоречия «раннего» и «среднего» капитализма с его кризисами, социальными боями и т.д.

Исследователи могут теперь только анализировать, оценивать, интерпретировать и объяснять, как и почему реальная экономика России не реагировала на, казалось бы, предписанные теорией «либеральной экономики по-российски» реформаторские усилия создать эффективные условия для ускоренного развития производительных сил. Не реагировала – в лучшем случае. А чаще – реагировала в обратном от ожидаемого направлении. При «либерализации цен» «невидимая рука рынка» привела не к росту производства и снижению цен, а к остановке производства и резкому повышению цен, гиперинфляции. Полная свобода внешней торговли привела, конечно, к товарной интервенции на внутренний рынок, но не вызвала роста экспорта за счёт подъёма производства и накопления капиталов для обеспечения развития экономики. Более того, развилась распродажа стратегических запасов, накопленных в прежней экономической системе, сырья и продукции низких переделов, а обрабатывающее производство стало останавливаться. Капиталы же стали устойчиво безвозвратно утекать за рубеж в объёмах, сопоставимых с государственным бюджетом. Приватизация привела не к появлению ожидаемого «эффективного» собственника, а к длительному застою и разрушению производства, непрерывным переделам собственности с применением криминальных методов и другим многократно описанным отрицательным последствиям. Только в 2000 году, на десятый год «рыночных реформ», наиболее бдительные и субъективно заинтересованные в положительном результате поиска исследователи нашли в российской экономике «критическую массу неплохо управляемых рыночно ориентирован-

ных предприятий» [8]. На месте ожидаемой безработицы возникла беззарплата. Вместо ожидаемых позитивных результатов монетарной политики возникали демонетизация экономики, сверхдефицит оборотных средств у предприятий, длительные многоступенчатые неплатежи, «альтернативные» честно обращающему в банках отечественному рублю инструменты обмена (доллар, бартер, «чёрный нал» и т.п.). Внутренний рынок в условиях либеральной (т.е. свободной) экономики стал не расширяться, а сокращаться. А большая часть экономики просто ушла из поля зрения реформаторского государства в «тьму», на «другую, невидимую сторону Луны». И правительство реформаторов перестало адекватно воспринимать объект управления, те самые производительные силы, которые пытаются оплести придумываемыми производственными отношениями.

Определённо и по принципиальным положениям критикуют и отвергают экономическую политику в России 1990-х годов многие ведущие отечественные и зарубежные экономисты [см. выше].

Авторы и претворители реформ, естественно, акцентируют внимание на случайных, частных, иногда злокозненных причинах столь частых несовпадений реальных результатов с ожидаемыми. Называют отдельные ошибки, вынужденную поспешность и недостаточную продуманность решений, недостаточную компетентность отдельных исполнителей конкретных задач, злую волю старого чиновного аппарата и т.п. Очень популярны объяснения провалов экономических задумок ссылками на тяжелейшее экономическое и социальное наследие, оставшееся после 70 лет правления «коммунистов»; неудачный менталитет россиян и т.п. - причины, которые можно назвать иррациональными: взявшись за определённую работу по определённой профессии, не следует жаловаться на «плохой материал» – другого нет. Есть мнение обосновать цепь неудачных преобразований 1990-х годов неожиданностью ситуации: «Экономисты и политики столкнулись с необходимостью переосмыслить многие проблемы, решение которых поначалу представлялось делом если и не простым, то во всяком случае вполне очевидным». [5]. Это мнение близко к истине. Однако, осмысления этого «столкновения» привели к несколько загадочному результату: «Привели к пониманию необходимости не просто учесть экономические и политические аспекты реформ, но и создать синтетическую картину трансформационного процесса, в рамках которой экономические реалии опосредованно – через выявление предложений субъектов политического рынка – определяют курс проводимой правительст-

вом политики, которая, в свою очередь, вызывает изменение самих реалий» [5].

Можно рассматривать и такие причины. Но, небезосновательно, однако, предположить, что принципиальное общее объяснение случившемуся состоит в том, что не следовало натягивать каркас производственных отношений середины XVIII века на производительные силы конца XX века. Очевидно: из всех приведенных в начале статьи точек зрения на характер общественных процессов в России 1990-х годов к истине ближе высказывание академика Е. Страхова о том, что это «раннекапиталистическая контрреволюция». Результат – производительные силы разрушены, социум гниёт, искусство превращается в развратное шоу, науки разорены, национальное богатство вывозится, население вымирает. Человечеству – урок: не нарушайте объективные законы развития общества. А России не поможет никто, кроме неё самой.

И, в связи с этим, последний вопрос: что же делать? Стать Западной Европой? Но уровень развития производительных сил вряд ли позволит это сделать сейчас. И Россию как страну в целом Европа в своё европейское сообщество не пустит. По двум, как минимум, соображениям. Приняв к себе Россию, Европа в целом станет беднее, а этого она никогда не захочет. И Россия в целом – слишком сложное и громоздкое общество; это продукт, с которым пищеварительный аппарат Европы вряд ли справится. Стать США? Не позволят это сделать сами США. Там и сейчас поговаривают, что хоть Россия уже как бы и не страшна, но для надёжности ей «надобно ещё пару раз переломить хребет» [36]. Стать Китаем? Стать Японией? Сингапуром? Россия, такая, какая она сейчас есть, на изломе XX и XXI веков, мало кому нужна. После исчезновения обеспечивавшей некоторую глобальную стабильность второй сверхдержавы мир потерял равновесие, ищет новые механизмы стабилизации, консолидируется в крупнейшие континентальные межгосударственные группировки, поглядывая на Россию, как на приживалку. Европа уже консолидировалась и относится к России с настороженностью, в лучшем случае, как кредитор, боящийся потерять большие деньги [2, 28]. США заявили об осторожном отношении к России и об ориентации усилий на консолидацию стран Северной и Южной Америк в некий союз [39]. Страны Юго-Восточной и Восточной Азии готовы создать зону свободной торговли, не пустив в неё ни США, ни Россию, ни, вероятно, даже Австралию и Новую Зеландию [26]. России, если она намерена остаться самостоятельным государством и вновь стать богатой и сильной, хотя уже и не

сверхдержавой, надо долго и осторожно наращивать экономические силы, твёрдо надеясь только на себя; маневрируя, использовать в своих интересах противоречия между отдельными странами и блоками стран, прикрывая этим себя от внешнего давления, воссоздавать свои производительные силы и формировать обеспечивающие их развитие производственные отношения.

Какими и когда конкретно будут эти силы и эти отношения в XXI веке, будет зависеть не только от воли отдельных политических деятелей и предложений отдельных авторов. Конечный ответ даст жизнь исходя из реального состояния производительных сил России и комплекса противоречий их развития; зависимости от ещё не разорвавшихся экономических связей с производительными силами других стран; возможности мобилизации и целенаправленного маневра ресурсами; формирования внутренних и внешних движущих сил экономического и политического развития и т.п.

Утверждается, например, что движущей силой «тихой» государственно-капиталистической революции, происшедшей в России уже в начале XXI века, «оказались сохранившиеся в стране институты государства» (армия, спецслужбы, правоохранительные органы, «основная часть профессионального чиновничества» и т.п.) [22]. Такой может быть, наверняка, движущая сила политического переворота. Но сможет ли она быть и движущей силой революционных экономических преобразований? Во что отольётся мгновенное формирование частной собственности с наивной надеждой на её мгновенно возникшую незыблемость? (претензии на восстановление прав собственности предъявляют через десятилетия – прецедентов этому слишком много, чтобы их не учитывать). Пока, в поисках определения настоящего и будущего состояния российского общества, исследователи вовлекают в оборот понятия в диапазоне настолько широком, что нельзя не предположить, что эти понятия определяют разные явления. Здесь встречаются такие термины, как «полицейско-корпоративное государство» [35], «социотрясение» [38], «новый социализм» [10], гипотетический особый тип «стационарной переходной экономики» [13], «псевдорыночная экономика, утвердившаяся в России в результате реализации избранной реформационной модели» [6]. Очевидно, что ответить на эти вопросы и разобраться в этих определениях можно только после специального теоретического анализа.

Но одно ясно: если есть практическое намерение развивать производительные силы России, то не должна использоваться система производственных отношений, формировавшаяся в 1990-е годы как

эклeктичная, надуманная, чудовищно смешавшая в себе черты отношений, имевших место в разные времена и в разных условиях у всех возлюбленных реформаторами цивилизованных стран и народов. Не должна реставрироваться и система производственных отношений, в том числе и монополизированная политическая система, сложившаяся до второй половины 1980-х годов, поскольку она уже не обеспечивала развитие выходящих в постиндустриальную стадию производительных сил.

Необходимо строить производственные отношения, соответствующие реальным, существующим и развивающимся производительным силам реально существующей страны на основах не идеологизированных заклинаний о «святости» чего бы то ни было (в конечном счёте, все эти заклинания оказываются предрассудками), а на основе трезвого прагматизма, комплексного экономического расчёта, взвешенной оценки общественной социально-экономической эффективности и частнособственнической прибыльности, реального многообразия и равноправия форм собственности.

И не надо, разбив машину о берёзу, махать руками на дефекты деталей и механизмов и плохой уход за машиной прежнего собственника. Причина всегда в одном: не научившись управлять автомобилем, не дави на педали.

Библиография.

- 1.Абалкин, Л. Собственность, хозяйственный механизм, производительные силы // Экономическая наука современной России, Экспресс- выпуск. - 2000. - №1(5).
- 2.Алпатов, В. Легитимизм в XX веке // НГ 03.02.2001.
- 3.Аникин, А.В. Юность науки: жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. – 4-е изд. – М. Политиздат, 1985.
- 4.Антипов, В. С чего начать реформу административной системы // Независимая газета. - 10.01.2001.
- 5.Афонцев, С. Экономико-политические проблемы хозяйственных преобразований // Мировая экономика и международные отношения. - 2000. - №12.
- 6.Бляхман, Л., Кротов, М. Глобализационное измерение реформы и задачи промышленной политики // Российский экономический журнал. – 2001. - №3. - С.12-13.
- 7.Бургер, Р. Революция, демократия и ценности // Вопросы экономики. - 2001. - №5. - С.149-156.
- 8.Гайдар, Е. Революция осталась в XX веке – реформы продолжатся в XXI // Известия. - 17.01.2001.

- 9.Гладстоун, Дж. Теории революции, революции 1989-1991 годов и траектория развития «новой» России // Вопросы экономики. - 2001. - №1.
- 10.Дугин, А. Новый социализм? Современная альтернатива «концу истории» // Независимая газета. - 14.02.2001.
- 11.Иванченко, А., Рьжков, В., Салмин, А. Вперёд, в прошлое, или назад, в будущее? // Независимая газета. - 18.01.2001.
- 12.Игрунов, В. «Год великого перелома. Логика истории: от революций – к термидору» // Независимая газета. - 14.02.2001.
- 13.Капельюшников, Р. «Где начало того конца?» // Вопросы экономики. - 2001. - №1.
- 14.Кондратьев, Н.Д. Проблемы экономической динамики. - М. Экономика. - 1989. - С.526.
- 15.Корнай, Я. Путь к свободной экономике: десять лет спустя // Вопросы экономики. - 2000. - №12.
- 16.Костиков, В. России нужна бюрократическая революция // Независимая газета. - 10.01.2001.
- 17.Красникова, Е. Рыночная трансформация российской экономики как процесс первоначального накопления капитала // Вопросы экономики. - 2001. - №2.
- 18.Любимов, Л. Год великого перелома. Логика истории: от революций – к термидору // Независимая газета. - 14.02.2001.
- 19.Мау, В. Проблемы консолидации роста // Независимая газета. - 20.02.2001.
- 20.Мау, В., Стародубровская, И. Перестройка и революция: опыт прошлого и попытка прогноза // Коммунист. - 1990. - №11.
- 21.Мау, В. Экономика и революция: уроки истории // Вопросы экономики. - 2001. - №1.
- 22.Медведев, Р. Конец олигархии, или «тихая» государственно-капиталистическая революция в России // Труд. - 16.02.2001.
- 23.Меньшиков, С.М., Клименко, Л.А. Длинные волны в экономике. - М.: Международные отношения. - 1989. - С.272.
- 24.Механик, А. Президент эпохи постмодернизма // Независимая газета. - 19.01.2001.
- 25.Мигранян, А. Год великого перелома. Логика истории: от революций – к термидору // Независимая газета. - 14.02.2001.
- 26.Мосяков, Д. Азия интегрируется без нас – и даже без американцев // Независимая газета. -.02.2001.
- 27.Некипелов, А. О стратегии развития экономики страны // Независимая газета. - 02.2001.
- 28.Ниязов, Абдул-Вахад. Евразийский контрглобализм – буду-

щее России. Диктату Атлантического союза можно противостоять только адекватными мерами // Независимая газета. - 03.02.2001.

29. Очередные задачи КПРФ. Тезисы для обсуждения в партийных организациях к VII съезду партии // Правда. - 29.06.2000.

30. Попов, Г. О модели будущего России // Вопросы экономики. - 2000. - №12.

31. Сатаров, Г. Предварительные итоги // Независимая газета. - 11.02.2001.

32. Семинар у «Горби»: социология и политика // Социологические исследования. - 2001. - №4. - С.128-130.

33. Соколов, М. Так называемые патриоты // Известия. - 11.01.2001.

34. Страхов, В. Ты проснёшься ль, исполненный сил // Правда. - 11.01.2001.

35. Тронкина, О. «Яблоко» выстраивает системную оппозицию. Явлинский обнаружил в России «полицейско-корпоративное государство» // Независимая газета. - 20.02.2001.

36. Уткин, А. Мы не будем второй Бразилией // Труд. - 11.01.2001.

37. Шаповал, С. Предварительные итоги. Георгий Саратов о послереволюционном периоде современной России // Независимая газета. - 11.01.2001.

38. Шаповал, С. Социотрясение по-русски // Независимая газета. - 08.02.2001.

39. Шестернева, Е. Буш начнёт строить панамериканскую свободную экономическую зону // Независимая газета. - 24.01.2001.

40. Ясин, Е., Алексахенко, С., Гавриненков, Е., Дворкович, А. Реализация либеральной стратегии при существующих экономических ограничениях // Вопросы экономики. - 2000. - №7.

41. Ясин, Е. Новая эпоха, старые тревоги // Вопросы экономики. - 2001. - №1.

Тр. КФ ТИГ ДВО РАН. – Петропавловск-Камчатский: Камч.печ.двор, 2002. – Вып.4.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

Социальная структура населения России, как и многие другие стороны общественного устройства страны на рубеже XX и XXI веков, испытывает существенные, радикальные изменения. Материалы переписей населения 1989 г. и 2002 г. позволяют изучать эти

изменения по статистически определённым количественным показателям. Однако, если поставить целью рассмотреть сущностный характер изменений, тенденции и возможные траектории дальнейшего развития, возможности этих материалов нельзя оценить просто и однозначно.

Определение характера развития любых явлений деятельности, природных или общественных, должно начинаться с определения объекта, предмета, качественных и количественных характеристик, меры, инструментов и методов измерения, методов осмысления результатов. Для изучения тенденций развития такой совокупности явлений, как социальная структура населения России между переписями населения в переходный период конца XX - начала XXI веков, необходимы знания о его состоянии в начале и конце периода, а также о процессах общественного развития за период.

Точными, достаточными сущностными научными знаниями «о социальном статусе населения» СССР и РСФСР, о социальной структуре населения по состоянию на 1980-е годы, мы не располагаем. Это утверждение выглядит парадоксально, если учесть масштаб развития общественных наук в тот период. Подтверждается же оно не только известным высказыванием авторитетного и осведомленного государственного деятеля Ю.В. Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем». Оно подтвердилось практикой, реальным поведением населения России в 1990-е годы, которое оказалось не соответствующим представлениям о его социальной структуре, классовых интересах и т.п., сложившимся в советской науке в 1980-е годы.

Не более точны научные знания о социальной структуре населения России, да и о населении в целом по состоянию на начало 2000-х годов. В современных научных публикациях приводятся данные о поисковых исследованиях, затрагивающих, в основном, теоретические и методологические вопросы. Практика показывает, что население в целом и отдельные социальные группы в 1990-е годы и начале 2000-х годов реагируют на государственные управленческие воздействия неадекватно сложившимся во властных органах и у их научных консультантов представлениям о структуре и социальных ожиданиях. Удачи некоторых политтехнологических операций во время выборных компаний относятся к другим темам научных исследований, другим отраслям знаний, например, политологии, социальной психологии, исследующим, в частности, проблематику управления, манипулирования поведением населения и отдельных социальных групп.

Констатируем также, что сущностный характер происходящих в рассматриваемый период в России процессов общественного развития до последнего времени с достаточной точностью и полнотой научно не определен [10, 12]. Достоверно можно утверждать только, что со второй половины 1980-х годов до начала 2000-х годов в России (сначала - в СССР) производится (не происходит!) непрерывно меняющееся по конъюнктурным обстоятельствам «конструирование, проектирование и строительство» нового для страны и её народа общественного строя, называемого «рыночной экономикой», «цивилизованным обществом». Не реставрация, не реконструкция, не перестройка, не естественное развитие, а во многом импровизационное создание! Не останавливаясь на анализе научной обоснованности и других общественно значимых сторонах этого процесса, констатируем, что по характеру он является несомненным «социальным экспериментом», целью которого официально поставлено создание в России «современного цивилизованного капитализма» и «современной цивилизованной демократии». Конкретные характеристики этих целей, их социальных и экономических параметров, а также траекторий их достижения, до последнего времени не определены. Из этого следует, что одна из важнейших характеристик «социального статуса» всего населения современной России состоит в том, что это население есть «материал для социального эксперимента», проводимого с нечетко поставленной целью и по ходу корректируемых методами. По общей методологии научного экспериментирования, в таких случаях, для изучения тенденций изменения в материале эксперимента, необходимо сопоставлять ожидаемые изменения ранее заданных качественно и количественно определяемых признаков с реально фиксируемыми изменениями. В связи с этим есть основания утверждать, что названный выше «социальный эксперимент», не оснащенный таким инструментарием, не может быть измерен и оценен как эксперимент, а может исследоваться только как случайный процесс по критериям, установленным «вне эксперимента», независимо от его «программы».

Необходимо отметить, что проведение «социальных экспериментов» по социально-экономическому, общественному переустройству стран, народов, этносов оказалось в XX веке очень распространенным явлением, перешагнувшим в XXI век. Оно наблюдалось не только в СССР и в России, странах «социалистического лагеря», что обсуждалось и интерпретировалось в разное время и с разных позиций. Оно многократно проявлялось и в «западных»

странах, и в странах «колониальных» и «постколониальных», где насаждался т.н. «западный» или «американский» образ жизни [9]. Можно предположить, что «социальное экспериментирование» является одной из характерных особенностей мирового общественно-го развития в XX веке и может быть перенесено в XXI век. Системное исследование этого явления, или как набора случайностей, или как, возможно, закономерного процесса для определенной стадии развития человечества, могло бы позволить составить целостное научное представление о содержании, целях, методах, формах и других характеристиках этого явления; выявить «рациональные» и «нерациональные» стратегические и тактические сценарии проведения таких «экспериментов» и т.п.

Как следует из данных, опубликованных авторами эксперимента, проводимого в России, по состоянию на 2004 год, заявленная цель, очевидно, достигнута только по одному названному ими системообразующему признаку: более 85% материальных ценностей, ранее находившихся в общественной собственности (в форме государственной собственности), переведено в собственность частную, в форме личной или корпоративной.

Известно, что для исторически резко переходных состояний общества характерны высокие динамичность и степень неопределенности его социальных характеристик. Тем более высока степень их неопределенности в обществе, которое экспериментально переводят из плохо известного состояния в неизвестное по плохо проработанному и часто, конъюнктурно меняющемуся сценарию (т.н. «Курсу реформ»). Для описания и изменения этих неопределенностей в управленческой практике, в научной литературе современной России применяются понятия, критерии, системообразующие признаки, наборы факторов, методы стратификации общества и другой научный инструментарий, который разработан для описания и изменения характеристик других состояний общественного развития, в других условиях. В силу этого обстоятельства, их применение, условно признаваемое возможным с оговорками и в общем виде, не может считаться адекватным для определения конкретных явлений действительности. В лучшем случае, сумев определить с их помощью некие количественные характеристики неких свойств неких явлений, мы не можем адекватно определить ни само это явление, ни причины и тенденции изменений этой характеристики.

Так, авторы эксперимента в течение пятнадцати лет ориентируют государственную политику в России на создание в населении страны некоего «среднего класса», до последнего времени не пред-

ложив четкого недвусмысленного понимания этого термина. До последнего времени не определены содержание и формы общественного явления, определяемого этим понятием; соотносении этого явления, «среднего класса», с другими социальными подразделениями (классами?) общества; его структура, существенные признаки, способы его идентификации, изменения и т.п. Между тем, в проведении вышеназванного социального эксперимента «среднему классу» отведена важнейшая роль «движущей силы» становления новой общественной формации, главного системообразующего социального элемента «нового общества» в России.

Несомненно, что понятие «средний класс» использовалось некоторое время как очередная идеологема для опровержения и развенчания учений «о классовой борьбе». В то же время, многие исследователи сообщают, что наблюдают это явление в т.н., «развитых» странах, не имея методологических средств для его достаточно точной идентификации. Можно предположить, что это новое явление, связанное с переходом человечества в тоже «новую», «постиндустриальную» стадию общественного развития. Однако, эта новая стадия имеет только формальное, хронологическое определение (после индустриальной стадии) и не имеет удовлетворительных общепринятых системообразующих содержательных определений. В связи с этим, привязка не имеющего точного значения понятия «средний класс» к столь же неопределенному понятию «постиндустриальное общество» не дает существенных основ для его идентификации.

Возвратившись к рассмотрению социальной структуры населения России, выделим основные критерии для выбора анализируемых социальных групп. В первую очередь, выделим те компоненты социальной структуры, которые можно считать наиболее значимыми для развития Общества. Учтем также наличие сопоставимых для анализа данных в материалах переписей населения. Радикальная смена идеологических приоритетов, произошедшая в 1990-е годы, отразилась, например, на том, что, при сохранении общей убежденности в подразделении населения на классы, конкретную классовую структуру населения России в конце 1980-х годов и начале 2000-х годов представляли в различных системах.

Образование.

Так, единственным реальным ресурсом для возвращения к переходу России в «постиндустриальную» стадию развития; для ускоренного развития экономически высокоэффективных наукоёмких технологий и т.п. в настоящее время называют сохранение и разви-

тие научного потенциала, повышение уровня образования населения.

Критерии, по которым определяют дифференциацию населения по уровню образования, фиксированы документально, легко определены статистически и, что важно для близкого к реальности отражения действительного положения, политически относительно безвредны. В период между 1989 г. и 2002 г. в количественных показателях, характеризующих уровень образования населения России, произошли заметные изменения. Почти в полтора раза увеличилось количество на 1000 человек населения в возрасте 15 лет и выше лиц с высшим, неполным высшим и средним профессиональным образованием (таблица 1).

Таблица 1

*Уровень образования на 1000 чел.
в населении возрастом 15 лет и выше (чел.) [по 17,25]*

Год переписи	Профессиональное образование				Общее образование			не имеющие образования
	высшее	неполное высшее	среднее	начальное	среднее (полное)	основное	начальное	
1989	113	17	192	130	179	175	129	65
2002	160	31	272	127	175	137	77	10

За период между 1993/1994 и 2003/2004 учебными годами число высших учебных заведений в России увеличилось с 626 до 1046 (не считая многочисленных филиалов и представительств). Численность обучающихся в них студентов увеличилась с 2613 до 6456 тыс. чел. [25].

В то же время, численность населения моложе трудоспособного возраста, то есть того населения, которое будет образовывать основной контингент людей, стремящихся к получению профессионального образования в предстоящие периоды, между 1989 г. и 2002 г. уменьшилось с 36,6 млн. чел. до 26,3 млн. чел. [8,22].

Для оценки изменений в уровне профессионального образования населения можно было бы предположить, что они явились результатом инерционного продолжения сложившейся в советский период государственной политики. Однако, это предположение не может

быть рассмотрено даже как гипотеза.

Таблица 2

*Численность занятых в научном комплексе
России в 1992-2002 г.г. [по 25]*

Наименование показателя	1992 г.	2002 г.
Среднегодовая численность занятых в науке и научном обслуживании, тыс. чел.	2307	1144
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (на конец года), тыс. чел.	1532,6	866,2
в т.ч. исследователи	804,0	411,4

Такое снижение численности лиц, персонифицированно представляющих научный потенциал России, вызывает не только интерес к исследованию изменений состояния и возможностей развития экономического и социального потенциала российского суперэтноса, но и гражданское ощущение опасности.

В такой ситуации интеллектуальный потенциал страны проявил не исследованную пока спонтанную способность к самозащите, самосохранению, самовосстановлению, проявившуюся в форме пусть недостаточно конструктивной, что естественно при стихийности процесса, но позволившей этому потенциалу сохраниться и развиваться в сложнейших социально-экономических условиях. При этом, остаются пока не исследованными вопросы, насколько длительное время может этот потенциал проявлять такую способность при продолжающемся ослаблении государственной поддержки и отсутствии эффективных экономических механизмов востребования достижений научного потенциала страны её реальной экономикой. Необходимо предвидеть, что может произойти со сложившейся системой образования при ожидаемом в недалёком будущем резком сокращении части населения России, способной по возрастным, интеллектуальным, иным критериям, по платежеспособности, наконец, - быть очными и заочными студентами дающих платное и бесплатное образование подразделений ВУЗов страны. Необходимо также предвидеть, что может произойти с той частью населения, которая, ожидая приложения своих знаний и сил в соответствии с приобретённой профессией и с достойными условиями труда, может оказаться невостребованной в реальных социально-экономических организациях. В такой ситуации эта часть населения приобретает повышенную, напряжённую социальную активность;

может приобрести взрывной социальный потенциал.

Таким образом, отмеченная выше относительная политическая «нейтральность» статистических показателей уровня образования населения оказывается в определенных условиях «нарушенной». Эти показатели начинают отражать политически значимые и острые процессы, а потому и сами приобретают политическую значимость и остроту. Поэтому можно ожидать, что и теоретические построения, и статистические показатели, характеризующие эти процессы, окажутся подверженными политизированной корректуре.

Классы.

В связи с этим замечанием, повторно отметим, что общие представления о делении общества на классы, характерные для всех научных аналитических разработок в мировой общественно-научной науке, обусловлены объективно. Субъективно же политизированные подходы к анализу столь политически взрывной темы, обострённо сконцентрированные, в частности, на утверждениях о наличии или отсутствии «классовой борьбы», оказались причиной того обстоятельства, что представления о делении общества на классы в 1980-е и 1990-е годы оказались различными. Наличие данных о классах рабочих, крестьян и служащих в материалах переписи 1989 г., сменилось отсутствием прямых данных о классовой структуре населения России в материалах переписи 2002 г. [17, 22, 25].

Представляется, что и в том, и в другом случаях классовая структура российского населения, прямо или косвенно выражаемая в материалах переписей, неадекватно отражает реальную структуру общества, реальную структуру интересов разных социальных групп, а потому и не позволяет точно определить социальные характеристики «движущих сил» и другие важные стороны общественного развития.

Так, определённо существовавшая в 1989 г. в советском обществе социальная группа «рабочие» насчитывала около 44,5 млн. чел. во всех сферах хозяйства, составляя 53,8 % от всего трудоспособного населения России и 67,8% от занятых в экономике [17].

В идеологемах советских общественно-научных наук эта социальная группа населения СССР описывалась как «рабочий класс», «класс - гегемон», стоящий «в авангарде технико-экономического и социально-политического процесса». Она определялась, как социальная база КПСС, в политике которой заявлялись стратегические и тактические классовые интересы этой группы населения, не отличающиеся существенно от интересов всего населения, «всего народа», от «общенародных интересов». Теоретические основы опреде-

ления «рабочий класс» опирались на фундаментальное: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы - это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [11]. В этом фундаментальном определении трудно оспорить хоть одно положение, но вопросы возникают к конкретным интерпретациям понятия «класс» именно «в определенном укладе общественного хозяйства», в определенной «организации общественного труда», «в исторически определенной системе общественного производства», в той форме общественного устройства, которая сложилась в СССР в 1980-е годы. Рабочие в этот период в СССР несомненно были. Был ли рабочий класс как общность [3, 13]?

В конце 1980-х - начале 1990 -х годов «рабочий класс» СССР и России не только не защищал политически провозглашённые, в законе записанные, практически (как показало дальнейшее развитие) удовлетворявшиеся его, «рабочего класса», классовые интересы. Он пассивно отнесся к постепенному размыванию и разрушению социальных систем, ранее удовлетворявших «классовые интересы рабочего класса» и «общенародные интересы» (бесплатное образование и здравоохранение, отсутствие безработицы, санаторно-курортное обслуживание, пенсионное обеспечение, жилищно-коммунальная сфера и т.д.).

Отдельные «отряды рабочего класса» (в первую очередь, «боевой авангард рабочего класса», шахтеры) активно разрушали общественную систему (не путать с партийной системой!), в которой соблюдались и были защищены его основные «классовые интересы». Может ли быть, что в событиях 1980-х годов, а возможно, и раньше, происходил размыв «классов», терялась определенность «классовых интересов»?

«Рабочий класс» советской России в целом, как минимум, не возражал, не протестовал против создания новой общественной системы, в которой потерял и самостоятельную классовую идентификацию, растворившись в социальной группе «работников по найму» (это относится и к «классам» «крестьян» и «служащих»).

В 2002 году «работники по найму» составляли в России около

95% всего занятого населения, при около 1% - работодателей и около 3,5% - индивидуальных предпринимателей. В группу «работники по найму» статистика включила всех, для кого характерен один единственный признак - наём на работу. В эту категорию включены, при всем уважении к любой профессии, работники, занимающие иногда радикально различные места и роли в общественных системах и т.п. Может ли это быть свидетельством состоявшейся деклассированности населения [19-24]?

В категорию «рабочие» (идентифицированную по характеру труда, квалификации, отраслям хозяйства) по данным переписи 2002 года включено 36,0 млн. чел., или 40,4% от всего трудоспособного населения и 54,1% от занятых в экономике. До последнего времени нет видимых признаков того, чтобы «рабочий класс» самоидентифицировался, то есть сформировал, выразил и пытался отстаивать свои общие, «классовые» интересы. Случаи активных выступлений рабочих отдельных предприятий в Ленинградской и Кемеровской областях, на Урале, на Печоре и т.д. - пока только частные случаи защиты своих интересов рабочими отдельных предприятий, не вызывающие движений общей «классовой» поддержки. Чаще повторяются случаи выступлений отдельных групп рабочих с пассивными формами протестов и требований, например, с голодовками для получения заработной платы. Они также не находят «классовой» поддержки.

Сложные изменения произошли за рассматриваемый период в социальной группе, определяемой, как «служащие». По переписи 1989 года численность служащих составила 21,1 млн. чел., или 25,2% от численности трудоспособного населения и 32,2% - от занятых в экономике. В 1980-е годы эта группа в целом объединяла часть населения, идентифицированную и самоидентифицирующуюся как «интеллигенция» [16, 17, 29].

При переписи 2002 года в категорию «служащие» прямо включены только 2,0 млн. чел. (2,0% от трудоспособных и 2,2% от занятых в экономике). Почти десятикратное сокращение численности «служащих» не может быть объяснено особенностями статистического учета. Из тех социальных групп, которые в 1989 году могли быть отнесены к категории «служащие», в данных переписи 2002 года выделены «специалисты высшей и средней квалификации» - 20,4 млн. чел. (22,9% и 30,8%); «руководители» - 4,7 млн. чел. (5,3% и 7,0%); «квалифицированные работники» некоторых производственных отраслей (сельское, лесное, охотничье, рыбное хозяйство) - 3,0 млн. чел. (3,4% и 4,5%). В сумме это составляет 28,1 млн. чел.

(31,6% и 42,6%), что больше, чем в 1989 г. [19-25].

Можно предположить, что некоторые социальные группы, ранее относимые к «рабочим», по современным методикам статистических классификаций оказались могущими быть отнесенными к «служащим».

Можно предположить, что социальное поведение социальных групп, оказавшихся в категории «служащие», неоднородно, что не все группы в равной мере активно и результативно выражают и отстаивают «свои групповые интересы». Например, внешне целостная социальная группа, содержательные признаки которой могут определяться работой в структурах, подчиненных государству и получением заработной платы из государственного бюджета, по другим признакам может быть подразделена на устойчиво различные слои.

Так, в течение 10 лет с 1992 г. по 2002 г., численность относимых к «бюджетникам» работников сфер здравоохранения и/образования практически не изменилась. Не изменилось и соотношение их заработной платы с заработной платой в экономике в целом и в сфере управления. Но численность занятых в управлении за этот период выросла более, чем вдвое, а средняя заработная плата в этой сфере стала выше, чем в экономике в целом (таблица 3). А, между тем, попытки забастовок и демонстраций за эти 10 лет с целью добиться повышения заработной платы предпринимали именно те «бюджетники», которые «учат» и «лечат», а не те, которые «государственно служат».

Таблица 3

**Численность работников и уровень
заработной платы по сферам экономики
России в 1992 г. и 2002 г. [по 25]**

Наименование показателей	1992 г.	2002 г.
Численность учителей, тыс. чел.	1649	1684
Численность врачей и среднего медицинского персонала, тыс. чел.	2346	2239
Численность занятых в управлении, тыс. чел.	1362	2980
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата: (1992 г. - в тыс. руб., 2002 г. - в руб.) Всего по экономике	6,0	5508,6
В образовании	3,7	3377,2
В здравоохранении	3,9	3707,3
В управлении	5,7	6784,9

Очевидно, что подходы к определению классовой структуры общества в России и в 1989 г., и в 2002 г. не схожи по теоретической основе, но похожи тем, что неадекватны реальному состоянию общества. Это можно объяснить расхождениями в оценках таких системообразующих объективных признаков, как положение в отношениях собственности, пользования, распределения; как социальные роль и место в многообразной жизнедеятельности общества. Не исключено, однако, что в науке ещё не сложилось адекватное современной стадии развития общества понимание сущности и конкретных форм его классовой структуры.

Не даёт материалов для характеристики деления общества в России на классы и такой субъективный признак, как массовое социально-групповое осознание своего положения в обществе и политические выражения этого осознания. Как правило, в исторических и политических науках принято соотносить классовую структуру общества со спектром политических партий, концентрированно выражающих интересы определенных классов и других социальных групп; связанных с этими классами как с социальной базой; реально объединяющих усилия классов.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что ни в 1989 г., ни в 2002 г. классовая структура российского (советского) общества адекватно на выражена не только в статистической отчетности, но и в общественных политических проявлениях.

Единственная в 1989 году функционировавшая в стране политическая партия, с численностью около 18 млн. чел., заявлявшая о выражении и защите интересов рабочего класса и крестьянства, интересов всего народа в общенародном государстве, оказалась не поддержанной ни народом, как надклассовой общностью, ни отдельными классами, ни другими социально организованными группами населения.

В начале 2000-х годов ситуация в России иная. По состоянию на 2003 год в России зарегистрировано 1015 политических партий [25]. Однако, увеличение в тысячу раз количества политических партий не означает, что в обществе равнозначно увеличилось количество классов. Более верно предположить, что в российском обществе отсутствует достаточно устойчивая, заметно сформировавшаяся классовая структура.

Означает ли это, что российское (как и бывшее советское) общество деклассировано, аморфно в классовом отношении? Является ли это аморфное состояние естественным объективно обусловлен-

ным продуктом, то есть состоянием общества, которое мы еще не знаем, не умеем измерять и описывать? Могло ли оно естественно развиваться в заявленном политически неантагонистическом классовом обществе, в т.н. «общенародном государстве»?

Или это состояние является, как заявлено позже, продуктом неестественной, не присущей человеческому обществу, искусственной социальной конструкции, насильно ему навязанной? И этот продукт обязательно должен разрушиться, как только исчезают создающие и удерживающие его политические формы?

Какой срок нужен обществу, чтобы сформировалась новая социальная структура населения, адекватная радикально изменившимся, принципиально новым условиям общественного развития? Годы? Десятилетия? Века? Когда может сформироваться социальная структура населения, соответствующая условиям «дикого капитализма» России 1990-х годов, из социальной структуры советского населения 1980-х годов [6, 18, 26, 32].

Можно ли ответы на эти вопросы получить только наблюдая реальные результаты процессов общественного развития, или они могут быть получены, или спрогнозированы в целенаправленных научных, не политизированных, идеологически не зашоренных исследованиях?

Формирование явно выраженной, устойчивой, достаточно точно описываемой и статистически определяемой социальной структуры населения России можно будет зафиксировать после завершения переходного периода. Проблема состоит в том, что неопределенность движущих сил, социально-экономических целей и приоритетов, темпов, сроков, управляемости, ожидаемых результатов, других характеристик этого процесса пока сохраняется (см. выше).

В настоящее время можно считать определённо сформировавшейся, имеющей некоторые системообразующие признаки класса, отмеченной многими наблюдателями, явно выразившей, активно и успешно обеспечивающей в государственных структурах свои групповые интересы только социальную группу, называемую «олигархией».

У неё сформировалось положение в отношениях собственности. Она выработала, формализовано представила и организовано отстаивает свои интересы. О существовании в России «олигархии» и «олигархов» говорят представители всех политических сил. Но научно выверенными критериями при этом не пользуются, опираясь более на оценки эмоциональные, с неблагоприятными или благоприятными оттенками мнений о «российском современном

капитализме», классовым авангардом которого «олигархию» и считают.

Не сформировались в России до уровня научно обоснованных и представления о классовой структуре российского населения, опирающиеся на систему воззрений «об определяющей роли среднего класса в формировании общества в развитых странах». Этот подход, как отмечено выше, не имеет достаточной теоретической и методологической базы. Не выработаны и методические подходы к определению системообразующих признаков для выявления социальной структуры общества, ядром которого признается «средний класс».

В одних работах для таких обществ отрицается сложная классовая структура, признаки которой все исследователи находили в этих странах в конце XIX - начале XX веков: рабочие, рабочая аристократия, крестьяне, фермеры, наёмные сельскохозяйственные рабочие, мелкая буржуазия, средняя буржуазия, крупная буржуазия и т.п. Так, предлагается идея о том, что в этих странах, обобщенно относимых к «Западу», можно вычленить два класса: класс «работодателей», включающий собственников и менеджеров (управляющих); и класс «нанимаемых», включая и служащих всякого рода, в том числе государственных служащих [9].

В других работах, которые многочисленностью своей создают впечатление устойчиво сформировавшегося «общего мнения», утверждается, что в развитых странах именно «средний класс» определяет основные институты «цивилизованного демократического общества», «современной рыночной экономики». О других классах, однако, которые должны были бы, по определению, граничить с этим «средним классом», то есть о том, сколько этих «не средних классов», какими существенными системообразующими признаками отличаются они от «среднего класса», - в этих работах не упоминается. Однако, в этих работах не только утверждается необходимость создания «среднего класса» в современной России, но идеологически предписывается задача создания этого класса как задача важнейшей государственной важности. «Средний класс» называют социальной базой формирующейся в России «современной рыночной экономики и демократии», важнейшей движущей силой становления в России новой общественной формации.

Такое явление, как «средний класс», многие исследования уверенно находят, считают реально существующим в социальной структуре населения «развитых стран». Эти страны, в свою очередь, так же уверенно определяют как находящиеся в «постиндустриаль-

ной» стадии развития человечества. Не исключено, что эти два явления - «средний класс» и «постиндустриальное развитие», - могут быть органично связаны, неразрывны. Однако нельзя не отметить, что эти явления пока только названы по положению «в пространстве и времени», но их социально-экономическое содержание не определено. О «среднем классе» определенно известно только, что это нечто, находящееся между чем-то и чем-то. О «постиндустриальной» стадии общественного развития известно только, что она следует после стадии «индустриальной». При этом отсутствуют точные, необходимые и достаточные определения системообразующих признаков «постиндустриальности» этой стадии.

Но «постиндустриальная стадия» - не единственное понятие, принимаемое для характеристики того общественного состояния, в которое развивается человечество. Известны и широко обсуждаются в настоящее время в научной литературе понятия «глобализация», «социальное государство», «устойчивое развитие» и другие. В них, в разных сочетаниях, в очень общей форме упоминается необходимость учёта «социальных» вопросов в управлении общественным развитием. При этом никаких сущностных признаков, по которым можно было бы определить содержание, формы и другие характеристики рассматриваемого общественного явления, до сих пор не выработано. Современные процессы развития человечества являются продолжением процессов, через которые человечество прошло в XIX и в XX веках. Но до последнего времени нет исчерпывающего анализа преемственной связи с теми описанными и достаточно строго определенными сущностью и формами общественного развития, через которые прошло человечество; которые формировали движущие силы этого развития; с такими явлениями, как «капитализм», «империализм», «социализм», «национальный и транснациональный капитал», «международные миграции труда и капитала» и т.п. В каждом из них общественное развитие не могло проходить не в системе факторов, изменяющих содержание и формы социального развития, включая изменения содержания и форм социальной структуры. Вероятно, сложность, динамичность, политическая (в т.ч. геополитическая) обостренность этой проблематики в совокупности затрудняют её конструктивный научный анализ.

В связи с такой неопределенностью, в российской современной общественной литературе рядом с понятием «средний класс» выстраиваются комбинации из столь же условных понятий «высший класс», «низший класс», «политический класс», «правящий класс», «интеллектуальный класс», «элита», «маргиналы», «левые», «пра-

вые», «белые воротнички», «серые воротнички» и т.д., и т.п. [30, 31, 6, 26, 28]. Все эти определения могут более или менее удачно отразить симпатии или антипатии личного характера, но не дают четких существенных и формализованных признаков для объективного определения социальной структуры реального, а не воображаемого российского общества.

Сословность.

За последние два десятилетия в России происходили общественные события, вызвавшие появление в социальной структуре населения элементов заметных, явственно видимых, но не устоявшихся, не определившихся в общественном сознании, не определенных в достаточной степени и правовым образом. Не исключено, что некоторые из них возникли не на основе реальных объективных потребностей современного российского общества. Не исключено, что они являются продуктом некоей искусственно вызванной социальной ностальгии, продуктом воспоминаний о некоторых существовавших века назад общественных отношениях. Таково внедрение в социальную структуру признаков сословного деления общества (казачество, дворянство, духовенство), не обеспеченное правовой и экономической базой, достаточной для реального существования сословий. Эта попытка реанимации сословий проявляется не в виде естественных, относительно легко реализуемых форм воспоминаний, духовных процессов, декоративных акций, искусства. Такие формы известны во всей истории развития человечества и являются одной из движущих сил социального, духовного совершенствования общества. Попытка реанимации сословий проявляется в попытках восстановить систему общественных отношений, обеспечивающих не видимость, а реальность существования сословий, в первую очередь, - в попытках реставрировать отношения собственности, существовавшие в те исторические эпохи, когда эти сословия объективно возникли и существовали.

С другой стороны, реально, исторически непрерывно и объективно обусловленная существующая в социальной структуре населения России специфичная по социально-экономическим (не только национальным и этническим!) признакам социально-демографическая группа коренных народов Севера (называемых «малыми», «малочисленными» и т.д.) не имеет достаточного правового и экономического обеспечения полноценной реальной жизнедеятельности. Отличаясь от населения, исторически объективно развившегося до современного состояния общественного развития, многие представители этих народов продолжают компактно прожи-

вать в исторических зонах обитания и в традиционной системе взаимодействий с природной средой. Они не могут столь же органично, как остальное население страны, вживаться в систему «рыночных», «товарно-денежных» отношений и объективно нуждаются в обеспечении их жизнедеятельности специфичными правовыми и экономическими механизмами [15].

Своеобразно для современной России правовое выделение из занятого общественным трудом населения социальной группы «государственные служащие», приобретающей черты реально существующего сословия. Их трудовая деятельность, пенсионное обеспечение, система прав и обязанностей регламентируются специальными правовыми и экономическими механизмами. Их численность растёт, а уровень оплаты труда устойчиво выше, чем у остальных групп населения, получающих зарплату из бюджета [таблица 3]. В научной, публицистической, общественно-политической литературе устойчивы утверждения о сформировавшейся системе «государственной службы» как коррумпированной и корыстно обеспечивающей свои системные (не только личные) интересы.

В связи с возникновением в 1990-е годы значительной правовым и экономическим образом выделенной из прочих граждан страны социальной группы «государственных служащих», есть основания обратить внимание на более длительные по времени тенденции развита численности занятых в системе государственной власти и управления страной (таблица 4).

Таблица 4

Динамика численности занятых в органах государственной власти в СССР, РСФСР и России

Наименование пользователей	1940	1960	1975	1984	1994	2000	2003
Численность работающих в органах управления, кооперативных и общественных организациях, органах кредитования и страхования, в РСФСР, млн. чел.	около 0,6	около 0,8	около 1,25	около 1,350	более 1,9		более 3,8
Численность работающих в органах государственной власти в РСФСР и России, млн. чел.	около 0,2	около 0,25	около 0,4	около 0,45	1,004 *	1,163 *	1,300 *
Численность работников в законодательных органах РСФСР и России, млн. чел.	менее 0,001	менее 0,001	менее 0,001	менее 0,01	0,007 *	0,015 5*	0,021 7*
Всего занятого населения в РСФСР, в России, в млн. чел.	22,2	39,5	60,7	67,2	около 62	около 62	около 62

Примечание: Данные получены, в основном, расчетами по материалам [16, 17, 25]. Данные, взятые прямо из этих источников, от-

мечены *.

Приведенные в таблице 4 данные получены из источников, составленных на основе разных не только теоретических и методологических, но и методических подходов. В 1940-1984 г. статистической классификацией в одну группу отнесены те, кто занят производственным трудом не только в органах государственного управления, но и в органах финансов и кредита; на должностях в партийных, комсомольских и профсоюзных органах; системах кооперации. Мы условно принимаем, что не более одной трети из них могли работать в органах государственного управления. В законодательных же органах РСФСР точно работало на освобожденной и неосвобожденной основе не более 1000 чел.

Несмотря на большую степень условности приведенных в таблице 4 предварительных данных, представляется несомненной необходимостью исследования проблематики, связанной с результатом даже ограниченного этими предварительными возможностями анализа. Так, очевидно, что общая тенденция к увеличению численности занятых в государственной власти и управлении в России за 60 лет соответствует общей тенденции общественного развития человечества. Эта тенденция связана с усложнением структуры и масштабов производственных и социальных процессов, обеспечивающих их производственных и социальных сфер; с возрастанием объемов производства; с усложнением систем международного разделения труда, формированием мирового хозяйства и т.д., и т.п. Эта тенденция требует количественного и качественного развития сферы управления. Эта тенденция сущностно не зависит от могущих влиять на её проявление в конкретных условиях различий формационного, идеологического, политического, национального и т.п. характера.

Очевидно также, что резкий скачок в численности занятых в органах государственной власти и управления при переходе от 1970-1980-х годов к 1990-2000-м годам связан с изменением сущностных характеристик общественного строя в России. Объективно или субъективно обусловлено парадоксальное увеличение более, чем в 20 раз, числа законодателей? Не будем отвлекаться здесь на вопросы о связи этого процесса с явлениями коррупции, кадрового обеспечения законотворческого процесса, качества правового поля, создаваемого столь внушительным законодательным массивом и т.п. Отметим, что столь бурный рост не может быть не связан с формированием и защитой собственных интересов системы государственно управления, и эти интересы не всегда могут совпадать с интере-

сами создавшего эту систему Общества. Вспомним также, что не менее 100 лет назад было научно сформулировано и до сих пор научно не опровергнуто утверждение, что государство есть аппарат насилия господствующего класса над обществом для обеспечения интересов этого господствующего класса.

Возможно ли, что аппаратные внутренние интересы системы государственного управления станут господствовать и над интересами господствующего класса? Есть ли перспективы у Общества, управление которым осуществляется в основном в интересах системы управления?

Не отражает ли столь увеличенная численность аппарата управления противоборство в формирующейся, но ещё не сформировавшейся социальной структуре общества, где возможны частые смены кратковременно господствующих «движущих сил»? Сформировался и утвердился в обществе господствующий класс, в интересах которого нужен именно такой аппарат государственного управления?

До последнего времени, несомненно, господствующее положение в России занимает социальная группа, которая политическими, социальными, экономическими методами (моральные и этические аспекты не упоминаем) обеспечивает себе получение гиперприбылей [5]. Этот источник обеспечил Российским «нуворишам» и «скоробогатеям» в течение 15 лет возможность перейти из состояния советских граждан со средним достатком в разряд богатейших людей мира.

Эта социальная группа, а также обслуживающие и развлекающие её социальные прослойки в настоящее время господствуют в России экономически и политически. Принесение в жертву отдельных «олигархов» не должно вводить в заблуждение. Оно может быть следствием внутренних противоречий в социальной группе, конфликтов с другими группами, актом защиты общегрупповых интересов в обострявшейся социальной стадии развития и т.п. Социальная группа и отдельные её представители - не одно и то же и не константа. Важен вопрос: сколь долго может продолжаться господствующее влияние такой социальной группы, обслуживаемое такой системой государственного управления? В какие сущностные и формальные изменения и того, и другого может развиваться ситуация?

Расселение.

Одно из наиболее значимых явлений для социально-экономического развития страны, в том числе и для формирования социальной структуры населения; одно из наиболее чутко реаги-

рующих на изменения в социально-экономическом развитии страны и в социальной структуре населения; одно из наиболее выразительно и наглядно отражающих изменения в социально-экономическом развитии страны и социальной структуры населения; одно из наиболее консервативных, материально закрепляющих и сохраняющих структуру вековых долгосрочных, устойчивыми объективными факторами обусловленных социально-экономических, производственных, бытовых, жизненных, этнических процессов, - это явление, называемое системой расселения.

Изменения, произошедшие в системе расселения России за рассматриваемый период, заметны и вызывают неоднозначное толкование. Объём статьи не позволяет оценить этот процесс всесторонне, даже в форме постановки вопросов. Статистические материалы переписей в 1989 г. и 2002 г. не дают для этого достаточных данных. Но у нас есть возможность назвать некоторые из наиболее значимых факторов, влиявших на формирование системы расселения в России в конце XX - начале XXI веков, и отметить некоторые из наиболее значимых отмеченных статистическими данными тенденций.

В кратком, неполном перечне факторов, послуживших причиной этих тенденций, можно назвать следующие:

- возникновение в 1991 году «Новой России», новой страны, в которой, в отличие от «Старой России», то есть от СССР, стали формироваться новые конфигурации природных условий, природно-ресурсного потенциала, демографических, этнографических, геополитических, социально-экономических, идеологических, политических сил, связей, центров, других сочетаний факторов, влияющих на формирование системы расселения;
- распад обрабатывающей промышленности, в особенности в результате последних переделов;
- распад систем производства и переработки продукции сельского хозяйства;
- развитие мелкооптового импорта; формирование транспортных связей, узлов, систем по обслуживанию потоков мелких торговцев;
- концентрация экспортно-ориентированного капитала (не самого производства!) и финансового капитала в политических центрах;
- распад военно-оборонного комплекса и обеспечивающих его производственных, социальных, инфраструктурных сфер;
- спонтанное разрушение многих производственных и сели-

тебных комплексов в районах Севера;

- резкая дифференциация уровня доходов, уровня жизни, качества жизни населения в зависимости от места проживания, социального положения и т.п.;
- формирование систем устойчивой контрабандной деятельности и несанкционированного пользования природными ресурсами.

Наиболее видимые последствия воздействия этих и других факторов описаны в средствах массовой информации под такими заголовками, как: «Россия смещается к югу»; «Город поглощает деревню»; «Малые города пошли в рост. Перепись показала, что все больше россиян выбирают на жительство в тихие районные центры» [19-24].

В самом деле, данные переписи населения 2002 г. зафиксировали перемещение населения России не только из северных районов страны к югу, а из восточных, в особенности дальневосточных районов, - к западу. В частных, единичных ситуациях, на уровне отдельных личностей эта тенденция обуславливается давно известным, в фольклоре выраженным фактором: «Рыба ищет, где глубже, человек - где лучше». При переходе к анализу этого процесса на уровне страны, народа, населения, этноса, следует оценить тенденцию по иным критериям. Следует выяснить: это случайная, исторически кратковременная флуктуация? Или это изменение места, занимаемого этносом в географическом пространстве? Или это освобождение одним этносом ранее освоенной им зоны обитания для исторически закономерного обживания этих зон другими этносами? Этот не исчерпывающий возможности анализа перечень вопросов только иллюстрирует необходимость полного изучения причин, характера и последствий отмеченной тенденции. Нельзя исключить, что это - проявление характерных для России XVII-XX в.в. волнообразных смен ориентиров и приоритетов при освоении Сибири и Дальнего Востока, приводящих то к оживлению, то к затуханию развития этих районов. Но трудно предвидеть, позволят ли геополитические реальности XXI века без потерь для страны, для нации, для этноса пережить современный очередной спад внимания государства к районам Дальнего Востока и Севера [15].

Очень важен для оценки процессов развития России анализ тенденций изменений, происходящих по оси город - деревня, фиксируемых статистикой только в количественном отношении и по ограниченному набору параметров, не раскрывающих социально-экономическое содержание тенденций. Известно, однако, что с изменениями в распределении населения по этой социальной оси свя-

заны: особенности процессов «урбанизации», которые могут носить, как известно, и «благотворный» и «болезнетворный» характер; рациональность территориальных, межотраслевых, социальных, других пропорций в устройении Общества; определение места стадии развития Общества на цепочке «доиндустриальное», «индустриальное», «постиндустриальное» или в цивилизационной структуре человечества и т.д., и т.п.

Для такого анализа практически ничего не даёт сопоставление численности городского и сельского населения России в 1989 г. и 2002 г. (таблица 5). Численность этих групп населения уменьшилась. Уменьшение это укладывается в представления том, что процесс депопуляции, рассматриваемый отвлечённо от социально-экономических кризисов, в том числе искусственного происхождения, характерен, в первую очередь, для «скученных», «городских» сообществ населения, оторванных от природной среды обитания.

Таблица 5

**Численность городского и сельского населения
России в 1989 г. и 2002 г. [по 22]**

Наименование показателя	1989 г.	2002 г.	Изменения
Численность городского населения, млн. чел.	107,959	106,429	-1,530
Численность сельского населения, млн. чел.	39,063	38,738	-0,325

Можно предположить, что эти цифры, в самом общем понимании их содержания, свидетельствуют о том, что процесс «урбанизации», продолжавшийся в России (в её современных границах) до начала 1980-х годов, приостановился на уровне 27-28% сельского и 72-73% городского населения. Можно предположить, что изменения произошли в общих популяционных показателях, характеризующих динамику процессов воспроизводства населения, в показателях, выражающих численность особей, находящихся на территории в целом.

Изменения же в соотношении между «городом» и «деревней, между численностью сельского и городского населения совершенно незначительны: 1:2,764 в 1989 г. и 1:2,747 в 2002 г.

Рассмотрим, однако, представленные материалами переписей населения данные подробнее, хотя бы по самым крупным группировкам (таблица 6).

Таблица 6

**Характеристика динамики поселений в
России конца XX века [по 19-24]**

Всего городские поселения	Число городских поселений, ед.		Прирост. Убыль.	Число жителей в них, тыс. чел.		Прирост. Убыль, тыс. чел.
	1989	2002		1989	2002	
Всего городских поселений	3230	2940	-290	107959	106429	
Городов, из них с числом жителей, тыс. человек	1037	1098	+16	94450	95916	+1466
До 50	709	768	+59	15920	16622	+702
50-99,9	163	163	0	11169	11083	-86
100-249,9	87	92	+5	13078	13817	+739
250-499,9	44	42	-2	15084	14574	-510
500-999,9	22	20	-2	14040	12404	-1636
1 млн. и более	12	13	+1	25159	27416	+2257
Посёлок городского типа	2193	1842	-351	13509	10513	-2996

Всего сельские поселения	Число сельских поселений, ед.		Прирост. Убыль.	Число жителей в них, тыс. чел.		Прирост. Убыль, тыс. чел.
	1989	2002		1989	2002	
Всего сельских поселений	162231	155289	-6942	39063	38738	-325
В том числе без населения	9309	13086	+3777			
С населением	152922	142203	-10719	39063	38738	-325
Из них с числом жителей, человек: 10 и менее	30170	34003	+3833	155	168	+13
11-50	44674	38073	-6601	1150	950	-200
51	18094	14901	-3193	1312	1082	-230
101	40072	36308	-4764	9710	8919	-781
501	11524	10836	-688	8087	7571	-516
1001	6984	6402	-582	10819	9996	-823
3001 и более	1404	1680	+276	7830	10052	+2222

За период с 1989 г. по 2002 г. в статус сельских посёлённых пунктов переведены 300 городов и поселков городского типа с численностью населения около 1 млн. чел. С представлениями об «урбанизации» этот процесс не увязывается. Сведений о социально-экономических причинах этого явления статистика не предоставляет.

ет. Можно предположить, что эти поселения, или часть из них, были изначально названы городами без достаточных оснований. Можно предположить маловероятное: изменение статуса произошло по просьбе жителей этих поселений. Причиной могла бы быть смена экономической специализации населённого пункта с промышленной, транспортной, научной, иной несельскохозяйственной - на сельскохозяйственную. Можно предположить также, что это явление - следствие затянувшегося переходного состояния при запланированной или спонтанной ликвидации градообразующих сфер в военных, северных промышленных, других посёлках.

Предоставляется очевидной связь этого процесса с социально-экономическими катаклизмами, произошедшими и продолжающимися в России; с разрушением и трансформацией оставшегося экономического потенциала; с неизбежным в такой ситуации перемещением населения как в географическом, так и в социальном и экономическом пространстве. Предоставляется также, что масштабы изменений в городской и сельской системах расселения в результате этих катаклизмов должны быть гораздо большими, чем переход одной десятой от всех городских поселений в сельские; и не только количественными, но и качественными.

Так, за период 1989 - 2002 г.г. не только около 1 млн. чел., ранее считавшихся городским населением, стали населением сельским. За этот период в населении России образовалась одна из наиболее многочисленных социальных групп: «лица, проживающие на доходы от личного подсобного хозяйства». К таким доходам статистика относит доходы от сельскохозяйственного, в основном, труда на «подсобном» приусадебном или дачном участке, т.е. хозяйства близкого к натуральному. Такая социальная группа существовала и в 1989 году, однако не считалась достаточно большой для выделения в статистических материалах. В 2002 году численность этой социальной группы составила 18,2 млн. чел. (!)

Это социальное явление особенно показательно на фоне того обстоятельства, что численность занятых трудом в промышленности в 2002 г. составила 14,53 млн. чел. (21,324 млн. чел. в 1989 г.), а в сельском хозяйстве - 7,68 млн. чел. (10,1 млн. чел. в 1989 г.). Очевидно, что есть временная связь такой дисперсизации, разложения на «мелкие, личные частицы» коллективно организованного общественного труда с происшедшими в России социально-экономическими катаклизмами. Есть ли у этих явлений причинно-следственные связи и каковы их конкретные формы?

Не только теоретический, но и практический интерес вызывают

вопросы о последствиях возникновения этой, столь масштабной социальной группы в населении России. Для полного и точного понимания этих процессов и их последствий недостаточно данных статистических измерений. Не есть ли это форма выживания населения в условиях, когда оно оказалось массово лишённым средств существования? Такое было в 1990-е, продолжается и в 2000-е годы, когда заработная плата и пенсии не выдавались многие месяцы; когда многие предприятия не работали годами, но их работники не увольнялись.

Смертность населения в России в этот период была аномально высокой и несомненно связанной с социально-экономическими катаклизмами [12]. Не исключено, что доходы от личного подсобного хозяйства оказались одним из важнейших факторов для физиологического выживания населения, лишившегося других доходов. Не исключено, что это - один из факторов сохранения относительно спокойной социальной реакции в России на острейшие социальные ситуации. Можно предположить, что наличие этой социальной группы обеспечивает устойчивое (что естественно!) голосование мелких собственников за авторитарные политические режимы, обещающие устойчивость, стабильность и покой всем собственникам, а фактически обеспечивающие сверхконцентрацию финансового и экспортного капитала с извлечением гиперприбылей для его собственников.

Не исключено так же, что возникновение группы лиц с доходами от личного подсобного хозяйства - форма замедленного экономического и демографического вымирания населения, не предназначенного для жизни в «новом рыночном цивилизованном обществе». Ведь так проповедовали многие обществоведы в конце 1980-х и начале 1990-х годов, призывая «совков», проживающих в советской России, поблуждать сорок лет «в синайской пустыне», пока они, «совки», не вымрут?

При все же незначительном уменьшении численности сельских населенных мест за 1989 - 2002 г.г. менее чем на 1%, в их структуре и количестве произошли резкие изменения. Их общее количество сократилось почти на 7 тыс. и составило в конце 2002 года около 155 тыс. Из них около 13 тыс. сёл «пусты», «необитаемы». Около 34 тыс. сёл имеют население менее 10 чел, то есть в макроэкономическом отношении, в отношении развития социальной сферы - также «пусты».

В 1989 г. таких сёл было около 9 тыс. и 30 тыс. соответственно. Можно ли предполагать, что увеличение количества нежизнеспособ-

собных сёл означает оздоровление системы расселения? Можно ли полагать, что разрушение ранее существовавшей системы сельского расселения есть необходимость при приспособлении к «новому», «создаваемому» общественному устройству страны? Можно ли предположить, что столь резкое снижение количества сельских населенных мест может при сельского расселения и систему расселения в России в целом (или в отдельных её географических зонах) к некоему порогу прочности, за которым может последовать критическое ослабление освоенности огромных и без того слабозаселённых территорий? Можно ли исключить, что Россия развивается по некоему гипотетически предполагаемому «благоприятному» магистральному направлению развития человечества: с разрушением традиционного каркаса расселения и определенных пропорций между сельскими и городским населением; мелкими, средними и крупными поселениями; со смещением мест проживания преобладающе большей массы населения из ландшафтов, в основном природных, в ландшафты, в основном искусственные, антропогенные, городские? Или эта трансформация разрушает связи этносов с природой, с окружающей средой, разрушает связи человека с биосферой?

Или в этом феномене, если учесть не только стратегические, философические дали, проявилось реальное обеднение, обнищание деревни, её обезлюживание, которое уже состоялось и только не успело исчерпывающе полно отразиться в общих статистических показателях? А связано оно, в частности, с тем, что требующее особого внимания к себе «северное» сельское хозяйство России было без подготовки вброшено в мировой сельскохозяйственный рынок и было раздавлено наиболее устойчивыми и конкурентоспособными его секторами, сложившимися в других странах?

Необходимо иметь в виду также, что сельское население не просто арифметически вычитается из малых сел и прибавляется в крупные села и - далее - в города. Оно не в равномерном социально-демографическом составе перераспределяется в пространстве. В соответствии с общими тенденциями миграционных процессов (как минимум, в период индустриализационного развития), в таких переселениях в большей степени принимает участие население трудоспособного возраста, социально и экономически наиболее активное, психологически более склонное к переменам, более креативное [14]. При этом, в местах оттока остается в большей степени население нетрудоспособное или менее трудоспособное, социально и экономически менее активное, более консервативное, не имеющее или материальных средств, или физических сил, или психологической

решимости на смену не только места жительства, но и социального положения: то есть профессии, условий труда, социального окружения и т.п.

Эта общая тенденция, в сочетании с внезапно снизившимся уровнем жизни сельского населения в целом, несомненно, окажется фактором снижения его демографического, экономического, социального потенциала до уровня, когда конкретные «обезлюженные» сёла могут потерять возможность самовосстановления. Механизм «запустения» сёл может приобрести такую инерцию, что их возрождение окажется невозможным без дополнительных огромных усилий страны в целом. Реальны ли они?

Обратим внимание, что рост количества сельских поселений наблюдается только в трех группах сёл: без населения; с населением до 10 чел.; с населением 3001 чел. и более. Количество всех остальных групп сёл и численность населения в них сократились, нарушая тем самым некие ранее существовавшие параметры разнообразия, системности, пропорциональности и другие условия в системе сельского расселения и расселения в целом. Совсем не очевидно, что эти спонтанные изменения рациональны. Они нарушают не столько количественные, сколько социально-экономические и демографические пропорции в обществе. Способствуют ли эти нарушения развитию общества?

Не менее значительны изменения в городской системе расселения. При общем сокращении количества городских поселений за период 1989-2002 г.г. с 3230 до 2940 основное сокращение произошло в группе посёлков городского типа. Их количество уменьшилось на 351 посёлок, в то время как количество городов увеличилось на 61. При этом значительно, на 59, увеличилось количество только городов с численностью населения до 50 тыс. чел. Однако изменения количества городских поселений не отражают сложную динамику количественных и качественных характеристик механического и, тем более, - социального движения городского населения в России 1990-х годов.

Увеличение численности населения по Федеральным округам произошло только в Центральном и Южном округах. Снижение численности произошло в 66 субъектах Федерации. Увеличение - в 23-х. Механизмы увеличения численности - внутрироссийские межрегиональные миграции и миграции межгосударственные. Механизмы снижения численности - депопуляция и миграционный отток.

Но это - механизмы. Это фиксация процессов: население России

смещается с Севера и Востока на Запад и Юг. А в чем причины этих процессов? Россия реализует заявленное в начале 1990-х годов в качестве государственной политики, движение на Запад, в Европу?

Это - исторически обусловленное смещение ориентиров? Это - прекращение движения российского этноса на Север и Восток, продолжавшееся несколько столетий и обеспечивавшее хозяйственное и расселенческое освоение Россией Севера Евразийского континента? Российский этнос начинает смещаться на Восточно-Европейскую равнину, на её южную окраину, приближенную к Кавказу, Каспию, Черноморью? Это - не начало крупнейших этнических подвижек на Северо - Востоке Азии, в которые будут вовлечены все крупнейшие соседствующие с российским этносы? Или - это случайность, временный изгиб национальной судьбы? Государственные деятели, управляющие развитием страны в настоящее время, выступают с заявлениями о внимании России к природным ресурсам Севера и Дальнего Востока, о значении северных и восточных районов для России. В чем причина, что с таким пониманием государственная политика ведёт к уходу российского этноса с Севера и Востока?

Это вопросы не к методам проведения переписи населения и обработки её материалов. Это - важная и сложнейшая комплексная проблематика исторического характера, которая должна быть исследована отдельно.

Одна из важных особенностей изменений в городском населении России в 1990-е годы состоит в том, что рост количества городов и численности их населения произошёл в трех группах: с населением до 50 тыс. чел.; от 100 до 249,9 тыс. чел.; свыше 1 млн. чел. При этом, общее сокращение численности городского населения пришлось на поселки городского типа и группы городов с населением от 250 до 499,9 тыс. чел. и от 500 до 999,9 тыс. чел.

В этой количественно выраженной особенности, несомненно, отразилась сложная совокупность качественных общественных процессов, связанных с социальными, экономическими, национально-этническими, геополитическими, другими изменениями.

Известно, что система городского расселения есть присущая человечеству форма пространственно-материальной организации жизни общества, наполняемая социальным содержанием в соответствии с особенностями общественно-формационной, цивилизационной, культурной стадии его развития. Можно полагать, что, если сельская система расселения обеспечивает связь общества и природной среды, то городская система расселения обеспечивает не

только управление обществом в целом, но и его научный, технический, культурный прогресс. Естественно, что в периоды социально-экономических, цивилизационных и др. кризисов в городах сконцентрировано выражается и морально-этический кризис и разложение культуры. Естественно ожидать, что в городах наиболее полно представлено многообразие социальной структуры населения и противоречий его развития.

Количественные изменения в структуре городской системы расселения в России связаны с изменениями социально-экономической роли и отдельных типов городов, и конкретных городских поселений в изменяющейся сложнейшей конфигурации социально-экономических, геополитических, социокультурных сил реорганизующегося в конце XX - начале XXI в.в. российского общества. Поэтому вместе с количественными изменениями в распределении городского населения на «бескрайних просторах» России следует ожидать изменений в его социальных качествах. Разнообразие этих изменений обусловлено особенностями развития и функционирования конкретных городов.

Траектории развития городов в северных регионах России, в отличие от Южных, в определяющей степени зависят от участия в нем государства. Города и регионы с моноотраслевой экономической специализацией менее устойчивы в случае кризисов, поскольку не имеют структур дублирующих, уравновешивающих, обеспечивающих баланс сил. Такие города способны впадать в депрессионное состояние и даже разрушаться. Города и регионы с многоотраслевой структурой сферы экономической специализации - более устойчивы. Города, в которых сосредоточено характерное для России (конечно, не только для России) сочетание политически и экономически господствующих в обществе сил, - имеют значительно больше предпосылок для развития, по сравнению с городами, имеющими соизмеримые иные условия развития. Названный не полный перечень особенностей наиболее выразительно и, как правило, нерационально проявляется в обществах, где не действуют механизмы обеспечения рациональности общественного развития. Эта тенденция характерна и для федерального, и для регионального уровня власти.

Различающиеся хотя бы по одному из названных факторов развития города по-разному реагируют на кризисные ситуации, в особенности, когда государство устраняется от рационального регулирования развития экономики в общих для страны интересах.

Так, в г. Москва за период 1989-2002 г. численность населения

увеличилась на 16,7%, в г. Санкт-Петербурге - уменьшилась на 6,4% [21]. Оба города относятся по официальному статусу к субъектам Федерации. Неофициально - г. Санкт-Петербург также считается столицей России. Оба города считаются мирового значения центрами культуры. Оба до 1990 г. располагали значительным научным и промышленным потенциалом. Единственное существенное системообразующее различие - в г. Москва сконцентрированы более 80% финансового капитала России и авторитарная коррумпированная политическая власть [21]. Без специальных исследований можно только предполагать конкретные социальные механизмы, связывающие финансовый капитал и политическую власть, сконцентрированные с конкретным городе, с ростом численности населения этого города. Но общая связь между этими явлениями по мировой практике очевидна: гипертрофированная концентрация политической и финансовой власти ведет к гипертрофированной концентрации населения. Можно предположить также, что развитие группы городов с численностью населения до 50 тыс. чел. связано с тем, что это города районного звена, муниципальные центры, принимающие на первой стадии поток мигрантов из сельских местностей, обеспечивая им базу для жизнеустройства или последующих миграций.

Развитие же группы городов с населением от 100 до 249,9 тыс. чел. может быть связано с тем, что к этой группе относится большая часть центров субъектов Федерации. В этих городах за счет статуса и концентрации экономического потенциала в предыдущие периоды развития обеспечивается дополнительная устойчивость функционирующих в этих городах социально-экономических комплексов.

Оценивая в целом динамику развития городских поселений России за рассматриваемый период, можно выделить резко выраженную тенденцию к изменению пропорций в структуре расселения по размерным группам, в особенности на низшем иерархическом уровне. Свидетельствует ли это о проявлении кризисного, болезненного социально-экономического состояния общества? Или это естественная трансформации системы расселения, приспособляющейся под новую формирующуюся в России территориальную и социально-экономическую структуру общества? Адекватность ответа на эти и другие возникающие при анализе динамики системы расселения вопросы имеет важнейшее практическое значение. Создание, разрушение, реорганизация, трансформация системы расселения связаны не только с многочисленными и крупномас-

штабными пространственными перемещениями и социальными трансформациями всех социально-демографических групп населения. Эти процессы связаны с огромными материальными преобразованиями природных комплексов, вековыми затратами общественного труда на строительство производственных, жилых и общественных комплексов, транспортных магистралей, социальной и производственной инфраструктуры и т.п.

Какими будут эти изменения, пронизывающие всю жизнь страны от социально-экономического кризиса, через социальную структуру населения, через противоречия социальных и экономических движущих сил; через интересы господствующих в стране социальных групп; через структуру расселения, концентрированно выражающую развитие и размещение производительных сил, развитие наук и искусств, динамику демографического потенциала, этнические особенности, развитие национальной и формирование интернациональной культуры и псевдокультур и т.д., и т.п.?

Анализ затронутого выше пласта в динамике структуры сельского и городского населения по типам поселений показывает, сколь значительными могут быть эти изменения и с какими последствиями могут они быть связаны. Исследования этого спектра проблематики современного развития России средствами не только социального и экономического анализа, но и методами градостроительной науки, социальной и экономической географии, районной планировки, представляются чрезвычайно актуальными. Если нашей стране не жалко населения, которое спонтанно перемещается по стране, вымирает, растрчивает силы и способности все в большей степени не на производство, науки и искусства, а на попытки выжить или пробиться в высшие слои «общества»; если нашей стране сейчас наиболее важно извлечение и распределение сверхприбылей и не очень важна экономическая, социальная, моральная обоснованность и рациональность методов их извлечения и распределения, то и в этом случае для «элиты российской» важно знать, по каким направлениям будут распределяться потоки общественно-го труда при очень затратной трансформации системы расселения в стране, не для того, чтобы повысить их рациональность, а для того, хотя бы, чтобы использовать и эти потоки для получения сверхприбылей.

* * *

В этой статье не рассматриваются связанные с трансформациями социальной структуры населения России за период 1990-х - начала 2000-х годов проблемы, обозначенные в материалах переписей

населения, названные в научной и общественно-политической литературе. Такова статистическая фиксация в социальной структуре населения России около 2,7 млн. чел. лиц без гражданства, не указавших гражданства, с двойным гражданством и граждан других стран. По многочисленным частным оценкам эта группа намного более многочисленна (беженцы, нелегальные мигранты и т.п.), представлена экономически активным населением и играет значительную роль на рынке труда. Таковы реально существующие около 15 лет группы населения, с неопределённым социальным статусом, статистически обозначенные как работники по найму, занятые (официально!) в общественном труде, не получающие оплату за труд, но не рабы [5]. Такова социальная прослойка лиц, официально не занятых в общественном труде, официально не имеющих доходов, но имеющих и активно приобретающих значительную по стоимости собственность. Полагают, что эта группа лиц связана с так называемыми «теневыми доходами», по объёму сопоставимыми со «светлыми доходами», официально фиксируемыми. В таком случае, эта социальная группа играет значительную реальную роль в экономической и социальной жизни страны, занимает важное место в социальной структуре населения [2]. Насколько устойчива эта группа? Едина ли она? Проявляет ли она свои групповые интересы формализованно, открыто, разрозненно, скрыто и т.п.?

Каковы исторические перспективы этой группы, может ли она управлять развитием страны? Каковы исторические перспективы страны, управляемой такой социальной группой?

Одна из наиболее обсуждаемых в России в рассматриваемый период тем, имеющих важнейшее для страны социальное, экономическое и политическое значение - противопоставление региональных и федеральных «элит», региональной и федеральной «власти», региональных и федеральных «интересов» [4]. Корни этой темы - в исторически длительной объективно обусловленной проблеме сочетания централизма и регионализма в политическом и экономическом управлении Россией. Могла ли эта проблема не найти отражения в социальной структуре населения России, объединившей около полутора сотен наций, народов, национальностей на территории в 17 млн. квадратных километров с огромным разнообразием природных условий, освоенности, традиций, уровней социального развития? Если в социальной структуре населения эта проблема проявилась, то как это явление обнаружить, измерить, оценить, отличить от других?

Библиография:

1. Абрамов, Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) // Социс. -2005. - №1. - С. 54-66.
2. Алферов, В.М. Неформальная экономика» в современном капиталистическом обществе // Социологические исследования. - 1983. - №1. - С. 72-74.
3. Беленький, В.Х. Рабочий класс, как объект социологического анализа // СОЦИС. – 2003. -№1. - С. 29-36.
4. Вятр, Е. Местные элиты и демократические перемены (Польша, 1990-2002 г.г.) // Социа. - 2005. - №2. - С. 14-22.
5. Торшков, М.К., Тихонова. Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // СОЦИС. – 2004. -№3. - С. 16-21.
6. Гофман, А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социс. – 2005. - №1. - С. 18-27.
7. Демиденко, Э.С. Перспективы образования в меняющемся мире / Социс. – 2005. -№2. - С. 80-87.
8. Демографический ежегодник. 1990: Госкомстат СССР. - М.: Финансы и статистика, 1990. - 639 с.
9. Зиновьев, А.А. Запад. - М.: Центрполиграф, 2000. - 509 с. - С. 156-157.
10. Коптюг, В.А., Матросов, В.М., Левашов, В.К., Демянко Ю.Г., Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. – Владивосток: Дальнаука, 1997. - 84 с.
11. Ленин, В.И. ПСС, 5 изд., т. 39. - С. 15.
12. Львов, Д.С. Концепция управления национальным имуществом // Экономическая наука современной России, Экспресс-выпуск. - 2002. - №2(9). - С. 5-24.
13. Максимов, Б.И. Рабочий класс, социология, статистика // СОЦИС. – 2003. -№1. - С. 47-45.
14. Моисеев, Р.С. К вопросу о закономерностях механического движения населения в районы новых освоения // Проблемы формирования и размещения населения на Дальнем Востоке. Владивосток. ДВНЦ АН СССР, 1978 г. – 144 с.
15. Моисеев, Р.С. Некоторые вопросы управления развитием Севера России в конце XX века. - Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. - 110 с.
16. Народное хозяйство РСФСР в 1984 г.: Стат. Ежегодник ЦСУ РСФСР. - М.: Финансы и статистика, 1985. - 407 с.
17. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Статистический еже-

годник / Госкомстат СССР. - М: Финансы и статистика, 1991. - 752 с.

18. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социс. – 2005. - №1. - С. 5-18.

19. Российская газета Малые города пошли в рост. - 11 июня 2003.

20. Российская газета 25 апреля 2003.

21. Российская газета Россия смещается к югу. - 08 мая 2003.

22. Российская газета Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (сокращенный вариант). - 31 марта 2004.

23. Российская газета Нас посчитали. Внимательно. - 04 января 2003.

24. Российская газета Сенсация переписи номер один: мы не знаем, где живет население. - 23 октября 2002.

25. Россия в цифрах. 2004: Крат. стат. сб. Федеральная служба государственной статистики. - М., 2004. - 431 с.

26. Руткевич, М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социс. – 2004. – №12. - С. 41-46.

27. Онокой, Л.С. Россия на пути интеграции в общеевропейскую систему образования // СОЦИС. – 2004. - №2. - С. 80-85.

28. Социальная стратификация российского общества. М., 2003. - 365 с.

29. Степанова, О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // СОЦИС. – 2003. - №1. - С. 46-52.

30. Тихонова, Н.Е. Особенности дифференциации и самооценки статуса в полярных слоях населения // СОЦИС. – 2004. - №3. - С. 22-29.

31. Шабанова, М.А. Посткоммунистический трансформационный процесс в России: «механическая» перспектива анализа // СОЦИС. – 2004. - №1. - С. 142-151.

32. Широкова, Г.С. Социально-правовые аспекты аграрных преобразований в новой России // Социс. – 2005. - №1. - С. 82-91.

Вестник КРАУНЦ. - Гуманитарные науки. - 2005. - №1.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ РОССИИ

Осенью 2002 года в Государственной Думе РФ публично обсуждались вопросы о необходимости и содержании национальной идеи России. Один из главных деятелей Союза Правых Сил (СПС) сформулировал свои представления так: каждой девушке дать

крепкого мужика, пусть рождает и живёт в здоровой семье. Это, мол, национальная идея России и есть.

Шутка? Слишком легкомысленно для публичного заявления. Так можно шутить с единомышленниками на кухне. Продуманный гротеск? Попытка внедрить мнение, что обсуждаемых вопросов нет и быть не может? Слишком неосторожная демонстрация национального и государственного нигилизма в качестве партийной политики. Слабая теоретическая подготовка? Странно для лица, представляющего политическую партию на очень высокой публичной площадке.

Автор этой идеи обращался за поддержкой к молодежи. Пусть не очень массовую и с оговорками – поддержку нашёл. Утешило ли это автора? А охваченных его заботой девушек? А нацию?

Понятно, что мечта, предложенная девушке, по характеру является мечтой её личной. После свадьбы мечта может стать семейной, на двоих. Национальная идея, не исключая мечту каждого, наверное должна выражать задачу для всех; задачу, которая объединяет всех: девушек и не девушек, крепких и не крепких мужиков, живущих сейчас, уже умерших и ещё не родившихся; определять действия всей нации в историческом, а не личном масштабе времени. Такие национальные идеи в более или менее конкретизированной форме известны у многих стран и народов. «Дранг нах остен». «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес». «Правь, Британия, морями». «Солнце не заходит над нашей империей». «Неси веру неверным». «Америка для американцев». «Четвертому Риму не бывать». «Он, конечно, прохвост, но он – наш прохвост». «Мы защитим наши интересы во всем мире, где бы их ни нарушили». «Долой русских оккупантов из Прибалтики». «Принесём свободу миру». «Братья-славяне». «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». «Чтобы не было войны». «Победа любой ценой». И т.д.

На том обсуждении предлагались и другие варианты национальной идеи России: социальная справедливость; православие; права и свободы человека; жизнь хорошая, как в Европе; сильная армия; подметание своего двора. Поисками национальной идеи новой страны, России, созданной в начале 1990-х годов из части распавшегося СССР, россияне на общественных началах и по поручению Президента Российской Федерации занимались все 1990-е годы: «Ключевой вопрос сегодня: куда идет Россия? Россия и сама ещё этого не знает» [62]. Материалы выступлений на эту тему можно найти на страницах газет, журналов, книг [например, 1-64]. Мнения разделялись или совпадали по линиям, известным, как минимум, с

XVI века. Является ли Россия европейской или азиатской страной. Правы западники или славянофилы. Реально или придумано явление Евразия, и какова его роль в судьбе России. Был ли СССР преемником Российской империи по каким-либо исторически устойчивым государственным параметрам, и будет ли новая Россия преемственно соблюдать эти параметры. Действительно ли «география – это судьба нации», или в XXI веке судьбы наций будут определять общечеловеческие ценности.

Парадокс - после десятилетних дискуссий, в декабре 2002 года достаточно сведущим человеком, одним из организаторов этих дискуссий, было замечено: «Поразительно, но до сих пор в нашей стране нет ни одного текста, ни короткого, ни длинного, ни закона, ни учебника – никакого, заглянув в который, можно узнать, что хочет Россия» [53]. Не пытаясь опровергнуть это категоричное утверждение, отметим, что в дискуссиях, при всей их разносторонности, выработаны, как минимум, два, правда, не новых убеждения (1). «Нужна какая-то общемобилизующая высокая национальная идея», но что в качестве таковой не может расцениваться призыв президента стать «независимой, конкурентоспособной страной», потому, (2) что «это прагматика, практические задачи. Они не вдохновляют. Вся беда в том, что её нельзя придумать» [61; см. также 35, 59, 63]. Национальную идею нельзя сконструировать, изобрести и внушить, навязав её массам; надолго объединить вокруг неё «весь народ». Национальную идею, неосознанно выработавшуюся в народе как обобщение, как равнодействующую многих частных групповых и личных устремлений, можно только почувствовать, понять и выразить, точно или неточно. В зависимости от точности или неточности, народ согласится с ней и примет её уже осознанно или не согласится и не примет.

Главное затруднение при рассмотрении многочисленных предлагаемых национальных идей состоит в том, что практическим путем сопоставить и оценить народные реакции на них не удастся, или удастся не скоро. Население в массе своей об этих предложениях не знает, а изредка случайно услышав, - не понимает содержания многих из них, выраженных, как правило, излишне абстрактно. К таковым относятся обоснуемые сложными построениями идеи внедрения «либеральных ценностей» [70, 88], «общечеловеческих идеалов», «пяти либеральных стратегических приоритетов» [75], «вхождения в круг цивилизованных народов», «верности курсу реформ» [40], создания «Восточнославянской империи» [42, 44] и т.п. Также непонятны и совершенно конкретные идеи деления страны

на губернии и подметания улиц. Ибо, поделив страну на губернии и подмета улицы, нация может спросить: «А что делать дальше?»

Если полагать, что «национальная идея – совокупность концепций, определяющих роль и место того или иного народа в мире и мировой истории» [64], а «концепция – система взглядов по тому или иному вопросу, явлению, его пониманию и толкованию» [64], то выбор общенационально приемлемой национальной идеи из множества субъективно заманчивых, неизбежно субъективных систем взглядов неизбежно окажется невозможным: субъективные системы взглядов при таком подходе оцениваются в субъективной системе критериев.

Основная причина неудачи современных поисков национальной идеи России носит методологический характер. Поиски, выбор, разработка таких идей осознанно или неосознанно ориентировались на субъект поиска, на автора идеи, на субъективные критерии, избираемые отдельными авторами, в зависимости от личных и групповых интересов, количества и качества познаний, профессиональной подготовки, рода занятий и др. Выработанные по таким критериям идеи примеряются к «народу» в надежде на случайное совпадение. Только этим обстоятельством можно объяснить столь широкое разнообразие предложений: от индивидуальной мечты девушки, выраженной мужчиной достаточно зрелого возраста, до требования возродить великую державу и сильную армию, выраженного школьницей из старших классов средней школы.

Национальную идею мы понимаем как явление именно национальное, высокого уровня обобщения, присущее отдельному народу, нации, этносу как целостности; движущее его развитие долговременно в историческом масштабе времени; интегрирующее всё многообразие менее общих проявлений, связанных с отдельными компонентами, составляющими народ, нацию, этнос. Она должна соответствовать общим закономерностям развития человечества: биологическим, экологическим, этнологическим, общественным, экономическим, психологическим и т.п. Поэтому национальную идею есть основания считать явлением объективным. Содержание её зависит от факторов объективных, определяется по критериям объективным. Субъективна только форма выражения национальной идеи.

Объективные факторы формирования «национальной идеи», «национальной безопасности» и др. назывались в литературе неоднократно. Только в период дискуссий 1990-х годов среди таких факторов были названы «архетипы, составляющие культурный и

психологический тип народа»; «народ, территория, образ жизни»; «стабильные факторы пространственно-географического положения страны, размещения государства (континентальное, островное или прибрежное), размеры его территории, господствующий тип коммуникаций (морской или сухопутный), преобладающие ландшафты и тому подобные параметры»; «геополитическое положение, запасы природных ресурсов, размеры занимаемой территории, экологический потенциал, население» [17,18,21].

В эмоциональных обобщениях анализа развития этих факторов для России начала и конца XX века можно встретить сходные положения. Одно: «Огромная Россия, составляющая шестую часть света, осталась «ничьей». Пока её не поделят или не отдадут одному из романо-германских зверей, мировую войну нельзя считать законченной. В этом и состоит сущность «русской проблемы» для романо-германцев... Россия есть территория, на которой производится то-то и то-то, в которой имеются такие-то ископаемые.. Что на этой территории есть население – это не важно: им займются этнографы; для политики интересна главным образом территория, а туземное население – лишь в качестве рабочей силы» [55]. Другое: «В конце XX века русские оказались в положении индейцев, земли которых «осваиваются» цивилизованными народами, на вооружении которых прежде всего свои ценности агрессивного протестантизма» [42].

Называют и другие факторы, которые в применении к одному человеку могут расцениваться как субъективные, в применении же к народу в целом они рассматриваются как объективные. Таковы: «духовность, любовь к Родине, к своему народу, его традициям, устоям; приверженность сильному государству и его интересам; вера в бессмертие духа и Божья Благодать (у атеистов – совесть); социальная справедливость, участие в судьбе ближнего, сострадание» [42]; «ищите русскость русского... в духовности человека»[48]; «идеология – это кристаллизованная психология народа» [61]; «национальное чувство народа, решившего доказать, ... что... дух может»; «национальная гордость, национальное самолюбие создает тот идейно-психологический плацдарм» [42]; «Русская печать и общество, не стой у них поперёк горла правительство, разорвали бы на клоки Россию и раздали бы эти клоки соседям, даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы» [44]; способность «русского народа вновь стать субъектом мировой истории»; «главная задача врагов России – убедить русский народ, что никаких внешних врагов у него нет, что он сам себе главный враг» [17].

Опираясь на объективный подход, можно достаточно достоверно установить, что предложение считать национальной идеей желание отдельной девушки или многих девушек «выйти замуж и родить ребенка» - если считать это предложение серьезным, - отражает не только идею субъективную, индивидуальную, личную. Эта «личная идея» восходит к биологическим закономерностям, к «идеям» организменного, популяционного, видового развития, к «идеям» продолжения рода, вида, жизни вообще. Эта «идея» присуща всем народам и, более того, всему живому, всем животным, растениям, микроорганизмам. Поэтому она является идеей не только объективно обусловленной, но присущей всем народам и, следовательно, - в целом не национальной. Она может стать специфичной национальной идеей только у нации, объективно не вырождающейся, но испытывающей временные, объективно не обусловленные депопуляционные процессы; у этноса, который сохранил энергию развития, но испытывает период, связанный с временными, преодолимыми обстоятельствами. И проявляться эта идея может не в мечтах, а в многолетних семьях, в высокой рождаемости. Но если такая энергия не сохранилась, то девушки продолжают мечтать о «мужиках» и «детях», однако их индивидуальные мечты не интегрируются в рождаемость, достаточную для преодоления депопуляционных проявлений, не преобразуются в национальную идею «сохранения нации». Мечты отдельных девушек сохраняются, но нация деградирует, или перейдет в гомеостатическое состояние, или исчезнет, как исчезли в истории человечества многие народы, в составе которых, конечно, были и мечтавшие о крепких мужиках девушки [16, 17]. Дело не в том, что у этих народов не нашлось политика из СПС, предложившего девушкам найти мужика и рожать детей. Дело в том, что в процессе этногенеза исчезли объективные условия для сохранения нации - условия природного, то есть биологического, популяционного, географического, психо-физиологического и т.п., а также общественного, т.е. формационного, цивилизационного, экономического, социального, политического и т.п. - характера.

Можно не говорить о научной некорректности, но со стороны представителя политической партии, воспевающей права человека, нечестно не предупредить молоденьких девушек, что он пошутил. Более или менее невинные девичьи мечты не имеют и иметь не могут прямой и определяющей связи с национальной идеей. Честно было бы сказать, что на заседании Политсовета СПС ожидается озвучить другое решение демографической проблемы России. Названа эта проблема фундаментально: «проблема сохранения нации

и сохранения российского общества как неординарной, если так можно выразиться, популяции, живущей на гигантской территории и хранящей в себе самые высокие потенциалы» [47]. Но решать эту проблему предлагается совсем не путем повышения рождаемости усилиями мечтательных, но ответственных девушек, а путем увеличения «темпов миграции населения и её легализации из стран бывшего Советского Союза и из Китая в Россию» [47]. Воспримут ли россияне это предложение как «национальную идею»?

«Национальная» или «национальные идеи» России связаны с объективными внешними и внутренними условиями её развития, имеют длительный исторический характер, не могут не проследиваться длительное время и существовать вне связи с устойчивыми природными и общественными факторами. Среди таких факторов можно выделить следующие, на которые, как показано выше, обращали внимание в разное время исследователи, занимающие разные политические позиции [например 1,4,6,7,17,18,45,54,59,60].

Россия занимает географическую пространственную зону на севере Евразийского материка, включая побережье Северного Ледовитого и северо-западной части Тихого океанов. Этим обусловлены две важных группы обстоятельств, назовем их внутренними и внешними.

Первые определяются тем, что основная важная для жизни климатическая характеристика этой географической зоны состоит в том, что среднегодовая температура здесь, за исключением крайней южной части России, ниже 0⁰С. С этим связаны определяющие существование российского этноса условия проживания и хозяйственной деятельности, существенно усложненные по сравнению с более южными и западными районами Евразийского материка. Отсюда – большая потребность в материальных и энергетических ресурсах. Но отсюда же – меньшая плотность размещения на территории биологических природных ресурсов, обеспечивавших развитие общества в преиндустриальный период. С этим связана необходимость в большей по площади территории для ресурсного обеспечения потребностей количественно и качественно развивающегося этноса (суперэтноса) и создаваемого им государства.

Быстрое этническое развитие России в XVI – XVII вв. было поэтому связано с крупномасштабным территориальным распространением на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток. С 430 тыс.кв. км в 1432г. площадь её территории увеличилась до около 2800 в 1533г. и около 5400 – к началу 17в. [8,19]. Это движение – не единственное в мире. Оно типично для всех развивавшихся наций, этносов того

времени, которые обеспечивали своё развитие природными ресурсами за счет расширения территории обитания. Они ассимилировали, включали в свой состав или истребляли народы, проживавшие на присоединяемых территориях. Это было «национальной идеей» того времени для Испании, Португалии, Англии, Голландии, Франции.

Особенность расширения зоны обитания становящегося многонациональным российского суперэтноса состояла в том, что природоресурсное обеспечение его существования в лесостепных, таёжных, лесотундровых, тундровых, северных горных ландшафтах требовало большей по площади территории. Все современные государства с численностью населения, большей чем российское (Китай, Индия, США, Индонезия, Бразилия, Пакистан), расположены в более близких к экватору зонах со значительно большей среднегодовой биопродуктивностью на единицу площади и занимают значительно меньшие территории.

Занятая Россией территория и её природно-ресурсный потенциал являлись главнейшим внешним природным лимитирующим фактором развития российского суперэтноса. Сохранение этой территории и природных ресурсов – одна из основных объективных составляющих многовековой российской национальной идеи. Удержание этой территории, при большой протяженности морских границ требовало большой армии, сильного флота, статуса и возможностей «великой державы», определенного места в иерархии стран, составляющих мировое сообщество.

Изменились ли эти обстоятельства, когда российский этнос перешёл в индустриальную и имеет возможность перейти в постиндустриальную стадии общественного развития? Начавшееся в конце XIX в. и ставшее в XX в. крупномасштабным промышленное освоение Севера, Сибири и Дальнего Востока в рамках специальных государственных программ СССР радикально изменило тип природопользования в этих районах. Большие ресурсы, вложенные в геологические изыскания, позволили выявить новые виды природных ресурсов, радикально изменивших объем и структуру природно-ресурсного потенциала страны. Мирового значения топливно-энергетические и минерально-сырьевые природные ресурсы, разведанные в районах, слабо заселенных, становятся особенно дефицитными в условиях прогнозируемого в обозримой перспективе мирового природно-ресурсного кризиса. В начале XXI века Россия сохраняет сырьедобывающую экономическую специализацию в мировом сообществе, разрушив отрасли производства, на базе ко-

торых начинала строить экономику постиндустриального типа с наукоёмкой высокотехнологической специализацией [20,25,43]. В этой ситуации сохранение территории и акваторий с высоким природно-ресурсным, не только биологическим, потенциалом остается главным необходимым фактором развития российского суперэтноса, главной составляющей «национальной идеи России», модифицированной в соответствии с «природно-ресурсной и экологической» составляющей характерной для начала XXI века глобальной, общечеловеческой, международной идеи «устойчивого развития». Россия, российский этнос должны не только сохранять территорию с её совокупным природно-ресурсным потенциалом, но и безотлагательно перейти от природопользования, основанного на безоглядном изъятии природных ресурсов – в особенности ресурсов невозобновимых и самовозобновляющихся за долгое время, - к природопользованию рациональному, природо- и ресурсосберегающему, сбалансированному по времени, видам, технологиям, приоритетам, экологичности, общегосударственной и региональной экономической и социальной эффективности. В геополитических и геоэкономических реалиях начала XXI века сохранить этот фактор, не имея возможностей великой державы, не имея сильных армии и флота, невозможно. Территория России как средоточие становящихся все более дефицитными в мире природных ресурсов постепенно и неизбежно становится объектом всё более острых экономических и политических интересов близко и отдаленно расположенных государств. Без армии, флота и пограничных войск в не столь отдаленной перспективе пользоваться природными ресурсами Севера, Сибири, Дальнего Востока и прилегающего шельфа и морских акваторий российский суперэтнос будет всё в меньшей степени. А учитывая слабую заселенность этих территорий, реальной становится возможность и политической утраты этих территорий.

Отсутствие сильного флота не позволяет рассчитывать на заметное самостоятельное участие в освоении Мирового океана. С древних времен известно понятие «талассократия»: ведущее место в геополитическом пространстве занимают страны, имеющие и активно использующие морское побережье с хорошими навигационными условиями. Этот фактор был движущим в известном стремлении российского государства в XVI-XVIII вв. выйти к Черному и Балтийскому морям. Значение этого фактора не изменилось и в геополитических реалиях XXI века. «Россия... не может существовать как второстепенная держава. Россия или будет существовать как великая держава в биполярном или мультиполярном мире, или

сойдет с исторической арены как самостоятельное государство» [17]. «России нельзя не быть великой» [34].

Однако, сами по себе армия, флот, великодержавность не могут быть «национальной идеей», поскольку высокие, иногда огромные, а поэтому как бы излишние затраты общественного труда на их создание и содержание допускаются нацией только в случае, когда известен ответ на вопрос «зачем?» Ответ на этот вопрос и может рассматриваться как одна из главных составляющих национальной идеи: сохранить и умножить природно-ресурсную базу развития российского суперэтноса, используя армию, флот и возможности великой державы в качестве средств для реализации этой идеи. Равным образом, не национальной идеей, а только средствами, методами её реализации в разных конкретно-исторических условиях являются автократия и демократия, рынок и повышенная роль государства в регулировании экономических процессов, либерализм при любом содержании, вкладываемом в это понятие, и т.п.

Именно рассуждениями о возможности удержания территории сопровождалась, например, подготовка важного для России середины XIX в. вопроса – уходить ли из Северной Америки? «Должно убедиться в мысли, что Северо-Американские штаты неминуемо распространятся по всей Северной Америке, и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши. Нельзя было, однако, при этом сообщении не иметь в виду и другого: что весьма натурально и России если не владеть всей восточной Азией, то господствовать на всем азиатском побережии Восточного океана» (из записки генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьева-Амурского Николаю I) [9].

Еще одно обстоятельство, связанное с огромной территорией, занимаемой Россией, состоит в том, что на ней за счет объединения с государствообразующей нацией проживающих здесь народов исторически сложилось огромное национально-этническое разнообразие населения, составляющего российский суперэтнос. Целостное развитие последнего возможно только при условии, что его не будут разрушать изнутри межнациональные конфликты. С такой проблемой сталкиваются, и не всегда рационально её решают все многонациональные (хотя и разнотипные) государства, в том числе существующие в настоящее время Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Филиппины, США, Афганистан. Не исключение и такие европейские государства, как Англия, Испания, бывшая Югославия, разрушенная межнациональными войнами, подогреваемыми из-

вне. Твердое проведение политики межнационального относительного равновесия, предваряющего гашения возможных конфликтов; вовлечения всех наций в развитие суперэтнуса; недопущения попыток межнациональных раздоров в острых формах и т.п., - этот образ исторически устойчивого поведения является необходимым объективным условием существования и развития многонационального российского суперэтнуса, занимающего с низкой плотностью населения огромную территорию. Недопущение общественных явлений, которые могут перерасти в межрегиональные конфликты национального (и не только национального) характера, а в конечном счете, привести к территориальному распаду страны – объективно необходимая составляющая часть российской «национальной идеи». Без такой «идеи» Россия не может не только развиваться, но и сохраниться как страна. «Национальным субстратом того государства, которое прежде называли Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонациональная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом», - так рассматривал этот вопрос отнюдь не друг СССР в 1920-е годы [54].

Рациональное, гибкое, меняющееся в соответствии с конкретно-историческими условиями, учитывающее национальные факторы сочетание централизма и регионализма – исторически непреходящая потребность России. Острейшее кризисное состояние во время Великой Отечественной войны СССР пережил в частности потому, что не была нарушена «национальная компонента» «национальной идеи», не было допущено разрастание в крупные масштабы межнациональных конфликтов, на разжигание которых были направлены внешние субъективные воздействия.

Стоило этой компоненте «национальной идеи» России оказаться разрушенной в течение 1917 года, а также во второй половине 1980-х годов, как страна – в первом случае Российская империя, а во втором случае СССР – была раздроблена и разрушена по национальным и региональным границам. Причины разрушения были не только объективными, содержащимися потенциально в самих фактах многонационального состава населения и взрывного характера социально-экономических кризисов. Были причины и субъективного характера, обусловленные в частности сознательным использованием межнациональных трений во внутривнутриполитической (чаще политиканской) и внешнеполитической борьбе. После 1917-1922 годов страна и этнос восстановились в формах СССР и «советского

народа». После 1980-х годов страна и этнос разрушились на части. Не каждая из этих частей смогла за более чем 10 лет организовать в самостоятельно и эффективно развивающуюся страну и национальную, этническую общность [10,11,21,22,28,29,33,36,41,58].

В современной России до начала XXI века не выработаны рациональные соотношения централизма и регионализма, в том числе с учетом межнациональных отношений; не построена эффективная система федеративных отношений. Вследствие этого нельзя не учитывать повышенную опасность межнациональных конфликтов для вновь формирующегося, остающегося (в несколько другой структуре) многонациональным российского суперэтноса и вновь создающейся страны России. Недаром при образовании этой «новой России» в 1990-е годы одобрительно использовалась известная идеология «старой России», «Российской империи»: «Русь единая и неделимая», - выражавшая «национальную компоненту» «национальной идеи» в форме, присущей абсолютной монархии.

Вторая группа обстоятельств носит внешний характер и обусловлена взаимодействиями России в системе организующихся в государства и межгосударственные сочетания народов, наций, этносов и суперэтносов, окружающих российский суперэтнос и занимаемую им территорию, а также в затрагивающих развитие России комбинациях геополитических интересов. Так, только в начальной фазе этногенеза, с 1228г. по 1462г., на формирующуюся Северную Русь было 160 внешних нашествий [23]. С XIIIв. до XXI в. Россия в разных комбинациях и формах непосредственно контактировала с Германией (Ливонией, Пруссией и т.д.), Австро-Венгрией, Польшей (Великое Королевство Польское, Польско-Литовская уния и т.д.), Швецией, Францией, Англией - на Западе; с Золотой Ордой, Крымским ханством, Турцией, Персией, Афганистаном, среднеазиатскими государствами – на Юге; Китаем, Японией, США – на Востоке. Этот перечень не исчерпывает историю и участников межгосударственных и межэтнических контактов России, но точно характеризует важную особенность её развития, на Земном шаре присущую только ей. Россия занимает в географическом, политическом, экономическом пространстве Земного Шара своеобразное, не сразу сформировавшееся положение, определяемое часто как «евразийство»; положение между крупнейшими геополитическими сферами; положение, связывающее или разделяющее, в зависимости от исторических обстоятельств, «Запад», «Юг» и «Восток» на материке Евразия. Такую объективную особенность России одни теоретики учитывают как определяющую, характеризуя, например, следую-

щим образом: «Эту нацию мы называем евразийской, её территории – Евразией, её национализм – евразийством» [54]. Другие не считают эту особенность определяюще важной и утверждают, например, что: «Особость» России не в том, что она является неким таинственным смешением Европы и Азии и не в том, что она исполняет историческую роль то «моста», то «барьера» между двумя цивилизациями. Напротив, уникальные национальные качества России – главным образом продукт её развития как европейской нации и государства, безопасность которого подвергалась особым угрозам. Последние определяли её внутреннее экономическое и политическое устройство, общественную психологию и традиции, культуру и идеологию» [4]. Встречается и более категоричное утверждение, без «уникальных качеств»: «Россия является европейской страной в силу своей исторической судьбы, культурных традиций, географического положения. Её будущее неразрывно связано с Европой» [71; см. также 12,26].

Именно это объективно существующее положение России обусловило множественность конфликтов на пограничных территориях, разнохарактерных на разных стадиях этнического и формационного развития геополитических соседей и самой России. Так, только в XVII-м – I-й половине XX-го веков и только на Дальнем Востоке и в Восточной Европе происходили неоднократные территориальные переделы между Россией и Японией, Китаем, США в одном случае, и Польшей, Пруссией (Германией), Швецией, Австро-Венгрией, Турцией – в другом. Во второй половине XX-го и начале XXI веков конфликты в этих сферах приняли глобальный характер, вписываясь в общепланетарные процессы «глобализации»: экономического раздела мира в интересах экономически наиболее развитых и господствующих в мире стран [например, 2,5,6,24,27,28,30,31,32,46,49,52,56].

Участвуя на протяжении веков в конфликтах с приграничными государствами (неоднократно – не в своих интересах), Россия выработала принцип, выраженный в приписываемом Николаю I высказывании. Устно наставляя графа Н.Н.Муравьева при назначении на должность генерал-губернатора Восточной Сибири, он предупредил, чтобы пограничные вопросы с Китаем урегулировались без единого выстрела. В середине XIXв. Китай был слаб, побежден Англией в «опиумной» войне, и соблазн «урвать своё» военным путем был велик. Но Англия (впоследствии и Франция) могли позволить себе воевать с Китаем, отстаивая своё «право» продавать в Китае опиум, поскольку не имеют с ним границ. А Россия не может

допустить, чтобы в национальной памяти соседних народов сохранились воспоминания о вооруженных конфликтах: слишком много у России соседей, чтобы создавать среди них врагов. Может быть, Николай I так и не говорил: беседа была приватной, без стенографистов. Но её содержание точно выражает важный компонент русской «национальной идеи». Не плодить врагов на своих протяженных границах: слишком много у России соседей, слишком много противоречивого исторического багажа. Россия не может не соблюдать правило: мирно сосуществовать с соседями, но быть твердой в пограничных вопросах («Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим»). Россия не всегда соблюдала этот принцип, и, чаще всего, дорого платила за его несоблюдение.

Второе, что следует из геополитического положения России, - не позволять глубоко втягивать себя как значимую в мире геополитическую силу в конфликты между интересами других стран и группировок, не затрагивающие принципиальные Российские интересы. Не «таскать каштаны из огня» для других стран. Слишком глубоко втягиваясь в чужие конфликты, Россия может остаться в состоянии длительной вражды с одним или несколькими из их участников, когда первичный конфликт уже завершится. С этим связана и необходимость сдерживать соблазны нести отечественные стереотипы общественного устройства в соседние страны. Таких соблазнов России не удавалось избежать в XVIII, XIX, XX веках. Удастся ли избежать в XXI веке? Предложения уже высказаны: «Какой должна быть идеология для будущего? Проблему эту в общем виде можно сформулировать так: или мы интегрируемся в глобальное сообщество – или нас в него интегрируют помимо нашего желания и на условиях, к выработке которых нас не допустят» [32].

Рассматривая «национальные идеи» как объективно обусловленное явление, можно определить характерные взаимодействия природных, этнологических, социально-экономических факторов формирования таких идей.

Этнологические факторы, например, определяются не только особенностями взаимодействия этноса со вмещающим ландшафтом, но и фазой развития этноса, уровнем пассионарности, характером моральных императивов, формирующих массовое поведение населения [14,15,16]. В развитии российского суперэтноса на рубеже XX-XXI вв. отмечаются признаки демографического разрушения: низкая рождаемость, высокая смертность, депопуляция, повышенная суицидность и т.п. [57]. Это состояние может быть одной из критических точек этногенеза, обусловленных, в частности, соци-

ально-экономическим кризисом, ранее преодолевавшихся «неким общим устремлением», порывом большей части народа» [29]. Россия переживала такие ситуации в начале XVII и XIX вв., в начале и в середине XX в. Но в начале XXI в. это состояние может быть надломом, началом устойчивого спада в этногенезе, тем более, что в настоящее время население России в средствах массовой информации массировано идеологически обрабатывается императивами, характерными для стадии спада [37]. В этом случае мало оснований ожидать «общего устремления народа» к преодолению общенационального кризиса.

Опираясь на теории цивилизационного, формационного, социально-экономического развития, можно предположить, что под воздействием изменений демографических, экономических, технологических, экологических процессов в XXI в. не может не изменяться и характер этногенеза, то есть скорость, амплитуда, конкретные формы и т.п. Однако нет оснований полагать, что изменятся основные закономерности этногенеза, поскольку в их основе лежат фундаментальные законы, определяющие биологическую, психофизиологическую, физико-химическую сущность человечества как вида. Сохранится национальное и этническое разнообразие человечества. - одно из основных условий его сохранения как сложной системы. Сохранится общее направление этногенеза от подъема к обскурации. Сохранится и общая «социальная» компонента «национальной идеи», в особенности для этноса, которому необходим статус если и не великой, то перворазрядной державы. Эта компонента состоит в необходимости обеспечения экономического, социального, демографического, научно-технического, технологического развития: без торможений и, тем более, - без всегда болезненных разрушений. Следовательно, «национальная идея» российского этнического возрождения может возникнуть только на основе сохранившейся энергии этнического развития или за счет слияния с народом или народами, находящимися на ранних стадиях этногенеза. Вопрос: останется ли в этом случае новый этнос российским? Можно полагать, однако, что при любом, даже разрушительном сценарии развития российского супрэтноса сохранение (хотя бы частичное! Хотя бы путем переделов!) природно-ресурсного, производственного, социального потенциала останется необходимым условием, обеспечивающим устойчивое развитие, или смягчение распада, или базу для возрождения этноса в новом качестве. В какой степени может реализовываться «идея» сохранения ресурсного потенциала – зависит не только от конкретно-исторических объективных условий этноге-

нетического, геополитического, социально-экономического, культурного развития, но и от субъективных факторов, таких как слушающееся в России бездарное или эгоистически стяжательское правление.

Реализация «национальных идей» связана с постановкой «государственных идей». Распространённое смешение этих понятий не означает, что обозначаемые ими явления однородны. «Государственные идеи», явления субъективные, исторически часто и быстро меняющиеся, могут совпадать или не совпадать с «национальными идеями», явлениями объективными и меняющимися исторически редко и медленно. От этого зависит как жизнеспособность «государственных идей», так и торможение или ускорение реализации «идей национальных».

В середине XVIII века французский посол в России Шатарден сообщал во Францию, что российский царский двор занят обсуждением бредовых предложений о строительстве канала между реками Волгой и Доном, о стремлении в Среднюю Азию и т.п. Пока Россия занята фантазиями, Франция может не опасаться. Но в XIX и XX веках Россия реализовала эти идеи, в связи с чем есть основания предложить, что названные Шатарденом бредовыми, они были компонентами «национальной идеи» России, необходимыми элементами её развития.

Таким образом, есть основания полагать, что Россия как государственно организованный российский суперэтнос («россияне»), не может не только развиваться, но и сохраниться без объективно обусловленной «национальной идеи». Есть основания полагать, что «национальная идея» в России – явление многосложное, увязывающее территориальную, природно-ресурсную, национально-этническую, демографическую, геополитическую, социальную, экономическую проблематику. Сложность конструкции «национальной идеи» России позволяет предположить два обстоятельства. Устойчивость этноса, опирающегося в развитии на многокомпонентную «национальную идею», может быть повышенной. Повышенной может оказаться и хрупкость этноса, развитие которого может быть не только нарушено, а радикально изменено субъективным вторжением в реализацию одного или нескольких компонентов «национальной идеи». Примером является отмеченное выше легкомысленное подогревание властью взрывоопасного «национального вопроса» во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов, оказавшееся одним из основных факторов разрушения СССР.

Полный анализ субъективных факторов, влияющих на развитие

русского суперэтнуса и формируемого им в начале XXI века государства Россия, не входит в задачи этой статьи. Однако мы не можем хотя бы кратко не ознакомиться с набором «государственных идей», предложенных для управления развитием России в 2001-2002 гг. в форме программных целей готовящихся к выборам политических партий, демонстрирующих интересы объединяемых ими социальных групп [65-88]. Не все «государственные идеи» оформлены с расчетом на восприятие в качестве завершенной системы целей и задач, но для «идей» это не обязательно, понять «идеи» можно и по приводимым ниже цитатам.

«Свободный человек», «крепкая семья», «солидарное общество», «сильное и социально-ответственное государство» [67].

«Прочное, последовательно демократическое гражданское общество и подчинённое ему здоровое государство» [72].

«Полноценный рост экономики», «рост благосостояния россиян», «не быть пешкой в игре, которую ведёт одна сверхдержава», «стать частью Европы, но сегодня это не главная цель» [66].

«Человек и его права, интересы семьи, неприкосновенность собственности, интересы работодателя и товаропроизводителя, образование, терпимость и неприязнь экстремизма, нравственность, преемственность, прагматизм» [68].

«Человек, личная свобода и ответственность; семья, труд, дом; гражданское общество; сильное государство как гарант свободы, источник и защитник закона и морали; патриотизм, демократия, гуманизм, федерализм и ответственность на всех уровнях власти, неразрывная связь времен и традиций, закон и порядок, нравственность, здравый смысл, партнерство и согласие» [65].

«Сохранение территориальной целостности, федеративных основ государства как условие обеспечения национальной и духовной безопасности наших народов, возвращение к общенациональным ценностям, создание законодательной базы по национально-государственному строительству и межнациональным отношениям» [69].

«Демократическая, процветающая Россия; сильная страна, способная: сохранить свою целостность и единство; создать общедоступные системы образования и здравоохранения мирового уровня; сохранить и преумножить свою великую культуру; преодолеть глубокий демографический кризис; на равных конкурировать с ведущими странами мира; войти в качестве полноправного члена в Европейский союз и другие политические, экономические и оборонные европейские организации» [71].

«Возрождение России как государства русского народа и других коренных народов, издавна живущих на её территории, ... восстановление российской цивилизации в традиционных национальных и государственных формах, ... восстановление численности, генофонда, интеллектуального и духовного потенциала нашего народа» [73].

«Устойчивое развитие, перевод экономики и общественной жизни России в качественно новое состояние путём мобилизации интеллектуального потенциала российского народа» [86].

«Нужна национальная идея? Она у нас есть. В России есть природные ископаемые и территория, но этого недостаточно для взрывного развития страны и достойного благосостояния всех граждан. У нас есть главное богатство – интеллект. Мы знаем, как превратить его в массовый продукт, как воспользоваться новейшими научными открытиями, как соединить науку и жизнь» [87].

«Формирование в России гражданского общества, основанного на балансе личных свобод и гражданской ответственности и социальной справедливости; реформирование отечественной экономики, обеспечивающее создание в её составе эффективного социально ориентированного сектора, являющегося надёжным фундаментом для стабильного развития общества и государства, для финансово-экономической безопасности страны и благополучия её граждан, становления в стране правового, демократического, федеративного, социального государства, исполняющего не идеологические или корпоративные, а социальные требования» [83].

«Объединение всех граждан страны по созданию разумной экономики для повышения благосостояния всего народа, для создания политической системы на основе сложившихся исторических традиций и мирового опыта» [82].

Развитие «интеграционных процессов в России на всем постсоветском пространстве, становление на этой основе Евразийского Союза, центром которого станет экономически сильное, демократическое российское государство-гарант социального мира, международного согласия и безопасности» [79].

«Возвращение нашей страны на органичный для неё путь – в цивилизованное европейское общество» [78].

«Пять стратегических приоритетов России... Либерализация личности... Либерализация власти... Либерализация общества... Либерализация государственного устройства... Либерализация позиционирования России во внешнем мире... Глобализация как предельная форма либерализма... У России нет возможности выжить,

если она не станет либеральной, но если Россия станет либеральной, то она будет – САМАЯ» [75].

«Выживание всех народов мира в наступившем столетии во многом зависит от того, насколько широкое распространение получат либеральные ценности...»; «всемерно способствовать их развитию и укоренению в России» [88].

К этим «государственным идеям» можно добавить некоторые из ранее обнаруженных, сопровождающих такие идеологемы, как «державность», «духовность», «соборность», «коллективизм», «индивидуализм», «социальная справедливость», «устойчивое развитие», «экологизация» и др., что, как представляется, существенно не повлияет на главный вывод. С «национальной идеей» России (в том или другом, иногда в противоположных смыслах) связано очень небольшое количество «слоганов». Основная их масса не может быть соотнесена с категорией «идей» не только «национальных», но и современных «государственных». Их можно оценить, в лучшем случае, как тактические или кратковременные конъюнктурные социально-экономические цели, а в основном – как средства политиканские, то есть ориентированные на достижение исключительно одномоментного партийного или личного успеха.

В связи с этим, главной проблемой для населения России, участвующего в выборах власти и обращающего внимание на предлагаемые ему «государственные идеи», является выработка простых по форме и достаточных по содержанию критериев определения соответствия этих идей «идее национальной». При оценке же не предлагаемых «государственных идей», а реальных последствий применения этих идей к управлению развитием «наций», «народа», «этноса», организованного в страну, с точки зрения соответствия их «национальной идее», объектом и критериями оценки являются не слова, а практические результаты. Сокращение территории страны, устойчивый процесс сокращения численности населения, нерациональное использование природно-ресурсного потенциала, разрушение производств, связанных с передовыми, высокими технологиями, экономический спад, социальная деструкция, усиление межнациональных конфликтов, неопределенное поведение в международных, геополитических ситуациях, как последствия реализации «государственных идей», несомненно, не соответствуют долгосрочным интересам развития этноса как целого, не соответствуют его «национальной идее».

Настоящая статья не исчерпывает проблематику, связанную с существованием такого явления, как «национальная идея России».

Здесь обращено внимание на необходимость исходить при анализе и в практической деятельности прежде всего из объективного характера этого явления и его исторической длительности, обусловленной долговременными интересами «нации», «народа», «этноса», как целостности. Отмечена необходимость выработки надежной системы критериев для определения «национальной идеи», её структуры и динамики развития, её обусловленности множеством объективных разнохарактерных факторов. Отмечена важность дифференцированного и конкретно-исторического подхода к оценке динамично меняющихся условий реализации и формирования отдельных компонентов многосложной «национальной идеи». Обращено также внимание на необходимость соотнесения «государственных идей» с «идеями национальными», как одного их важных факторов предотвращения субъективно спровоцированных национальных, этнических, государственных кризисов и катастроф.

Библиография.

1. Абалкин, Л. Н., Данилевский, Я. О России, Европе и славянском единстве// Вопросы экономики №11 2002г., с.122-128.
2. Алексеев, В.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. Постановка проблемы// Вестник ДВО РАН № 3 1998, с.63-66.
3. Арбатов, А. Выбор без выбора//Независимая газета-сценарий № 4 1998.
4. Арбатов, А.Г. Национальная идея и национальная безопасность// МЭ и МО №5 1998 с.5-21.
5. Арин, О. Америка превыше всего. К вопросу о национальных интересах США//Независимая газета 30.01.1996.
6. Бабурин, С. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы М.1997 с.407-408.
7. Батурич, Ю., Доброчеев, О. Россия - связующее звено Евразии и мира//Независимая газета-сценарий №4 1998.
8. Болховитинов, Н.Н. Россия открывает Америку. 1732-1799-М: Международные отношения, 1991-304с.
9. Болховитинов, Н.Н. Русско-Американские отношения и продажа Аляски. 1834-1867, М.: Наука, 1999-368с.
10. Волянский, С., Калужный, Д. У нас нет лишней земли// Независимая газета-сценарий № 4 1998.
11. Васильцев, С., Обухов, С. Не рой яму другому. Вирус распада гуляет по планете//Советская Россия 18.11.1995.
12. Гайдар, Е.Т. Аномалии экономического роста, М.:Евразия, 1997.

13. Громыко, А.А. Геополитика сегодня и завтра//Независимая газета 19.09.1996.
14. Гумилев, Л.Н. География этноса в исторический период. Л.:Наука.1990 –279с.
15. Гумилев, Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории-М.: Рольф.2001-320с.
16. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли –М.: Рольф,2001-560с.
17. Жириновский, В.В. Прошлое, настоящее и будущее русской нации- М.: Издание ЛДПР- 1998, 88с.
18. Зюганов, Г.А. За горизонтом - М.:Информпечать 1995-150с.
19. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века-М.:Наука, 1989-375с.
20. Кара-Мурза, С.Г. Советские цивилизации. Книга первая. От начала до Великой Победы –М.:Изд-во ЭКСМО-Пресс,2002-640с.
21. Кара-Мурза, С.Г. Что происходит с Россией? Куда нас ведут? Куда нас приведут? М.:Былина, 1993-64с.
22. Кива, А. Какую Россию я знаю. И в какую верю. Российская газета 24.10.1996.
23. Ключевский, В.О. Курс русской истории//Ключевский В.О. соч.т.2-М.: 1988.
24. Кондрашов, С. Развернуться лицом к Востоку призывает Россию японский посол// Известия 24.01.1997.
25. Коптюг, В.А., Матросов, В.М., Левашов, В.К., Демянко, Ю.Г. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии, - Владивосток: Дальнука. 1997 –83с.
26. Кортунов, С. Имперские амбиции и национальные интересы//Независимая газета, 11.09.1997.
27. Куликов, В. Нынешняя модель глобализации и Россия. МЭ и МО № 10 2002 с.65-74.
28. Кудрявцев, В. Русское самоопределение//Независимая газета, 09.07.1996.
29. Львов, Д.С. Экономика развития –М.: "Экзамен". -2002-512с.
30. Максимычев, И. Россию, господа, не отделить//Российская газета 23.01.1997.
31. Мамлеев, Ю. Какая участь нас ждет?//Независимая газета 31.05.1996.
32. Медведев, Р. Россия. Новое место в мире//Российская газета,9-10.1997.
33. Межуев, В.В. Империи создают гиганты, а разрушают пиг-

меи// Правда 28.01.1997.

34. Миреченков, Ю. России нельзя не быть великой// Правда 23.05.1996.

35. Мирский, Г.И. «Общность судьбы» и национальное самосознание//МЭ и МО. - № 4. – 1998. с.5-16.

36. Мирский, Г.И. Самоопределение или катастрофа.//Независимая газета 27.07.1996.

37. Моисеев, Р.С. Мораль, как элемент качества жизни/Человек на Севере: проблемы качества жизни, - Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2002,с.165-168.

38. Морозов, О. Идеологию для России диктует будущее//Известия. - 21.12.2002.

39. Основы социальной концепции русской православной церкви//Инф.бюллетень отдела внешних церковных связей Московского Патриархата № 8. – Август. – 2001.-106с.

40. О национальной безопасности. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию//Независимая газета, 14.06.1996.

41. Павловский, Г. Как они уничтожили СССР//Независимая газета 14.11.1996.

42. Подберезкин, А., Макаров, В. Стратегия для будущего Президента России: Русский путь. М.: 2000-168с.

43. Подберезкин, А. Нужна ли России наука и концепция национальной безопасности//Независимая газета 10.01.1996г.

44. Подберезкин, А. Русский путь: сделай шаг! - М.: 1998-32с.

45. Рогов, С. Евразийский проект России//Независимая газета 29.08.1996.

46. Розов, Н. Парадокс сверхдержавности//Независимая газета 31.05.1996.

47. Салагаев, Э. Гайдар, как мозговой центр//Независимая газета 27.12.2002.

48. Сахаров, А.Н. Российское государство и законы истории//Независимая газета 11.06.1996.

49. Селищев, Н. Великие мировые державы имеют и мировые интересы//Правда. 06.12.1995.

50. Соколов, В.В. Современный мир и национальная экономическая политика// МЭ и МО. № 4. - 1998 – с.5-20.

51. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности-М.: ИНФРА- М.1999.

52. Состанович, С. Национальные интересы не являются константой//Независимая газета. 13.02.1998.

53. Третьяков, В. За год России!//Российская газета 26.12.2002.
54. Трубецкой, Н.С. Общевразийский национализм//Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология- М.:Наука 1993-358с.
55. Трубецкой, Н.С. Русская проблема//Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология-М: Наука, 1993-358с.
56. Тэлботт, С. Америка и Россия в меняющемся мире// Независимая газета 27.11.1996.
57. Хореев, Б.С. Демографическая катастрофа в России//Известия Русского Географического Общества-№2 1995.
58. Чешко, С.В.Распад Советского Союза, -М.: 1996-309с.
59. Шаповалов, С.В. Смысл национальной идеи// Независимая газета 23.08.1996
60. Шевляков, А.И. Книга Н.Я.Данилевского «Россия и Европа» в полемике 80-х годов XIX века//Социологические исследования № 12 1998 с.186-189.
61. Ядов, В. Уверенных в себе людей становится больше//Известия 11.12.2002.
62. Яковлев, А.Н. Горькая чаша. Большевизм и Реформация России, - Ярославль: Верх.-Волж.кн. изд-во, 1994-464с.
63. Яновский, Р.Г. Поиск народной идеи//Социологические исследования №5, 1997 с.15-20.
64. Яценко, Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов - СПб.: Изд-во «Лань», 1999- 528с.

Программы политических партий и движений

65. Программа общероссийской политической общественной организации партии «Единство», утверждена II съездом 29.10.2000г.// Отдельный выпуск.
66. Программа партии «Развитие предпринимательства»//Российская газета. 11.10.2001.
67. Программа Народной партии Российской Федерации//Российская газета. 23.10.2001.
68. Программа Консервативной партии России//Российская газета 01.11.2001.
69. Программные положения политической партии «Национально-патриотические силы РФ»//Российская газета. 03.11.2001.
70. Отчет Союза Правых Сил перед избирателями//Известия. 11.12.2001.
71. Демократический манифест Российской демократической партии «Яблоко»//Известия. 11.12.2001.

72. Программа православной партии России// Труд. 28.12.2001.
73. Основные положения программы политической партии «Русский общенациональный союз»// Российская газета. 24.01.2002.
74. Сообщение о IV съезде православной партии России. Обращение православной партии к народам России//Труд. 29.01.2002.
75. Манифест Российского либерализма//Независимая газета. 11.04.2002.
76. Основные положения программы Народно-патриотической партии России//Российская газета. 13.04.2002.
77. Манифест Российской партии жизни//Известия 16.04.2002.
78. Декларация партии «Либеральная Россия». Меморандум партии «Либеральная Россия»//Российская газета. 20.04.2002.
79. Программа Евразийской партии России//Российская газета. 30.05.2002.
80. Программа Исламской партии России//Российская газета. 30.05.2002.
81. Манифест Народной партии «Россия Единая»//Российская газета. 30.05.2002.
82. Основные положения программы Российской Консервативной партии предпринимателей (РКПП)// Российская газета. 20.06.2002.
83. Основные тезисы программы Единой социальной партии Российской Федерации//Российская газета. 31.08.2002.
84. Основные положения программы Новой Коммунистической партии//Российская газета. 31.08.2002.
85. Программа политической партии «Партия социальной справедливости» (ПСС) Российская газета. 12.10.2002.
86. Краткая программа партии СЛОИ (Союз людей за образование и науку)//Российская газета. 17.12.2002.
87. Манифест партии «Единая Россия» (проект)//Независимая газета. 23.12.2002.
88. Российский либеральный манифест (Программа политической партии «Союза правых сил»)//Правое дело. № 17-18 (35-36) 2002.

*Политический барометр: Информационный бюллетень
(Петропавловск-Камчатский, октябрь 2003 г.). –
Петропавловск-Камчатский: «Щорс!», 2003. – №2.*

МОРАЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Определение качества жизни, понимаемого как интегрированная характеристика совокупности условий формирования Человека, требует учета всех сторон развития этого феномена. Их диапазон должен охватывать биохимические, физиологические и другие процессы развития организмов; социальные и экономические процессы формирования личностей и обществ; экологические условия формирования человека как вида и другими соответствующими характеристиками; совокупность условий и процессов формирования человеческих единств: племен, народов, этносов, государств и т.д. (в будущем, возможно - человечества в целом), многие другие факторы. Одна из важнейших сторон качества жизни - система моральных установок (СМ), т.е. неправовых, но соблюдаемых норм личного и массового поведения; критериев для таких определений, как «добро», «зло», «нравственно», «безнравственно», «высокие нравы», «смягчение нравов», «падение нравов» и т.п. Эти нормы отличают народы один от другого; формируют «менталитет» нации; характеризуют стадии развития этносов. СМ формируются в результате длительных взаимодействий общественно-исторических, этнических, природных факторов, не только отражая устойчивые особенности их совокупностей, но и обеспечивая естественное продолжение общественных процессов и их рациональное взаимодействие с процессами природными. Особое значение имеют СМ при формировании населения на Севере, где многие условия жизни экстремальны относительно условий, сложившихся в тропических и умеренных природно-климатических зонах Земли. Известно своеобразие СМ коренных народов Севера, многократно описанное в научной и художественной литературе. В стремительных и противоречивых изменениях общественного развития СССР и России в течение XX века система моральных устоев этих народов также изменялась, продемонстрировав, однако, устойчивость многих положений, что доказывает неоднозначность генезиса СМ. Известно своеобразие моралью регулируемого стиля жизни (окажется ли он устойчивым, покажет время), населения, формировавшегося в районах Севера и Дальнего Востока при их интенсивном освоении в период советской власти. Нацеленность на общественный интерес, противоречивость трагичности и романтики, сложность и трудность условий труда и быта, повышенное внимание государства к социально-экономическому развитию этих районов и другие особенно-

сти способствовали формированию здесь населения специфического типа, отличительные свойства которого отмечались населением страны, в науке и искусстве. В этом стиле сконцентрировались качества народов, формировавших новое население Севера, необходимые для жизни в северных условиях: стойкость, верность, терпение, доверие, умение брать на себя ответственность и искать достойный Человек выход из сложных ситуаций; проверка личных качеств в деле, а не в биографических справках; коллективизм, чувство локтя, дисциплина, взаимовыручка, гостеприимство, готовность оказать бескорыстную помощь, ощущение взаимозависимости всех ото всех и т.п. В северных условиях эти качества помогали отдельным людям и населению в целом не только выживать, но устойчиво жить, формируя поколения со всё более укреплявшимся бытовым и психологическим укладом постоянного населения.

В конце XX - начале XXI веков в России господствуют планомерные, идеологически и организационно оформленные информационные воздействия, ориентированные на изменение личных и массовых моральных норм поведения, привязываемые к «формированию рыночных отношений», обозначенные как задача изменить менталитет общества [2, с. 175]. Из системы моральных ценностей народов, составлявших население бывшего СССР, вытесняются черты, называемые "совковыми", "несовременными", "отсталыми", "тоталитаристическими", и насаждаются черты, называемые "современными", "продвинутыми", "отвязанными", "цивилизованными", "рыночными", "демократичными".

Практическую направленность этих изменений можно определить по сопоставлению содержания выражаемых в общедоступной для населения фольклорной форме основных моральных принципов. "Сам погибай, а товарища выручай" - "Каждый за себя". "Недостойное нельзя" - "Если нельзя, но очень хочется, то можно". "Человек человеку друг" - "Человек человеку волк". "Долг и честь превыше всего" - "Выгода превыше всего". "Интересы общества выше" - "Интересы личности выше". И т.д., и т.п. В начале XXI века эта тенденция особенно ярко проявилась на общероссийских каналах телевидения в форме зрительно привлекательной, интригующе представляемой, откровенной, напористой информационно-идеологической агрессии против считающихся отживающими моральных принципов. Таковы однонаправленные и многочисленные, а следовательно, не случайные программы, как «Моя семья», «Про это», «Большая стирка», «Слабое звено», «Последний герой», «За стеклом» и др. Через них в сознание и поведение людей внедряются

как повседневно допустимые, приоритетные, приветствуемые, одобряемые, вознаграждаемые обществом такие моральные качества, которые считались порочными, постыдными, осуждаемыми не только в советский период развития России, но и в предыдущие века. К ним относятся подглядывание за чужой жизнью «в замочную скважину»; публичное смакование подробностей чужой и своей «личной» жизни, в особенности интимной; публичная, эпатирующая демонстрация своих и чужих духовных и физиологических извращений; подлость по отношению к «членам своей команды»; готовность «съесть» (выражение, употребляемое в программе) за денежное вознаграждение одного за другим людей, с которыми (пусть даже условно и временно) совместно ведешь борьбу за жизнь; существование в постоянном осознании, что за тобой подглядывают, тебя обязательно предадут, продадут и т.д.

Неслучайность этих процессов не нова. Борьба моральных систем - в истории человечества явление известное. Подлость, продажность, ковыряние в чужих язвах, подглядывание встречались у людей всегда. Но не всегда их оправдывали, воспевали и пропагандировали. Подробный анализ конкретных причин борьбы за смену моральных ценностей в России в начале XXI века - отдельная тема. Отметим, что особенности этой борьбы могут укладываться в установленные Л.Н.Гумилевым общие закономерности этногенеза. Ее можно оценить как один из возможных этапов перехода от фазы подъема этноса (моральные императивы: «Надо исправить мир, ибо он плох», «Мы хотим быть великими») к фазе надлома («Мы устали от великих»), инерционной фазе («Дайте же жить, гады»; «С нас хватит»), мемориальной фазе («Помни, как было прекрасно», «Будь сам собой доволен, тролль») и, наконец, к фазе гомеостаза, к забвению и утрате императивов [1]. Для более точного определения фазы развития этноса необходимо оценить всю совокупность факторов его формирования: разрушение одного государства (СССР) и создание другого (России); системный кризис; разрушение экономической и социальной структуры; депопуляция населения; обилие признаков вырождения этноса (наркомания, суициды, низкая рождаемость, бесплодие, распространенность половых аномалий и т.п.). Интенсивная агрессия характерных для периода деградации этноса моральных императивов может оказаться временным кризисным состоянием российского этноса, но может оказаться не только признаком, но и фактором, ускоряющим его разложение. Известно, что этносы, находящиеся на спаде, не осваивают новые территории, - это требует моральных установок на преодоление трудностей и

жертвенность, - а лишается ранее освоенных территорий. В связи с этим для обоснования социально-демографической политики на Севере и оценки и разработки планов формирования качества жизни Человека на Севере органам власти и управления следует учитывать вероятность разрушения населения Севера, в частности вследствие замены сложившейся у него системы моральных ценностей. Необходимо также осознать бесперспективность надежд восстановить на Севере постоянное население на основе вышеназванных новых для России моральных императивов. В этом случае можно ожидать освоения соответствующих территорий другими этносами с «консолидирующей», а не «разрушающей» системой морали.

Библиография.

1. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.-528с.

2. Политология: Энциклопедический словарь / Общ.ред. и сост.: Ю.Н.Аверьянов. - М.: Изд-во Москв.коммерч.ун-та, 1993. - 431 с.

Образовательная среда и качество жизни человека на Севере: проблемы качества жизни человека на Севере: Материалы межрегион. науч. семинара, 29-31 января 2002 г. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2002. – 165-168.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Рассматривая проблемы развития региональной экономической политики России, в частности для Дальнего Востока, обратим внимание на своеобразную тенденцию разрешения характерных для Российской Федерации начала XXI века противоречий между централизмом и федерализмом (регионализмом) в построении политических и экономических отношений [14].

Отметим некоторые важные для нашей темы особенности России как нового государства, появившегося на карте мира в конце XX века. Назовём их без доказательств. В разрозненном виде достаточно много убедительных аргументов названо в отечественной и зарубежной литературе, поэтому сами особенности, как правило, приводят (если не все, то многие исследователи) как данность [например, 2, 3].

Россия как государство является одним из обломков потерпев-

шей крупнейшее военно-политическое поражение страны, СССР. Ранее этот обломок был самой крупной и сложной по структуре системообразующей частью разрушившегося государства. Не успев выработать адекватные новому состоянию новые принципы и стратегию внешней и внутренней политики, Россия до последнего времени находится в положении неопределённости, в частности, в ожидании продолжения территориального распада. Это проявляется в периодическом появлении идей о разделении на 5-7 новых крупных республик; в сдержанных противостояниях властей Федерации и субъектов Федерации; в неоднократных попытках построить эффективную «вертикаль» власти.

Россия потеряла более половины производственного потенциала и до сих пор не имеет внятно сформулированных представлений, какая же именно структурная экономическая перестройка предлагается властями в сфере производства: комплексная, поэлементная, территориальная, воспроизводственная, межотраслевая, технологическая, или только в сфере собственности, макроэкономических показателей и рыночной инфраструктуры. Россия стала наркотически сырьедобывающей страной, обеспечивающей функционирование своих социально-экономических структур преимущественно за счёт экспорта частнособственническими предприятиями ограниченного набора топливно-энергетических ресурсов и металлов.

Россия, при гигантском внешнем долге, стала одним из крупных экспортёров капитала, устойчиво вывозя на мировой рынок более, чем по 20 млрд. долларов США в год (точной оценки нет), что сопоставимо с годовым бюджетом Российской Федерации. Этот экспорт как бы нелегален, правительством не приветствуется, но и не пресекается, а меланхолично фиксируется и мягко осуждается.

В России продолжается системный кризис и глубочайший экономический спад, вследствие чего проявляется объективно необходимая для сохранения и восстановления экономики страны тенденция к централизации политической и экономической власти. В то же время, в России сложился высокий уровень концентрации и монополизации финансового капитала, более 80% которого сосредоточились в столице, где сформировалось узко ограниченное количество крупнейших (по масштабам России) финансовых и финансово-промышленных группировок, в большей или меньшей степени, явно или скрыто проводящих свою экономическую оперативную и среднесрочно планируемую деятельность в контакте с высшими структурами федеральной власти и управления (известные по литературе явления: бизнес-элита, олигархи, коррупция и т. п.). Вслед-

ствии столь мощной концентрации и монополизации капитала оказались финансово обескровленными периферийные районы страны, где, в основном, размещены те самые сырьедобывающие производства, которые обеспечивают и экспортную составляющую России в целом, и основы существования столичных финансово-промышленных монополий. Здесь же размещены природные ресурсы, которые описываются как экспортные надежды России на отдалённую перспективу и условно определяются как безгранично большие (существуют и более скромные оценки).

Россия, наконец, страна, в которой до последнего времени не установились главные системообразующие признаки формирующегося общественного строя. Соглашаясь в том, что это капитализм, дискутирующие стороны сомневаются, криминальный он, криминально-бюрократический, бюрократически-криминальный или иной. Отметим, что слово криминальный входит во все определения, и это можно считать системообразующим признаком, поскольку, по официальным определениям, криминал контролирует 40 – 60% экономики страны.

В течение 1990-х годов формирующиеся финансовые и финансово-промышленные монополии, используя взаимодействие с политической властью, ориентировали свои основные усилия на раздел и передел собственности в основных экспортнообразующих секторах экономики; построение рациональной для себя системы финансово-проводящих, производственных, торговых связей; создание законодательной власти, удобной для своих интересов; встраивание своих интересов в мировой рынок, сложный по системе производителей – посредников - потребителей и связям в обеспечивающей функционирование мирового рынка рыночной инфраструктуре; умножение капитала любыми способами, в том числе сомнительными с точки зрения законов, даже тех, которые были созданы ими самими для обеспечения своих интересов.

К 2000 году и для высшей в России государственной власти, и для населения России, и для отечественного производственного, торгового и не крупного финансового капитала, и для зарубежного частного производственного и банковского, а также международного финансового капитала, и для высших государственных структур экономически наиболее развитых и влиятельных государств стала понятной необходимость изменения бесперспективного для экономики России и опасного для остального мира срастания федеральной государственной политической власти с частной экономической властью ограниченного количества столичных финансовых и

финансово-промышленных монополистов при высоком уровне криминализации экономики.

Центральная государственная политическая власть России заявила о недопустимости впредь прямого влияния частной экономической власти («олигархов») на деятельность высших государственных структур; декоративно продемонстрировала решимость борьбы с крупнейшими монополистами, добилась смирения, т.н. «равноудаления», их большинства и сосредоточила усилия на сокрушении двух-трёх наиболее строптивых «олигархов». Эта наиболее видимая часть отношений между персонифицированной государственной политической властью и старающейся быть более скрытой и менее персонифицированной властью монополий - одна из наиболее обсуждаемых тем «большой экономической политики» в России 2000-2001 года.

За этой частью отношений, которая имеет яркий, внешне завлекательный, театрализованный характер с криминальной интригой и закрученным сюжетом, проявляется развитие других тенденций во взаимодействиях столичных экономических монополий не только с высшими органами политической государственной власти и управления, но, что более важно, со страной в целом, с государством в наиболее полном понимании этого слова. Полный анализ характера этих тенденций, их движущих сил и закономерностей развития, многообразия возможных ближайших и отдалённых последствий в экономических, социальных, экологических, внутривнутриполитических и международных аспектах – задача для монографических исследований. В этой статье можно только обозначить проблему.

Одна тенденция состоит в том, что столичные монополии сменили основную политику проведения своих интересов через прямое, непосредственное воздействие на высшие органы государственной власти и управления (это не значит, что они вообще отказались от ориентации в этом направлении). Главным направлением воздействий монополий на государство в 2000-2001 годах стала прямая скупка сырьедобывающих, малонаселённых, декоративно автономных субъектов Федерации, включая их территории, государственную власть на них, природные ресурсы, с трудом выживающее население, в том числе вымирающие «титульные» нации (малые народы, малочисленные народы, народы Севера).

За небольшое время к находящемуся в полном ведении, пользовании и распоряжении, то есть почти в собственности у «Газпрома» Ямало-Ненецкому автономному округу присоединяются следующие территории: Чукотский автономный округ отходит к «Сибнеф-

ти», Долгано-Ненецкий (Таймырский) автономный округ – к предприятиям «Норильский никель», «Норильская горная компания», «Интеррос». Хакасский автономный округ находится под влиянием предприятия «Сибирский Алюминий». На предстоящих выборах губернатора такая судьба ожидает Эвенкийский автономный округ (ЮКОС). Идёт борьба за право обладать властью и нефтью в Ненецком автономном округе и в Архангельской области (Лукойл; возможны варианты). На выборах в Тюменской области пересеклись интересы нескольких нефтегазодобывающих «империй»: «Транснефти», «Газпрома», «Сургутнефтегаза», ТНК, «Славнефти». В Корякском автономном округе губернатором стал Президент крупнейшей добывающей платину в России компании «Корякгеолдобыча», судя по газетным сообщениям имеющей поддержку в Московских структурах [1, 5-12, 15-20, 21-25, 26, 27-29, 30].

Не видеть эту тенденцию невозможно, настолько она очевидна. Достаточно взглянуть на заголовки статей. «Логика Таймыра. Хозяином полуострова стал тот, кто им был» [7]. «Ненецкая нефть и равноудалённость от олигархов» [18]. «ЛУКОЙЛ» делает ставку на Северо-Запад» [29]. «Почему северяне делают ставку на предпринимчивых» [25]. «Уральский передел. Региональное соперничество нефтяных компаний» [11]. «Собака на сене, ЮКОС на нефти» [26]. Среди печатных органов представлены многие политические направления, но видение тенденции – одно. Объяснения разные. Хотя их можно свести в две группы.

Одна точка зрения: «Центральная власть решила по-новому формировать региональную элиту – не «снизу», а «сверху». К новым губернаторам предъявляются принципиально иные требования – кроме «прямого хозяйствования» они должны ещё стать «собирателями земель» [5]. Идеология этой позиции «экономического наместничества» состоит в том, что федеральные власти поручают «своим», «доверенным» мощным столичным монопольным экономическим структурам, естественно - небескорыстно, обеспечить хозяйственное благополучие на разорённых реформами 1990-х годов территориях и надеются, что «столичная прописка» этих монополий гарантирует от проявлений «местничества», «сепаратизма», противостояния центральной власти, гарантирует укрепление Российского государства как целого. Другая точка зрения обозначена следующим образом. На выборах губернаторов «повсеместно шла жёсткая борьба за власть, в которой активное участие принимали столичные олигархические группировки и местные кланы», кто-то из них «играл в открытую», но «дабы не навлечь на себя гнев Кремля, наиболее дальновидные олигархи предпочитали особенно не

«высовываться» [5].

Как видим, точки зрения прямо противоположны. В этой тенденции видят, с одной стороны, проявление воли «Центральной» власти к политическому укреплению государства и экономическому возрождению окраин за счёт столичных экономических монополий, а с другой стороны, стремление столичных экономических монополий как бы тайком от «Центральной» власти обеспечить себе на территориях, составляющих основу их экономической власти, ещё и политическую власть, могущую вступать с властью федеральной в формальные, а не только личностные, неформальные, скрытые от глаз отношения. Чтобы различить эти позиции, можно предложить, в качестве рабочей гипотезы, называть их «идеалистической попыткой централизовать страну путём децентрализации» и «прагматической попыткой столичных частнособственнических монополий «приватизировать» регионы».

Может быть допущено и предположение, что власти страны в такой форме предложили «откупные» тем финансово-промышленным группировкам, с которых предполагается «дополнительно собрать» в 2001 году около 7,5 млрд. долларов США, необходимых для урегулирования внешней задолженности. Характерно название статьи по этому поводу : “Год великого перелома хребта. В 2001 году правительство основательно прижмет нефтяные компании” [4].

По существу, однако, эта тенденция, выражая в одном случае метод, а в другом – цель, имеет одно содержание. Состоит оно в децентрализации власти в стране; возникновении в слабозаселённых, огромных по площади территорий районах с беднейшим, доведённым до пауперизма населением, частнособственнических структур, полностью и формально объединивших политическую и экономическую власть. Дело ведь, конечно же, не в личностях, занявших должности губернаторов: одни – лучше, другие – хуже. Дело в принципе: регионы приватизируются монополиями. В российском капитализме 1990-х годов находят многие черты раннего, выходящего из феодального общества капитализма: первоначальное накопление капитала любыми, часто преступными способами; ограбление колоний; нищета населения; отчаянное сопротивление вмешательству государства в частную экономику. Тенденция целенаправленно передать политическую и экономическую власть в отдалённом регионе столичной монополии (как бы заместнику) или будто бы не замечать (не заметить это невозможно), что столичные монополии взяли эту власть сами, напоминает ещё одно явление

раннего капитализма: Вест-Индскую и Ост-Индскую компании, компанию Гудзонова залива и т.п. Такова же практика США по колониальному грабежу «банановых республик». Пример – «Юнайтед фрут компани», знаменитая «Мамита Юнай», долгое время господствовавшая в Латинской Америке.

Внешне похожие тенденции наблюдаются и в регионах России: исполнительные власти субъектов Федерации оказывают административную и экономическую поддержку ведущим предприятиям взамен на обязанности по содержанию коммунальной и социальной сферы в отдельных населённых пунктах. Учтём, однако, что в России начала XXI века, при всех вышеназванных и других признаках раннекапиталистического общественного строя, раннего капитализма нет, а есть очень сложный, теоретически ещё не определённый конгломерат осколков разных общественных устройств с неясной перспективой развития. Поэтому на уровне отдельных населённых пунктов эта тенденция носит черты то ли шефства на корыстной основе, то ли ведомственного содержания населённого пункта градообразующим предприятием и по системным признакам более всего походит на видоизменённый капитализмом пережиток советской власти.

На уровне же субъектов Федерации оценка этой тенденции более сложна и масштабна. Частнособственническое слияние экономической и политической власти происходит почти по всей Российской Арктике; почти на всём российском побережье Северного Ледовитого океана и Берингова моря; почти во всех районах, где расположены не только эксплуатируемые, но и разведанные и прогнозируемые месторождения нефти и газа на суше и на шельфе. В перспективе все экспортообразующие сферы России как государства в целом оказываются в руках частнособственнических монополий, которые будут влиять на экспортную политику государства. Как показывает практика, в таких ситуациях наиболее вероятно использование природных ресурсов в форме поспешного, некомплексного освоения.

Обратим внимание на то обстоятельство, что такая скупка, такая «приватизация» политической и экономической власти в регионах как бы допущена демократической федеральной властью как бы в рамках Закона, хотя не имеет с демократией ничего общего, кроме издевательски соблюденной формальности сбора бюллетеней у подавшегося на любые посулы и подачки населения, уставшего от нечеловеческой жизни. Она прямо противоречит принципам демократии, соблюдения прав человека, федерализма и другим положе-

ниям, вписанным в Конституцию РФ. Но практика человечества показывает, что власть, таким образом приватизированную, дав ей укрепиться, отнять не просто.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что доведение населения до нечеловеческой жизни становится практикой и в других районах Дальнего Востока и Сибири. Более развитый социально-экономический и демографический потенциал этих регионов не позволяет столь же легко и откровенно включить их в «арктический приватизационный» вариант вышеназванной тенденции. Следовательно, есть основания ожидать более скрытых, завуалированных, смягчённых вариантов её проявления.

Можно допустить, что на первых порах федеральная политическая власть получит снижение социальной остроты на окраинных территориях за счёт их целенаправленной или по неформальному соглашению допущенной «приватизации» столичными монополиями. Можно допустить, что эта тенденция – проявление другого расчёта централистского государственного характера: например, на смену власти «бояр» региональных властью «бояр» московских [13]. Оценка дальнейших последствий такой «приватизации» не может быть столь однозначной. Сомнительно исторически долгосрочное благоденствие «титовых» наций. Возможно многоступенчатое тиражирование экономико-политического сепаратизма и постепенный переход к «приватизации» не только суши, но и шельфа. Не исключено превращение слияния политической и экономической власти монополий на окраинах во власть долговременную и консолидированную: монополии не сталкивают свои интересы в арктических регионах, вероятно заранее оговорив раздел сфер влияния. Возможно, наконец, и исторически быстрое (два – три десятилетия) опустошение природно-ресурсной базы Севера безо всякой заботы о социально-экономической эффективности для государства в целом и о последующих поколениях.

Вторая тенденция имеет наибольшее отношение к Дальнему Востоку, как крупнейшему рыбодобывающему региону России. Она проявилась в попытке Правительства РФ резко продемонстрировать намерения централизовать экономическую власть в стране, начав с власти в, казалось бы, узкой сфере и с благородной задачей «совершенствования государственного управления водными биологическими ресурсами». В качестве единственного практического способа «совершенствования» правительство в конце 2000 года утвердило проведение аукционов по продаже промышленных квот на вылов (добычу) водных биологических ресурсов.

Внимание государства к этому вопросу объективно обосновано, как минимум, двумя соображениями. 1. При общей необходимости централизации власти в экономически ослабленной стране, естественно желание правительства укрепить управление рыбным хозяйством и контролировать распределение квот на промысел природных ресурсов, в первую очередь, – экспортноценных ресурсов, где фиксируется много нарушений. 2. В соответствии с законами рыночной экономики, при освоении природных ресурсов образуется рента, присвоение которой – прерогатива собственника. В России почти все виды водных биологических ресурсов являются государственной федеральной собственностью. Естественно, что собственник решил, наконец, присваивать ренту сам. Неестественным было, что собственник – государство - десять лет позволял частным предприятиям осваивать природные ресурсы без взимания ренты, смешав в сырьедобывающих производствах два подхода: «природный ресурс бесплатен по-социалистически; доходы частника покрыты коммерческой тайной и неприкосновенны по-капиталистически». При таком беспечном собственнике рента, конечно же, не пропадала, а распределялась на рынке и, как публично утверждают, между некоторыми органами и лицами, от которых зависело распределение квот.

При сложившейся в 1990-е годы государственной политике устранения государства от управления экономикой, в том числе и от управления рыбным хозяйством, оказались естественными несовершенство системы управления; многочисленные нарушения правил рыбохозяйственной деятельности; подрыв природно-ресурсной базы отрасли; кратные расхождения в оценках физических и стоимостных показателей объёмов промысла и реализации; многочисленные конфликты по поводу распределения квот между субъектами Федерации и экономическими субъектами; сложившаяся в рыбном хозяйстве и связанных с ним сферах значительная по масштабам «теневая экономика», а иногда и криминальные структуры; нерационально большое количество несоординировано и неэффективно работающих контрольных и надзорных организаций.

Известно, что рыбное хозяйство в силу подвижности и высокой степени неопределённости характеристик объектов промысла, подвижности и автономности основной хозяйственной единицы – судна, ведения промысла в районах, где затруднён постоянный контроль, и других особенностей требует специфических систем управления. Однако все, названные в предыдущем абзаце недостатки не являются системно присущими именно рыбному хозяйству, а

есть следствие того, что система управления отраслью в течение десяти лет остаётся неадекватной принципиально изменившимся экономическим условиям хозяйствования. В самом деле, за этот период в отрасли не осталось государственной собственности; ликвидировано административно-хозяйственное управление; количество самостоятельных экономических субъектов, которые обладают правом заниматься рыбохозяйственной деятельностью, записанным в Уставе, или оформили специальную лицензию на это право, или имеют во владении рыбопромысловые суда на вещном праве или праве аренды, - выросло в сотни раз; усложнились и стали более закрытыми инвестиционные условия; упростились возможности экономических субъектов для совершения хозяйственных сделок на внешнем и внутреннем рынке; государство в значительной степени утратило контроль за ними и во многих других сферах. За органами государственного управления рыбным хозяйством официально сохранились к концу 2000г. только права по подготовке к утверждению Правительством РФ решений о распределении квот на промысел рыбы и морепродуктов (сейчас это право передано в структуры, готовящие документы для аукционов); по частичному контролю за соблюдением правил промысла, охране и воспроизводству водных биологических ресурсов; выдаче лицензий на право заниматься рыбохозяйственной деятельностью и на право приобретения судна в собственность или в аренду, а также возможность реально влиять на перераспределение квот промысла в течение года. Постепенно, после первого года эйфории свободы от центральной власти, оно не устраивало ни отдельных экономических субъектов в рыбном хозяйстве, ни отрасль в целом, ни муниципалитеты, ни органы власти в субъектах Федерации, ни федеральные органы управления конкретными направлениями социально-экономической деятельности, связанной с рыбным хозяйством. Такое регулирование деятельностью рыбохозяйственной отрасли, в конечном счёте, не устроило даже приверженцев «либеральной экономики» и «саморегулирования» рынка в Правительстве РФ.

Были и остаются основания считать, что реальные действия Правительства РФ по «совершенствованию управления рыбным хозяйством», должны были быть повсеместно восприняты не без шероховатостей, но, несомненно, положительно. Однако, Постановление Правительства РФ №1010 от 27.12.2000г. «О квотах на вылов (добычу) водных биологических ресурсов внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации», при-

нятое «в целях совершенствования управления водными биологическими ресурсами», было встречено общей конфронтацией. Рядовые рыбаки проводят забастовки и демонстрации. Отдельные экипажи промысловых судов, браконьерствуя, решаются на дерзкое неповиновение распоряжениям пограничников. Руководители предприятий и общественных организаций, органы власти и управления субъектов Федерации, Государственная Дума и Совет Федерации обращаются в Правительство РФ, к Президенту РФ, в судебные органы с просьбами и предложениями отменить или изменить это Постановление Правительства РФ.

Правительство РФ, в свою очередь, не только категорически отказывается вносить изменения в своё Постановление и настоятельно обеспечивает его реализацию, но наступательно обвиняет рыбохозяйственный комплекс в целом и субъекты Федерации рыбохозяйственной специализации в отраслевом и местническом эгоизме, нежелании легализовать чрезмерно высокие доходы и делиться ими со страной в целом.

Мы не станем рассматривать в качестве главных причин конфликта эмоциональную подоплёку и обстановку взаимной подозрительности и недоверия между отраслью в целом и федеральным уровнем власти и управления. В средствах массовой информации многократно описывались нарушения обеими сторонами конфликта порядка, здравого смысла, морали, финансовой и промышленной дисциплины, международных отношений, регулирования налоговых и таможенных правил и т.д., и т.п. Мы полагаем, что как бы ни был велик багаж взаимных обвинений и недоверия, но он повлиял скорее на острые формы и бескомпромиссность конфронтации по поводу правительственного решения об аукционах. Главная же причина столь широкой и острой конфронтации состоит в другом. Названное Постановление по содержанию не соответствует ни характеру, ни масштабам названной в нём Проблемы, направлено не на «совершенствование управления водными биологическими ресурсами», что потребовало бы принятия сложного комплекса научных, организационных, ресурсных и других мер.

Постановление Правительства РФ содержит только утверждение принципа разработки предложений, утверждения и аукционного распределения промышленных квот на промысел рыбы и морепродуктов, без объяснения причин и социально-экономических обоснований, но в формах, которые отрасль и регионы оценили как дискриминационные.

Аукционы проводятся только в г.Москва. Виды ресурсов, объё-

мы и сроки промысла, размеры и стоимости лотов (квот) определяются в г.Москва. Председатель комиссии – Министр экономического развития и торговли РФ. В составе комиссии – 11 высших чиновников. Из них 6 – представители силовых и фискальных ведомств. На аукционе распродаются все квоты на промысел наиболее ценных и экспортнозначимых видов рыб и морепродуктов и часть квот менее ценных видов (Приказ Министра экономического развития и торговли Российской Федерации от 10 января 2001г. №3).

Оценивая идею и технику проведения аукционов, обратим внимание на некоторые стороны их организации. Наиболее ценные виды водных биологических ресурсов, обитающих вдоль почти 16 тысячекилометрового морского побережья России (а крабы и минтай – первые объекты аукционов – вдоль почти 5 тысячекилометрового побережья Дальнего Востока), где расположены сотни мелких предприятий и населённых пунктов, специализирующихся только на прибрежном промысле и береговой переработке рыбы и морепродуктов и составляющих основу расселения на этом побережье, распределяются только в г.Москва. Так, по предварительным заявлениям на первый аукцион 17.02.2001 года выносилось 220 лотов минтая и сельди по 500 тонн каждый. На 27.02.2001 года – 166 лотов, оставшихся нераспроданными от первого аукциона. На 20.03.2001 года – 186 лотов крабов разных видов, в разных районах Дальнего Востока, в объёмах от 14 до 100 тонн (126 лотов по 100 тонн). На 22.03.2001 года – 322 лота трески, пикши и морского гребешка в Баренцевом море, в объёмах от 42 до 182 тонны (317 лотов по 100 тонн). Построение дальнейших аукционов аналогично. Возникают вопросы.

На какое количество экономических субъектов рассчитана эта структура аукционов; на какую структуру массива этих субъектов по их мощности, месту регистрации и выплаты налогов, месту базирования производственных единиц и проживания кадров, видовой и отраслевой специализации, государственной принадлежности? Какова пространственная, видовая и временная структура распродаваемых «в воде», то есть по прогнозу, водных биологических ресурсов; окажутся ли эти ресурсы гарантированно в том месте, в то время и в том промысловом состоянии, которое зафиксировано в лоте; какова связь условий реализации по приобретённому лоту с навигационными условиями; каковы возможности корректуры условий этого лота, или вся полнота риска несбывшегося прогноза лежит на его приобретателе? Каковы социальные и экономические связи интересов населения, проживающего на территориях, непо-

средственно примыкающих к районам размещения водных биологических ресурсов, право на промысел которых распределяется на аукционе? Каковы социальные и экономические связи с этими ресурсами интересов населения, проживающего за тысячи километров от этих территорий в крупных портовых городах – базах крупных рыбопромысловых флотов? Каковы роль и место рыбохозяйственной деятельности в функционировании реальных социально-экономических комплексов конкретных прибрежных субъектов Федерации, муниципальных образований, населённых пунктов? Каково место предприятий рыбного хозяйства в формировании бюджетов регионов? Какова правовая структура экономических и внеэкономических отношений по поводу использования, охраны и воспроизводства водных биологических ресурсов и соответствует ли она сложившейся практике, рациональной организации рыбохозяйственной деятельности и долгосрочным общегосударственным интересам? Вопросов может быть много, ограничимся этими. Задача нашего анализа состоит не в том, чтобы все важные вопросы назвать, а тем более – решить. Наша задача – показать, насколько сложный клубок жизненноважных проблем затронуло решение о проведении аукционов, не дав решения ни одной из них.

Единственная реально решаемая задача проведения аукционов: фискально-бюрократическое (это не эмоциональная, а системная характеристика) удобство взимания ренты за пользование федеральной собственностью и процедур предоставления отдельным экономическим субъектам права пользования этой собственностью. Точность определения размеров рентных платежей в условиях отсутствия кадастровой оценки рыбы и морепродуктов как природных ресурсов – вопрос отдельный.

Взимание ренты - безусловно, важная задача. Но не подлежит сомнению, что в комплексе задач по совершенствованию управления водными биологическими ресурсами она носит характер технический. Она требует решения, но только в увязке со всем комплексом задач как обеспечивающая их решение.

Из анализа правил проведения аукционов очевидно, что комиссия по их проведению в полном составе собираться будет не часто. Решение оперативных корректирующих задач (неизбежных в силу высокой степени неопределённости условий ведения рыбного хозяйства), а возможно, и основных задач по проведению аукционов будет поручаться вспомогательным рабочим органам, что незамедлительно породит проблемы выбора, уровня полномочий, возможностей маневра и т.п. Небольшие береговые предприятия, рассредо-

точные на многотысячекилометровом побережье и хозяйственно не скооперированные, гарантированно никогда не купят лоты на условиях проведения аукционов. Такая система аукционов рассчитана на крупные предприятия, имеющие крупно- и среднетоннажный флот, базирующиеся в больших городах, работающие только экспедиционным способом (теоретически – в любом районе Мирового океана) и практически никак непосредственно не связанные с интересами населения территорий, у побережья которых они занимаются промыслом. В то же время, известно, что отечественные предприятия такого рода, как правило, не имеют свободных оборотных средств, достаточных для покупки квот, достаточных для загрузки мощностей. Они будут вынуждены обращаться в крупные отечественные банки за кредитами, под российские невыносимые для реальной экономики проценты, или к зарубежным «инвесторам».

Следовательно, государство возможно и получит в федеральный бюджет рентные платежи за пользование водными биологическими ресурсами. Но – фактически, неформально – получит их не от российского рыбного хозяйства, отечественного рыбопользователя, а от отечественных и зарубежных финансистов или иностранных предприятий, обязав отечественных рыбопользователей поделиться с ними частью прибыли. Государство в течение 10 лет не создало эффективную систему управления рыбным хозяйством и водными биологическими ресурсами и рациональную систему взимания ренты, а наказывает за это отечественное рыбопромышленное и рыбоперерабатывающее хозяйство и связанное с ним население.

Отсечённые от аукционов (в первую очередь, на спасительные экономически наиболее эффективные виды ресурсов) мелкие береговые предприятия, и без того едва теплящиеся, вымрут, и огромное морское побережье России опустеет: это не Апокалипсис, а прямое экономическое последствие плохо продуманного управленческого акта. Можно, однако, надеяться, что Апокалипсиса не будет. Население на побережье может и отказаться вымереть и будет исправлять федеральную ошибку местными способами: массово и привычными методами будет браконьерствовать, вести своеобразную «партизанскую» войну, обходить препоны охранных и надзорных структур или откупаться от них, нарушая законы. Рационален ли путь «совершенствования управления водными биологическими ресурсами» через экономические кризисы, социальное противостояние и подрыв природно-ресурсной базы – это даже не вопрос.

Исключим нелепое предположение, что специалисты, готовые

проекты документов о проведении аукционов, являются плохими профессионалами, не сведущими в сложнейшей, многоуровневой и многообразной по видам проблематике управления рыбным хозяйством и водными биологическими ресурсами в мире в целом и в конкретных условиях России. Исключим также нелепое предположение, что при подготовке этих документов не были обсуждены все возможные не только положительные (возможно, что они есть; не показав их, авторам невозможно было бы, как мы полагаем, добиться утверждения документа Постановлением Правительства РФ), но и многочисленные социальные, экономические, организационные, межрегиональные, межбюджетные, иные отрицательные последствия этого решения. Обсуждения возможности таких последствий были неоднократны и завершались заверениями типично российского характера: давайте попробуем, а если не получится – в любой момент можем отменить.

Из всех возможных гипотетически предположенных причин принятия Правительством РФ решения «об аукционах» в качестве близких к реальным (не исключено, что это комплекс из нескольких взаимосвязанных или случайно совпавших причин) можно назвать следующие. Критерий для отбора – интересы тех реально существующих в любом сложном по структуре обществе формализованных систем и не формализованных, но олицетворяющих слитную высшую политическую и экономическую власть в стране социальных страт общества, которые обобщённо называют экономической и политической «элитой».

1. Органы федеральной власти, прямо связанные с проблемами, затронутыми в рассмотренном решении, заинтересованы только в централизации рентных платежей методом «продажи рыбы в воде» любому, кто больше заплатит. Размеры рентных платежей определяются произвольно-эмпирическим методом, поскольку кадастровые оценки не разработаны. Проблемы развития рыбохозяйственного комплекса России в целом и в территориальной, отраслевой, социально-экономической структуре, а также реальные региональные, отраслевые, технологические, социальные, экономические, экологические противоречия не входят в круг интересов этих органов федеральной власти и предоставлены, в соответствии с постулатами развития «либеральной экономики», на «саморазвитие, саморегулирование, саморазрешение». Не рассматривая в деталях последствия такой государственной политики (на эту тему есть достаточно обширная литература), можно назвать её неизбежные общие результаты, давно зафиксированные в экономической и поли-

тической науке: «Война всех против всех», «Сильные поедают слабых», «Неудачник виноват сам», «Природа виновата за всех». Идеальным вариантом для федерального уровня власти в целом была бы в этом случае возможность только «продавать рыбу в воде», не имея хлопот с отечественным рыбохозяйственным комплексом вообще. Этот вариант не только «идеален», но «идеалистичен» вследствие действия как минимум двух факторов: 1) рыбохозяйственный комплекс реально существует и будет прилагать усилия, чтобы существовать и далее; 2) реально существует федеральный орган управления, хотя и не управляющий этой отраслью полноценно, но: а) служащий резервуаром для «слива» острых, выплывающих на высший уровень власти противоречий и амортизатором для смягчения социальных обострений; б) служащий компетентным аппаратом для решения рыбохозяйственных вопросов, возникающих независимо от существования отечественного рыбохозяйственного комплекса, в связи с организацией «продажи рыбы в воде» и в связи с необходимостью регулирования международных рыбохозяйственных вопросов и т.п.; в) имеющий собственные внутрисистемные интересы, вплетённые в общие интересы вышеназванной «элиты».

2. Мероприятие инициировано наиболее мощными столичными финансовыми группировками. Из официально существующих крупных финансовых группировок региональных, связанных с рыбохозяйственной отраслью, может быть названа только «Приморская», но её официальные финансовые возможности несопоставимо малы по сравнению с масштабами проблемы. Не исключено, что на втором плане инициирования мероприятия могут быть обнаружены неофициальные, в том числе неотечественного происхождения, финансовые группировки, сформировавшиеся, в том числе на «теневом» обеспечении функционирования рыбохозяйственного комплекса. Интересы всех этих инициаторов могут состоять в том, чтобы через системы кредитования и т.п. с наименьшим риском и легально присваивать часть стоимости продукта, производимого рыбохозяйственными предприятиями, в том числе и часть ренты.

3. Мероприятие инициировано столичными финансово-промышленными группировками и связанными с ними зарубежными компаниями, заинтересованными в освоении или резервировании права на освоение месторождений нефти и газа на Арктическом (Северный Ледовитый океан) и Дальневосточном (Тихий океан) шельфе. Основные региональные и отраслевые социальные и экономические силы, препятствующие общественно неэффективному подходу при освоении этих видов ресурсов, требующие комплекс-

ного социально-экономического и экологического обоснования деятельности по их разведке и промышленной разработке, были сосредоточены в Госкомэкологии, общественных экологических движениях, предприятиях рыбохозяйственного комплекса и регионах рыбохозяйственной специализации. Госкомэкология как отдельное ведомство в настоящее время ликвидировано, а некоторые сохранённые его подсистемы отстранены от принятия принципиальных природоохранных решений. Для нейтрализации общественных экологических движений начата кампания «шпиономании». Логично предположить, что для облегчения «приватизации» экономической и политической власти в социально-экономически развитых регионах рыбохозяйственной специализации необходимо ослабление позиций региональных рыбохозяйственных комплексов и стабилизация социально-экономической ситуации. Способы «приватизации» – вопрос технический. В результате «приватизированным» окажется практически всё нефтегазоносное побережье и шельф России. Разрыв в этом фронте – Якутия (Саха), для которой, при необходимости, могут быть применены другие меры воздействия.

4. Федеральная власть намерена продолжать вполне добросовестное «совершенствование управления водными биологическими ресурсами» и другими, не только «аукционными» способами, но не сочла возможным утверждать их из-за неподготовленности. Об этом следовало бы довести до сведения страны в Постановлении Правительства РФ, хотя бы в общем виде изложив перечень и очерёдность планируемых мероприятий. Оценка решения «об аукционах» от этого не станет лучше, но станет понятней хотя бы позиция Правительства РФ.

Таким образом, можно предположить, что эта тенденция и тенденция «приватизации» экономической и политической власти в регионах корреспондируются между собой. Учитывая особенности развития России конца XX века, можно предположить, что объективно необходимая для сохранения России как страны и восстановления её экономики централизация политической и экономической власти реализуется с деформацией, как минимум, в одном направлении: в сторону децентрализации политической и экономической власти в стране не снизу, так называемыми «местными боярами и удельными князьями» (это отдельная тема), а сверху, столичными финансово-промышленными группировками. При этом используются видимые механизмы федерального уровня управления, движимые невидимыми связями отдельных политиков и монополий.

Высшие Федеральные органы власти пока не выразили позицию по поводу обеих названных тенденций и, возможно, не считают их опасными, или вырабатывают меры для их изменения или нейтрализации, или полагают, что контролируют их развитие.

В любом случае, обе эти тенденции, в конечном счёте, осознанно или неосознанно, могут привести к децентрализации и местнической суверенизации страны с целью частного, конъюнктурного и поспешного освоения природно-ресурсных богатств с их неизбежным при поспешном и некомплексном подходе разрушением, вопреки долговременным общенациональным интересам России. При построении экономической политики развития Дальнего Востока проявления этих тенденций могут быть оценены, в основном, негативно и должны учитываться, с целью противостоять им, на всех стадиях - от определения принципов политики до создания механизмов её реализации.

Библиография.

1. Аргументы и факты. - №4. - 2001.
2. Вопросы экономики. - № 12. - 2000. Материалы под рубрикой “Вступая в новое тысячелетие. На рубеже веков.”
3. Гранберг, А.Г. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза.// Российский экономический журнал, 2001г, №3, с. 86-88.
4. Известия. - 06 декабря. -2000.
5. Известия. - 26 января. - 2001.
6. Известия. - 27 января. - 2001.
7. Известия. - 30 января. - 2001.
8. Известия. - 07 февраля 2001.
9. Известия. - 13 февраля 2001.
10. Известия. - 14 февраля 2001.
11. Известия. - 16 февраля 2001.
12. Известия. - 23 февраля 2001.
13. Лапина, А.Г., Чирикова, А.Е. Региональная власть и реформы Российского федерализма: сценарии политического будущего.// Социс, 2001, №4, с. 16-26.
14. Минакир, П.А. Трансформация региональной экономической политики.// Экономическая наука современной России, 2001г, №1, с. 16-26.
15. Независимая газета. - 12 января. - 2001.
16. Независимая газета. - 23 января. - 2001.
17. Независимая газета. - 25 января. - 2001.
18. Независимая газета. - 06 февраля. - 2001.

19. Независимая газета. - 13 февраля. - 2001.
20. Независимая газета. - 14 февраля. - 2001.
21. Парламентская газета. -25 января. - 2001.
22. Парламентская газета. - 30 января. - 2001.
23. Парламентская газета. - 07 февраля. -2001.
24. Парламентская газета. - 14 февраля. -2001.
25. Парламентская газета. - 20 февраля. – 2001.
26. Правда. - №4. - 2001.
27. Российская газета. - 30 января. - 2001.
28. Российская газета. - 07 февраля. - 2001.
29. Российская газета. - 16 февраля. -2001.
30. Труд. - 26 января. - 2001.

в печати

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ МЕХАНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РАЙОНЫ НОВОГО ОСВОЕНИЯ

Население районов нового освоения формируется за счет переселившегося из обжитых, освоенных районов страны. Для решения многих теоретических и практических задач освоения, в частности расселенческих, необходимо знать, уметь предвидеть свойства человеческого материала, поступающего в районы нового освоения, что невозможно без опоры на общие закономерности формирования миграционных потоков.

В трудах отечественных и зарубежных исследователей зафиксировано более тридцати зависимостей миграционных перемещений от самых разнообразных факторов (в одной из работ исследовано 64 фактора); сформулированы некоторые основные показатели, характеризующие миграционные процессы. Однако отсутствие системной оценки этих факторов, показателей и зависимостей по значению, степени влияния и социально-экономическому содержанию не позволяет прямо использовать теоретические разработки для определения качественных и количественных характеристик миграционных потоков в районы нового освоения. Это вынудило провести самостоятельное исследование некоторых общих вопросов механического движения населения в СССР в той степени, которая представлялась необходимой для изучения его движения в районы нового освоения.

Исследовался общий случай миграций – свободное перемещение внутри замкнутого государственного образования в условиях

развитого социализма между крупными регионами. Для исключения влияния количественной и качественной неоднородности исследования ограничены экономическими районами СССР, достаточно однородными в социально-экономическом, хозяйственно-бытовом, национальном отношении; с исторически устоявшимися миграционными и экономическими связями, с идентичными на протяжении длительного времени основными направлениями общественно-исторического развития.

Исследовалась зависимость миграционных процессов от следующих факторов:

количества населения региона как комплексного фактора, в большей или меньшей степени отражающего экономический потенциал, общий объем потенциально способной к перемещению человеческой массы, объем возможных личных материальных и информационных контактов населения, количество трудовых ресурсов, количество рабочих мест в общественном производстве;

плотности населения региона как комплексного фактора, в большей или меньшей степени отражающего уровень экономического развития, экономическую освоенность (развитие производительных сил); селитебную освоенность (развитие расселенческой инфраструктуры); историческую давность освоения, степень пригодности природных условий для биологического существования человека, возможности разделения и кооперации общественного труда, ускоренного развития производительных сил и производственных отношений;

соотношения городского и сельского населения региона как комплексного фактора, отражающего уровень возможности социального развития, классовый состав, отношения к формам собственности, степень разделения труда, уровень образования, степень вовлеченности в общественно-полезный труд, возможности получения информации, в определенной степени хозяйственную специализацию и т. п.

Выбор этих факторов из множества возможных объясняется тем, что их социально-экономическое содержание и методика определения достаточно теоретически изучены; они давно и широко определяются статистикой и дают принципиальную возможность оценки изучаемого явления в историческом развитии и для большого количества регионов, прямо связаны с явлением миграции, так как и там, и здесь первичная единица измерения и первичный объект изучения – человек; наконец, они широко используются во многих других отраслях знаний.

Исследовалась также зависимость некоторых характеристик миграций от расстояния между геометрическими и экономико-географическими центрами региона, под которой, в связи с несовершенством методики определения, завуалированы расстояние между истинным и локальным источником и приемником миграционного потока; расстояние между регионами по транспортным магистральям; вид или количество видов транспорта, прямо связывавших регионы, или количество вынужденных пересадок; сходность или различие природных условий; стоимость перемещения; государственная политика льгот и преимуществ при перемещениях в определенные районы страны, или в определенные отрасли хозяйства, или для определенных групп населения; информированность населения района выхода; исторические миграционные связи и т. п.

Поскольку указанные факторы носят комплексный характер, ожидаемые зависимости миграций от них должны иметь форму тенденций.

Представляется, что на современном уровне знаний о природе свободных человеческих перемещений преждевременно ставить вопрос об определении их математически точных закономерностей. Предварительно необходимо дать системную оценку факторам, влияющим на процесс миграций, разработать методику определения меры, методику определения действия исследуемого фактора под влиянием других и т.п., иначе говоря, создать теоретическую базу исследований.

Для исследования принята самостоятельная система показателей миграционного процесса, учитывающая людность и урбанизированность миграционных потоков и население регионов и позволяющая оценить миграционную его активность и привлекательность по исследуемому комплексу регионов, по группам регионов и по отдельным регионам в общей схеме.

В системе приняты 12 показателей: частная и общая реализованная готовность к миграции; частная и общая привлекательность районов для мигрантов; избирательность миграционных потоков по районам выхода и вселения; направленность миграционных потоков по районам выхода и вселения; частная и общая относительная реализованная готовность к внешней миграции городских и сельских жителей района выхода.

Для анализа использованы материалы переписи населения СССР 1970 года. В результате исследований установлено следующее:

1. При прочих равных условиях объем миграционного потока увеличивается с увеличением населения региона выхода. С пони-

жением комплекса социально-экономических и (или) природных условий проживания отток населения усиливается (Урал, Казахстан, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток); с повышением – ослабляется (Центральный, Юго-Западный, Донецко-Приднепровский, Белорусский районы).

2. При прочих равных условиях объем миграционного потока извне увеличивается с увеличением количества населения региона вселения. Резкие отклонения от этой тенденции в сторону понижения для Юго-Западного района, где характерна слабая урбанизированность и сильное влияние национального фактора; в сторону повышения – для Дальневосточного района, где характерны повышенные социальная привлекательность и уровень денежных доходов.

Очевидно, тенденция прямой зависимости объема миграционного потока от количества населения в районах выхода и вселения существует в человеческом обществе для нескольких, а возможно, и для всех общественно-исторических формаций. Однако основываться на количестве населения как постоянном и цельном факторе «демографической силы тяготения» и трактовать вышеуказанную тенденцию как единый и неизменяемый закон представляется преждевременным.

На самом деле фактор этот комплексный, переменный и внутренне противоречивый, его составляющие могут одновременно действовать в разных направлениях, направление и сила действия отдельных составляющих могут меняться, сама равнодействующая всех составляющих (многие из которых еще пока не познаны) может изменяться от конкретно-исторических условий. Тенденция эта в каждом конкретном случае выражается численными величинами с большой степенью расхождения, математическое объяснение которым мы дать пока не можем.

Представляется, что основу для полной оценки действия фактора «количество населения», как и других комплексных факторов, может дать дифференцированный подход к их социально-экономическому содержанию.

3. При прочих равных условиях общая готовность к миграции уменьшается с увеличением плотности населения региона выхода.

4. При прочих равных условиях общая привлекательность мигрантов извне уменьшается с увеличением плотности населения регионов вселения. Эта тенденция усиливается или ослабляется повышением или понижением уровня комплекса условий проживания и в особенности такими основными частями комплекса, как

комфортные природно-климатические условия (Южный район) и государственная политика льгот и преимуществ (Дальневосточный район).

5. Отношение въехавших в район извне (внешние мигранты) к переместившимся внутри него (внутренние мигранты), определенным образом характеризующее привлекательность района, с повышением комплекса природных и социально-экономических условий проживания повышается, оставаясь менее 1, с резким скачком до 1,67 для Южного района. Отметим этот скачок, связав его с тем, что в состав Южного района входят Крымская, Николаевская, Одесская, Херсонская области, отличающиеся наиболее благоприятными природно-климатическими условиями.

6. Доля горожан среди внутренних мигрантов пропорциональна доле горожан среди населения региона и в среднем на 30 % меньше нее, т.е. внутри регионов сельское население мигрирует охотнее, чем городское.

7. При прочих равных условиях доля горожан среди выехавших из региона в среднем равна доле горожан среди его населения, т.е. общая готовность к внешним миграциям у сельского и городского населения одинакова.

8. Связь урбанизированности миграционного потока извне с урбанизированностью населения региона вселения не установлена. Разложение миграционного потока в каждом из регионов по разнотипным населенным пунктам выхода дает резко выраженную привлекательность Дальнего Востока для выходцев из внерайонных городов с населением свыше 100 тыс. чел. – до 39 % от всех внешних мигрантов. Более того, каждый пятый из прибывших на Дальний Восток извне – выходец из города с населением более 500 тыс. чел., из других экономических районов страны. Представляется возможным, что дифференциация миграционного потока по типам населенных мест выхода и вселения в сопоставлении с общей оценкой условий районной позволит выявить тенденции изменения урбанизированности входящего потока.

9. С увеличением расстояния до района вселения возрастает относительная готовность к миграции в него городских жителей района выхода, т.е. чем длиннее путь миграционного потока, тем больше в нем доля горожан, тем больше урбанизирован поток.

10. С увеличением расстояния до района вселения избирательность миграции в него по району выхода уменьшается. Стабильным исключением повышенной избирательности служат районы вселения с повышенным комплексом природных условий проживания

(особенно резко – Южный район), а также районы вселения, на которые распространено действие материальных льгот и преимуществ при переселении, особенно Дальневосточный.

Приведенные зависимости и тенденции, имея общее значение для дальнейшего изучения процессов свободного перемещения человеческих масс в определенных общественных исторических и географических условиях, дали также возможность выдвинуть следующие предположения о количественных и качественных характеристиках миграционных потоков в районы нового освоения.

Объем миграционного потока извне в районы нового освоения с увеличением расстояния от района выхода должен уменьшаться; с увеличением населения района выхода и района вселения – расти; с резким улучшением в районе вселения комплексов условий проживания или его важнейших компонентов – расти.

Привлекательность района нового освоения: с увеличением расстояния от района выхода и повышением уровня социально-экономического развития района выхода должна уменьшаться; с резким улучшением в районе нового освоения комплекса условий проживания или его отдельных компонентов – увеличиваться.

Урбанизированность миграционного потока: с увеличением расстояния от района выхода и с увеличением урбанизированности населения района выхода должна расти; с резким улучшением в районе вселения комплекса условий проживания или его отдельных компонентов – расти.

Анализ материалов переписи населения 1970 г. и других данных по десяти регионам нового освоения, расположенным на Крайнем Севере и в приравненных к нему районах, подтвердил достоверность предположений и позволил выявить некоторые особенности действия в этих районах вышеприведенных общих тенденций, установить их значение и степень влияния во взаимодействии и в конкретных условиях регионов.

Проблемы формирования и размещения населения на Дальнем Востоке: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ НОВОГО ОСВОЕНИЯ

Задачи формирования и размещения населения в районах нового освоения не могут быть правильно решены без знания качествен-

ных характеристик населения. Анализ миграционных потоков в эти районы дал основания для следующего предположения: население районов нового освоения по уровню социального развития должно быть выше среднего уровня для населения наиболее развитых регионов СССР.

Исследования проводились по семнадцати районам Севера, Сибири и Дальнего Востока, классифицированным по состоянию на 1970 г. по следующим признакам: льготы и преимущества для жителей; темпы развития, условно определяемые темпами роста населения; численность и урбанизированность населения и доля в нем коренного.

Группа

Ia - Камчатская, Магаданская, Мурманская области, Чукотский национальный округ.

Iб - Якутская АССР и Ямало-Ненецкий национальный округ; районы с максимальными льготами, экстремальными природными условиями, интенсивно развивающиеся.

IIa - Долгано-Ненецкий, Корякский, Ненецкий национальный округа.

IIб - Эвенкийский национальный округ: районы с максимальными льготами, экстремальными природными условиями, развивающиеся неинтенсивно.

IIIa - Сахалинская область и Коми АССР.

IIIб - Хабаровский край и Ханты-Мансийский национальный округ: районы со смешанными льготами, экстремальными или близкими к ним природными условиями, развивающиеся со средней интенсивностью.

IV - Иркутская, Томская, Тюменская области: районы с минимальными льготами, с наименее отличными от средневропейских природными условиями, относительно давно (более 100 лет) осваиваемые, развивающиеся со средней интенсивностью. Социальные характеристики населения сопоставлены с другими районами страны сравнимого таксономического ранга. При этом учитывались определяюще важные социальные характеристики, такие, как классовый состав, отношение к собственности на средства производства, занятость производительным трудом, развитость системы обслуживания и занятость в сферах, обслуживающих производство, население, обще- и внерегиональные функции; степень развития и значения личного хозяйства.

В соответствии с общей для СССР тенденцией, в исследованных районах абсолютно и в доле увеличивается часть населения, свя-

занная с государственной собственностью на средства производства, т.е. рабочие и служащие. Особенность в том, что (за исключением районов с большим количеством коренного населения, занятого традиционными формами сельского хозяйства) доля этой социально наиболее развитой части населения с 1959 по 1970 г. резко повышена по отношению к средней в РСФСР и находится на уровне наиболее индустриально развитых районов страны. Количество рабочих отличается такой же тенденцией.

Динамика категории рабочих имеет другую особенность: за период с 1959 по 1970 г. доля рабочих в населении уменьшилась в 22-х из 210 регионов СССР сравнимого таксономического ранга, в том числе в 12 городах-столицах; в областях: Московской, Донецкой, Астраханской и Карело-Финской АССР, а также в Камчатской, Мурманской, Сахалинской областях, Хабаровском крае, Ненецком, Корьякомском национальных округах. В остальных районах за этот период доля рабочих увеличилась, но в значительной степени за счет резкого (до 10 раз) сокращения доли колхозников. Повышена доля служащих; в 1959 г. выше средней по РСФСР она была в 15, а в 1970 г. - в 14 районах.

Проявление этих тенденций усиливается от регионов группы IV к группе I.

Общий вывод: социальный состав населения, особенно в группе I, относится к наиболее развитым в СССР; по тенденциям развития совпадает с наиболее развитыми районами страны; по отдельным показателям сравним с составом наиболее урбанизированного и социально развитого населения, концентрированного в крупных и сверхкрупных городах. Занятость в общественном труде отражает не только степень использования трудовых ресурсов, но и возможности социального развития населения, а также его потребности в общественно организованном обслуживании, и в связи с этим, степень развития системы обслуживания или готовности населения отказаться от удовлетворения какой-то доли потребностей в обмен на льготы.

В большинстве районов доля занятых во всем населении и в его трудоспособной части стабильно выше средней по РСФСР. Общая тенденция развития показателя с 1959 по 1970 г. совпадает с тенденцией по СССР и РСФСР - доля занятых постоянно повышается. Районы, экстремальные по природным условиям, уровню льгот, транспортной доступности, имеют экстремальный уровень занятости, сравнимый с занятостью в наиболее развитых районах Центральной зоны страны, давно считающихся труднедостаточными.

Высокий уровень урбанизированности населения в исследованных районах достаточно освещался в литературе. Для нашего вопроса дополнительно можно отметить такие моменты. В большой степени уровень урбанизированности зависит от количества коренного населения, занимающегося традиционными формами сельского хозяйства. Новое экономическое освоение связано с промышленными формами хозяйства, а они полностью урбанизируют связанное с ними население во всех районах. В большинстве районов, особенно находящихся в экстремальных условиях, большая часть городского населения, а зачастую и всего населения региона, сосредоточена в одном - центральном - городе, т.е. достигающем высшего уровня урбанизированности.

Показатель занятости физическим и умственным трудом отражает такие важные социальные стороны, как степень автоматизации и механизации труда; степень развития сфер, обслуживающих производство и население, внутри и внерегиональные функции, уровень потребностей населения и дифференциацию их по видам.

Районы характеризуются исключительно высокой долей работников умственного труда. В 1970 г. в РСФСР выше 32 % работников этой категории имели только Москва и Ленинград, Калининградская и Московская области, Приморский край и II группа рассматриваемых регионов. Из работников умственного труда большая часть относится к обслуживающей группе - во всех рассматриваемых регионах она в 1,5-2 раза выше среднереспубликанского уровня. Уровень образования рассмотрим только для занятого населения, т.е. части населения наиболее активной, динамичной, формирующей общественно необходимые потребности в регионе. С 1959 по 1970 г. степень образования во всех районах повысилась.

Районы групп IV и II стабильно держатся около среднего для РСФСР уровня, районы группы I и особенно I а намного его превосходят.

В анализе показателя «семейность» остановимся на количестве одиночек и членов семей, проживающих отдельно от семей, но связанных с ними бюджетом. Во-первых, это категория фактически и потенциально повышенной трудовой и общественной активности. Во-вторых, эта категория лиц в бытовом, социальном, да и физиологическом смысле неустроенна и требует специфичной структуры обслуживания. В-третьих, эта категория лиц, как отмечалось неоднократно, характерна для районов с пониженным комплексом условий проживания, но высоким уровнем оплаты за труд. С 1959 г. по 1970 г., в соответствии с общей для РСФСР тенденцией, в исследо-

ванных районах доля этой категории лиц снизилась, оставаясь в 14 из 17 районов выше среднереспубликанского уровня. Но эта доля в районах группы I совпадает с максимальной в СССР, сложившейся в таких городах, как Вильнюс, Таллин, Кишинев, Минск, Киев, Ленинград.

Дать полную оценку такому совпадению можно только после анализа этой категории лиц по социальному, половому, возрастному составу, образованию и т.п. Однако связь их с льготами и повышенной интенсивностью развития района, в одном случае, и с повышенным уровнем развития социально-экономической структуры, в другом, позволяет высказать предположение об определенном родстве интересов и потребностей одиночек и отдельно проживающих.

Возрастной состав населения широко анализировался в литературе, поэтому остановимся только на одном аспекте. Возраст человека - категория не только физиологическая, но и социальная, рассмотрим две возрастные группы, представляющиеся наиболее значимыми по социальной роли. В 20-39 лет люди обладают повышенной трудовой активностью, организуются в семьи, становятся родителями, на этот возраст приходится период максимального профессионального и социального роста; эта группа наиболее динамична, пространственно мобильна, повышен её трудовой потенциал и тяга к развитию. Именно она активно формирует уровень потребностей населения. Группа населения в 55-60 и свыше лет - с малыми доходами, уменьшенными потребностями. У этой группы особая, можно сказать, цементирующая социальная роль в обществе. Она - носитель житейской мудрости, высших знаний и опыта, традиций и привычек.

Доля группы в 20-39 лет по сравнению со среднереспубликанскими повышена: районах с высокими темпами развития в сочетании с высоким уровнем льгот - на 30-50%; в районах с одним из этих качеств - на 10-30%.

Доля возрастной группы свыше 50 лет во всех исследуемых районах меньше среднереспубликанской в 1,5-5 раз, причем она снижается от районов групп IV и II к группе I. Если принять среднее по РСФСР соотношение между возрастными группами за близкое к общественно необходимому для постоянного населения, то можно утверждать, что в исследованных районах, особенно в интенсивно развивающихся, существует резкая диспропорция между возрастной группой, созидающей, и возрастной группой, стабилизирующей общественное развитие. Целенаправленное приведение

социальной структуры населения к общественно необходимой - одно из условий планомерного создания постоянного населения. Можно сделать краткие выводы:

1. Уровень социального развития населения, формирующегося из мигрантов в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока, повышен.

2. Существует тесная связь неоднородности социальных характеристик населения с комплексом социально-экономических условий развития.

3. Уровень социального развития населения по сравнению со среднереспубликанским: в районах с высокими льготами, но не охваченных интенсивным освоением, - незначительно повышен; в районах с высокими льготами, интенсивно развивающихся, - резко повышен; в районах со средними льготами, относительно давно осваиваемых, - одинаков; в районах с минимальными льготами, относительно давно осваиваемых, - по некоторым показателям понижен.

4. В районах с экстремальными природными условиями, максимальными льготами и интенсивно развивающихся, уровень социального развития населения превосходит уровень наиболее развитых регионов СССР сравнимого таксономического ранга и близок к высочайшему в стране крупным и крупнейшим городам - столицам.

Причины высокого уровня характеристик населения у каждого региона свои. В одном случае - в высоком уровне труда, науки, быта, культуры, сосредоточения внерегиональных функций с привнесением потребности в повышенном доходе. В другом - в большом доходе с привнесением потребности в высоком уровне труда, быта, культуры.

Своеобразны пути развития этих регионов. Но одно общее у них есть. Можно утверждать, что средний общественно необходимый уровень реальных духовных и материальных потребностей и запросов населения этих регионов близок, сравним, так как зависит от степени развития населения.

Опираясь на эту объективно существующую основу, мы можем с большей степенью вероятности решать задачи формирования населения в этих районах.

*Исследования регионального расселения:
Материалы науч.-практ. конф. -
Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978.*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОГО ПОТОКА В РАЙОНЫ НОВОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Общеизвестно, что в таких районах нового освоения, как Магаданская, Сахалинская, Камчатская, Мурманская области, Якутская АССР, основной источник прироста населения - мигранты. Для решения многих как специальных (районной планировки, экономических, градостроительных), так и общих задач освоения, кроме численности миграционного потока, необходимо знать его качественные и количественные характеристики.

В исследовании ставилась задача выявить зависимость уровня социального развития мигрантов от определенных характеристик районов вселения. Были выбраны 10 административно-территориальных единиц, отнесенных к районам Крайнего Севера или приравненных к ним и классифицированных по уровню льгот и преимуществ, по темпам развития, условно определяемым ростом населения; по доле коренного населения, общей его численности и урбанизированности.

К группе I а отнесены Камчатская, Магаданская, Мурманская области; к группе I б - Якутская АССР; III а - Сахалинская область и Коми АССР; III б - Хабаровский край, IV - Томская, Тюменская, Иркутская области.

Рассматривались: объем потока, привлекательность и избираемость регионов; относительная подвижность горожан в них; отношение дальних мигрантов к ближним. Исследования выполнялись по методике, - применяемой для расчета общих тенденций миграции между экономическими районами страны. Материалами исследования послужили данные переписи населения 1970 г. За районы выхода приняты экономические районы СССР.

Исследуемая форма миграций: свободное, материально поощряемое перемещение; в пределах замкнутого государственного образования; в социально-экономически осваиваемый регион, без развитой или со слабо развитой социально-экономической инфраструктурой, слабозаселенный, с природными условиями, умеренно или экстремально не соответствующими районам выхода основного потока мигрантов.

По признаку соответствия общим закономерностям миграций выводы могут быть введены в две группы. Первая - миграции подчинены в основном общим тенденциям. Эти совпадения подтверждают единую природу миграций. И, как следствие, вторая группа

(отклонение от общих правил, противоречие им) позволяет выявить частные тенденции и закономерности для конкретных форм и разновидностей миграций.

Начнем с отношения дальних мигрантов к ближним.

Из 145 регионов СССР только в 13 этот показатель больше единицы.

В Крымской области, Москве и Ленинграде, а также Магаданской и Мурманской областях этот показатель превышает 1,5. От единицы до полутора - в Одесской, Херсонской, Николаевской, Астраханской областях, Краснодарском крае, а также в Камчатской области, Якутской и Коми АССР. В остальных регионах показатель находится на уровне среднего для всех экономических районов страны.

Перед нами ярко выраженная особенность: миграционные перемещения в регионы группы I не подчиняются общей зависимости от расстояния. Они имеют повышенную притягательность для мигрантов из-за пределов своего экономического района. По группам регионов получаем данные об экономических районах, поставляющих наибольшую долю мигрантов: в группу I а - из Центрального, Северо-Кавказского, Донецко-Приднепровского и Южного районов, в них проживает около 1/3 населения страны, въезжает около 1/2 всех внешних мигрантов; в группу III а - из Центрального и Северо-Кавказского районов, население которых около 1/5, доля мигрантов - 1/3; из Западно-Сибирского - с населением 5 %, мигрантов около 13 %; в группу I б - из Северо-Кавказского района, удельный вес населения около 7%, мигрантов до 12%, а из Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского районов с населением около 10% - мигрантов около 40%. Миграционные потоки в районы групп III б и IV формируются в полном соответствии с увеличением расстояния.

Общая привлекательность последовательно снижается при переходе от группы I к группе IV. Привлекательность в общем соответствует обратной зависимости от расстояния, но из отдельных экономических районов превышает ожидаемую: из Северо-Кавказского экономического района - в Камчатскую, Магаданскую, Сахалинскую области, Якутскую и Коми АССР в 3-7 раз, из Южного - в Камчатскую, Магаданскую, Мурманскую области в 3-5 раз, из Донецко-Приднепровского - в Магаданскую область в 5 раз.

Для показателя избирательности определяющим фактором являются темпы развития и уровень льгот; влияние фактора "расстояние" проявляется фоновое, сопутствующее. Наиболее подчинена

льготам и наименее - расстоянию избирательность из Южного, Северо-Кавказского, Донецко-Приднепровского, Центрально-Черноземного, Юго-Западного и Центрального районов.

Анализ привлекательности и избирательности миграционных потоков показывает, что чем выше группа исследуемого региона, т.е. чем интенсивнее темпы его развития, чем больше в нем льгот и преимуществ, тем в больших количествах, с большей готовностью едут в него мигранты из наиболее развитых, родственных в национальном отношении экономических районов страны.

Ответ на вопрос о социальном составе мигрантов можно получить только по данным о месте выхода - город или село. Этих данных, конечно, немного; хотелось бы иметь широкий комплекс социальных характеристик мигрантов. Но этих данных и не так уж мало, если учесть, что показатель "урбанизированность" косвенно и в обобщенном виде отражает уровень социального развития мигранта, классовую принадлежность, отношение к формам собственности на средства производства, образование, род занятий, уровень потребностей, привычку к структуре производства, обслуживания, быта.

Начнем с общей урбанизированности потока. В экономические районы страны извне въезжает в основном до 68 % горожан, только в Донецко-Приднепровский - 86,7%. В Хабаровский край, Коми АССР, Мурманскую, Иркутскую, Томскую, Тюменскую области (в соответствии с общим соотношением) въезжает извне экономических районов 62 – 67% горожан. Но в Камчатскую область из-за пределов своего района въезжает горожан 80%, в Сахалинскую область и Якутскую АССР - по 82%, в Магаданскую область – 87%.

Эти цифры показывают, что наиболее отдаленные районы с высокими льготами в большей степени притягивают к себе жителей городов, т.е. наиболее развитую часть мигрирующего населения.

Рассмотрим частную урбанизированность потоков из отдельных районов выхода, т.е. отношение количества горожан района А, выехавших в район Б из каждой тысячи горожан района А, к количеству сельских жителей района А, выехавших в район Б из каждой тысячи сельских жителей района А.

В соответствии с общей закономерностью частная урбанизированность возрастает с увеличением расстояния. Особенность в том, что чем выше группа региона, тем больше показатели частной урбанизированности.

При миграциях между экономическими районами частная урбанизированность превышает значение 3 только в 5 из 220 направле-

ний. Этот показатель имеет значение более 3 в Магаданскую область по 12 направлениям, в Камчатскую область и в Якутскую АССР — по 7, в Сахалинскую область - по 8, в Мурманскую - по 3, в Томскую - по 2, Тюменскую - по 1 направлению. Его абсолютное значение в наиболее отдаленные с высокими льготами районы достигает 14, 8.

Сравнение частной урбанизированности миграционных потоков по районам выхода показывает наивысшее его значение для потоков, проходящих из Северо-Кавказского, Южного, Юго-Западного, Донецко-Приднепровского экономических районов, т.е. из наиболее благоприятных в природном отношении.

Подведем итоги.

1. Разнообразие социально-экономических условий районов вызывает неоднородность качественных и количественных характеристик, входящих в них миграционных потоков.

2. Отклонения от общих тенденций миграций тем больше, чем выше темпы развития, льготы и преимущества в регионе и чем отдаленнее он от районов - основных источников мигрантов.

3. В исследуемые регионы в повышенной доле едут выходцы из экономических районов, родственных в национально-этническом отношении, социально и экономически наиболее развитых и (или) расположенных в наиболее благоприятных природных условиях. Доля эта тем выше, чем интенсивнее развивается регион и чем выше в нем уровень льгот и преимуществ для населения.

4. От этих же показателей прямо зависят и повышенная привлекательность их для горожан вообще и в большей степени для горожан из экономических районов с благоприятными природными условиями.

Основной вывод может быть сформулирован так: миграционный поток в исследуемые районы, особенно в отдаленные, экстремально неразвитые и климатически неблагоприятные, с высокими темпами развития и высоким уровнем материальных льгот и преимуществ - в значительной доле состоит из лиц, средний уровень социального развития которых выше не только среднесоюзного, но и среднего уровня населения экономических районов СССР, наиболее развитых в социально-экономическом отношении и благоприятных по природным условиям.

Поскольку цифровой материал, на котором основан этот вывод, охватывает малый отрезок времени, можно говорить о действии этой тенденции только для конца 60-х - начала 70-х годов. Для более ранних исторических периодов основную массу мигрантов в

районы Севера, Сибири и Дальнего Востока составляли выходцы из села. В развитии процесса следует учитывать общие закономерности и тенденции периода развитого социализма. В целом можно предположить, что в предстоящий период качественный состав миграционных потоков в интенсивно развивающиеся районы Севера, Сибири и Дальнего Востока при высоких льготах должен сохранить тенденции к увеличенной доле мигрантов - выходцев из средних, больших, крупных городов и выходцев из наиболее развитых районов страны и районов с наиболее благоприятными природными условиями для проживания.

Эту тенденцию следует учитывать при разработке, постановке и осуществлении задач формирования населения.

*Исследования регионального расселения:
Материалы научн.-практ. конф. – Владивосток:
ДВНЦ АН СССР, 1978.*

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ

Система государственного устройства в России предусматривает для субъектов Федерации два типа образований: государственно-национальное и национально-территориальное (автономные республики области, округа) и административно-территориальные (края, области). Многие исследователи и практики признают эту систему неудачной, в частности – для регулирования национальных отношений. Здесь эта система не анализируется в целом, а принимается как данность, поскольку рассматриваемая проблема существует уже общегосударственной.

Проблема очевидна, но говорить о ней не принято. Между тем, она содержит достаточно мощный дестабилизирующий потенциал. Проблема состоит в политических и экономических следствиях того обстоятельства, что вновь сформированное «пришлое» население составляет демографическое большинство в административных округах, образованных с целью представления интересов народов Севера.

Межнациональные отношения с участием русского этноса на Севере России имеют многовековую историю. Общественные процессы периода феодальной колонизации считаются жестокими и далекими, по времени и содержанию, прошлым. Представляется, что некоторые основные черты процессов развития Севера преем-

ственны достаточно долгое время. Например, до последнего времени сохраняется отсталость народов Севера в уровне общественного развития от населения метрополий, что является основой для вольной или невольной дискриминации. Колониальная сырьевая ориентация освоения сопровождается неэквивалентным обменом. Экстенсивное освоение отдельных видов биологических ресурсов приводит к быстрому их истощению или полному истреблению. Для феодального периода характерны и особенности, сопоставление с которыми позволяет выделить общие механизмы развития. Оседание на постоянное проживание незначительной части колонизирующего Север населения сопровождалось быстрым сближением, почти слиянием ее по образу жизни с коренным населением: следствием уровня производительных сил, основанных на примитивном собирательстве биологических природных ресурсов в экстремальных природных условиях. В населении районов Севера преобладают коренные народы, сохраняющие родоплеменную организацию и не имеющие самостоятельных форм государственного устройства.

В период с момента твердого установления советской власти до настоящего времени в развитии Российского Севера появились иные общие черты. Основой экономического развития стало индустриальное освоение в основном невозобновляемых природных ресурсов: минеральных, топливно-энергетических, лесных, а также создание транспортной инфраструктуры. Общегосударственное значение развиваемой на Севере экономики и ее крупные масштабы стали основой для создания здесь соответствующих индустриальным формам производительных сил городских систем расселения. Быстрорастущее по численности население формировалось мигрантами из более заселенных районов СССР, в основном из средней и южной полосы европейской части РСФСР и Украины. Ориентированная на интернационализм государственная национальная политика в сочетании с индустриальными формами экономики способствовала формированию на Севере и Дальнем Востоке многонационального «пришлого» населения, не знающего национальных проблем. Для решения реально существующих национальных проблем народов Севера государство, в особенности в первые десятилетия, проводило целенаправленную политику ускоренного общественного развития этих народов. В целях защиты их национальных интересов на рубеже 1920 – 1930 годов были сформированы национально-государственные образования народов Севера – национальные (автономные) округа. Социально-экономические интересы этих народов обеспечивались централизованными дотациями. Главной

реальной функцией системы автономных округов оказалась функция канала распределения дотаций, при этом они распределялись безадресно и, как правило, рассредоточивались не только на коренное, а на все население округов. Доля народов Севера, между тем, снизилась до четверти и менее от численности населения своих автономных округов. В условиях жестокой централизации политической власти и ведомственной раздробленности экономики к 1980-м годам на Севере развились острейшие социально-экономические и экологические проблемы, затронувшие базисные природно-ресурсные основы существования народов Севера.

Разрушение тоталитарной системы управления, импровизационные поиски путей к демократии и рыночной экономике, регионализация власти и управления, спонтанное наполнение существующих форм государственного устройства новыми функциями породило множество противоречий. В условиях глубочайшего структурного кризиса (объективный фактор) и слепого обыгрывания политиками национальных различий (субъективный фактор) это привело к глубоким межнациональным конфликтам и распаду СССР, нарастанию национальных противоречий в России.

В районах Севера эти противоречия пока не приняли острых форм, но в скрытых формах, потенциально могущих обостриться, они есть. Одно состоит в следующем. Исторически сохраняющееся отставание в общественном развитии народов Севера (масштабы и формы отставаний – предмет дискуссий, само отставание – факт) требует проведения государственной политики, протекционизма социально-экономическим и экологическим интересам этих народов. Старые формы государственного устройства, созданные для защиты интересов народов Севера, когда эти народы были подавляющим большинством населения в своих округах, в новых условиях объективно не способны обеспечить такую защиту.

При строгом соблюдении демократических процедур народы Севера не будут иметь необходимого большинства в органах власти своих автономных округов – и представителей своей национальности в качестве депутатов в федеральных органах власти. В механизме рыночной экономики социально-экономические интересы народов Севера неизбежно будут подавляться и, не исключено, – в жестких дискриминационных формах. Парадокс ситуации состоит в том, что повышенный уровень прав автономных округов Севера в конечном счете не обеспечит защиту интересов народов Севера, а станет средством дополнительной их дискриминации, вуалирования этой дискриминации. Дополнительные права будут использо-

ваны в интересах более многочисленного и социально-развитого населения районов Севера, в национальной структуре которого преимущественно представлены русские и украинцы.

Очевидно, что для исторически необходимой защиты социально-экономических и экологических интересов народов Севера должны быть применены соответствующие современным условиям методы. Разработка таких методов должна стать одним из ключевых разделов национальной политики, формирование которой для новых социально-экономических условий, к сожалению, затянулось. Могут быть рассмотрены такие методы защиты интересов этнических меньшинств, как культурная автономия, адресные дотации, определение статуса и закрепления территорий традиционного природопользования, предоставление дополнительных прав не автономному округу в целом, а органам власти или местного самоуправления в местах компактного проживания с устойчивым большинством народов Севера в населении, предоставление права выбора в федеральный орган власти (или иной орган) представителя от **НАРОДА**, а не от **территории**.

Регион. Проблемы межнациональных отношений в России: Материалы Всерос. конф. (Омск, 1993 г.). – Омск, 1993.

РАЙОНИРОВАНИЕ И КОМПЕНСАЦИИ НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ

Районирование осваиваемых северных районов, в том числе в связи с дифференциацией компенсаций населению, определяется главной целью, в зависимости от которой устанавливаются его критерии, масштабы, иерархичность. Эта цель – регулирование социально-экономических процессов. В целевой блок входят и компенсации населению. Он определяет систему и содержание методов регулирования, их непротиворечивую ориентацию.

Постепенное приближение к такому положению эмпирически проявляется в истории районирования Севера России, начиная с 1923 г. До конца 50-х годов оно было ориентировано на две группы целей. *Первая* связана с организацией освоения, снабжения и строительства в специфических по природным условиям и труднодоступных северных районах. Вторая – с дифференциацией заработной платы специалистов из других районов страны, стимулированием их приезда на конкретном месте работы на конкретный срок. Основное содержание этой группы целей может быть определено как обеспечение развития новых отраслей хозяйства Севера кадрами, а

социального развития северных регионов - квалифицированными специалистами за счет трудовых ресурсов других регионов страны. В начале 60-х годов, под давлением потребностей в трудоустройстве усложнившихся народнохозяйственных комплексов, а также под воздействием интересов сформировавшегося на Севере специфического по социально-демографической структуре населения, льготы и компенсации были распространены на всех трудящихся региона, а не только на приезжих. Основное содержание методов стимулирования сохранилось, однако поле применения этих методов расширилось на всех занятых в народном хозяйстве.

При этом проявились постоянно возникающие коллизии. Методы остались ориентированными только на трудящихся, в то время как для формирования трудовых ресурсов требовалось воздействие на население в целом. Постепенная гуманизация общества объективно требовала распространения методов социального регулирования с трудящегося – на человека, с трудовых ресурсов – на население.

Неадекватность исторически сложившейся к 80-м годам системы районирования новой социально экономической ситуации проявлялась и в том, что обнаруживалось все меньшее соответствие сетки районирования реальному природному и социально-экономическому разнообразию районов, а системы льгот и компенсаций – реальным интересам населения в целом, в том числе обострившимся проблемам развития народов Севера. Своеобразие вахтовых и экспедиционных методов организации освоения, применяющихся во все более широких масштабах, требовало и своеобразных методов трудоустройства, не вписывающихся в существующие.

Потребность в корректировке районирования в конце 80-х – начале 90-х годов возникла как объективная необходимость перехода к следующему этапу не только районирования, но и в целом организации человеческой деятельности на Севере. Необходимость эта вызвана постепенным смещением социально-экономических ориентиров развития районов Севера с разрозненного решения отдельных, хотя и важных, на решение комплекса вопросов, из которых, в силу взаимосвязанности и сложности социально-экономической и экологической проблематики, ни один не может быть исключен из числа приоритетных.

Назовем для примера лишь некоторые наиболее крупные из этих проблем: экономически эффективное и экологически допустимое освоение имеющих общегосударственное значение природных ресурсов Севера; развитие населения на основе общечеловеческой

выработанной системы прав и свобод, социально ориентированной парадигмы, в соответствии с исторически долговременной стратегией освоения конкретных регионов, принятой на общегосударственном уровне; обеспечение условий социально-экономического развития коренного населения. Сложившаяся в настоящее время система районирования Севера строится по критериям комфортности проживания людей одного, достаточно строго определенного типа: выходцев из средней и южной полосы России и Украины, недавно прибывших на Север, нуждающихся в адаптации к его природным и социально-экономическим условиям. При таком подходе даже безупречно объективно и полно представленные характеристики климата не обеспечат взаимосвязанного решения проблем освоения, поскольку применяются опосредованно через достаточно узкую и быстро меняющуюся целевую установку.

Как пример противоречий, возникающих вследствие недостаточного учета целеполагания в районировании Севера, можно привести следующий.

В научной литературе, предваряющей разработку Схемы районирования Севера России для утверждения ее в качестве правовой нормы, цель районирования не сформулирована, да и сама проблема постановки цели не обозначена. В качестве положения, которое можно принять за имеющее целеполагающее значение, называется комфортность проживания населения, прибывшего на север из обжитых районов. Это положение определяет отбор критериев районирования «по природным условиям жизни населения», «по степени дискомфорта условий жизни населения», «по критерию дискомфорта», «по возможности адаптации» [1].

В законодательстве определения такой же цели тоже нет. В качестве целевой установки для районирования Севера можно принять положение, закрепленное в Преамбуле соответствующего Закона РФ: «Государственные гарантии и компенсации по возмещению дополнительных материальных и физиологических затрат граждан в связи с работой и проживанием в экстремальных природно-климатических условиях Севера» [2].

Очевидно, что совпадая в частности, названные целевые установки не совпадают в главном. В одном случае – комфорт. В другом – выплаты. В одном – проживание. В другом – не только проживание, но, в первую очередь, работа. В одном случае – речь идет о населении, что недвусмысленно должно означать только ее население. Однако при определении критериев задача ограничивается только частью населения, не успевшего адаптироваться после при-

бытия на Север из средней и южной зон. В другом случае речь идет об отдельных гражданах, то есть, очевидно, не обо всем населении (о возмещении, связанном не со всей жизнедеятельностью этих граждан, а только с отдельными ее проявлениями, связанными с дополнительными материальными и физиологическими затратами). Кроме того, обе целевые установки никак не связывают районирование Севера с дифференциацией социально-экономических условий, косвенно влияющих на население через системы налогообложения, ценообразования, льгот по поставкам и т. п.

Учитывая важность целеполагания для районирования Севера, можно предложить понятие такой цели, сформировавшееся на основе анализа общих методологических положений о районировании как методе системного подхода к изучению пространственных структур, а также на основе изучения отечественного и мирового опыта районирования северных и иных регионов. Для обсуждения предлагается следующая общая формулировка: районирование выполняется с целью разработки специфичных форм государственного регулирования социально-экономических процессов в регионах, где природные и связанные с ними социально-экономические условия существенно отличаются от условий экономически развитых регионов страны.

Наверное, эта формулировка небезукоризненна, но представляется достаточно конструктивной. Введение в нее конкретных характеристик отдельных типов районов позволяет дифференцировать районирование на все категории, с которыми сталкивается практика вследствие резко выраженной специфики природных условий: север, высокогорье, пустыни, приморские зоны и т.д. Она позволяет обеспечить единый методический подход для решения однородных проблем и обеспечения комплексности оценок в регионах с разнообразными сочетаниями природных особенностей. На единой методической основе может быть создана комплексная система методов регулирования региональных социально-экономических процессов в специфичных природных условиях; в эту систему включаются не только гарантии и компенсации трудящимся и проживающим, но и методы налогообложения, кредитования, ценообразования, снабжения, транспортного обеспечения, инвестирования, строительной политики и т.п. Эта формулировка позволяет рассматривать население региона как целостность и, в то же время, дифференцировать его по основным типам потребностей: коренное, постоянное, сезонное и т.п.

Один из характерных примеров пренебрежения целеполаганием

– сложившаяся в начале 90-х годов политика в отношении районов Севера. На фоне общей установки на самоорганизацию экономических субъектов и ликвидацию ответственности государства за трудоустройство трудоспособного населения эта политика не сформулирована официально, а названа в форме тезиса о «перенаселенности» Севера.

В качестве расселенческой целевой установки для Севера можно принять следующую: в конечном счете численность и социально-демографическая структура населения в отдельных районах Севера должны соответствовать их природно-ресурсному потенциалу, экологическим условиям и геополитическому значению. Этим должна определяться дифференциация расселенческих целей в районах Севера, чрезвычайно разнообразных.

Проводимая в 1991 – 1993 гг. общегосударственная расселенческая политика в отношении всего Севера ориентирована на экономическое понуждение населения к стихийному выезду из всех северных районов, перемежаясь импульсивными разовыми дотациями отдельным предприятиям и регионам в ситуациях, когда назревает социальный катаклизм.

Спонтанность политики в решении расселенческих вопросов в России имеет исторические корни. Применение при этом не уголовно-правовых и административных, а иных методов – снижение жизненного уровня, ликвидация рабочих мест, свертывание транспортного и энергетического обеспечения и т.п. - меняет только их форму, но не насильственное содержание. Не останавливаясь на подробном анализе методов, можно предвидеть некоторые результаты такой политики, прогнозируемые на основе известных механизмов миграций.

Первыми группами населения, «вымываемого» с Севера снижением доходов и уровня жизни, сокращением рабочих мест и другими известными экономическими средствами, окажутся трудоспособные, высококвалифицированные, социально и экономически активные, миграционно наиболее подвижные. Именно эти группы незаменимы для функционирования добывающих отраслей общегосударственного значения и основных вспомогательных отраслей и социальной сферы.

В процессе этих миграций Север будет все более перегружаться (относительно) населением социально-экономически неактивным, миграционно малоподвижным, нуждающимся в поддержке. Снижение уровня жизни и деградация отраслей инфраструктуры (энергообеспечение, транспорт и т.д.) создадут такой экономический и со-

циальный пресс, что государство, не желая терять образ «гуманного», будет вынуждено увеличить социально направленные, но теперь уже экономически совсем бессмысленные дотации на обеспечение прозябания оставшегося населения.

Резко сократятся и без того недостаточные трудовые ресурсы для производства в добывающих отраслях, в особенности работающих на экспорт. Предприятия увеличат стимулы для привлечения кадров из других регионов страны, что через механизм цен приведет к дополнительному снижению уровня жизни остального населения. Его обостренные социальные реакции стимулируют государство к введению четко выраженных льготных режимов для всех трудящихся на Севере, возможно – с острой дифференциацией.

Во властных структурах разовьется осознание того, что Север занимает 3/5 территории страны и, не будучи расселенчески устойчиво освоено славянским этносом, имеет историческую перспективу отделиться от России. В связи с этим государство вернется к политике (не исключено, что опять – спонтанно) заселения Севера в стратегических геополитических целях.

Приведенный сценарий развития событий может показаться гипотетическим, однако он содержит не только отдельные элементы, но и последовательность их, уже неоднократно встречавшиеся в истории освоения Российского Севера. Один из главных уроков этого освоения состоит в необходимости длительных целенаправленных усилий для накопления и поддержания даже относительно небольшого производственного и демографического потенциала. Разрушается этот потенциал легко, а способностью к самовозобновлению не обладает. Таким образом, одной из основных обязанностей правительств государств, имеющих в своем составе северные территории, является разработка и проведение исторически долговременной общегосударственной политики освоения этих территорий, ориентированной на стратегические многовековые национальные цели.

Библиография.

1. Районирование Севера России. Апатиты, Роскомсевер. КНЦ РАН, 1993/

2. Закон РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19 февраля 1993 г., № 4521 – 1.

Социологические исследования. – 1994. – №7.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЙОНИРОВАНИЯ СЕВЕРА РОССИИ

В октябре 2003 года Минэкономразвития России распространило материалы к совещанию Рабочей группы по рассмотрению вопроса о районировании Севера Российской Федерации, созданной в соответствии с приказом Минэкономразвития России от 08.09.2003. №286 [2]. В эти материалы включена «Методика оценки дискомфорта жизнедеятельности населения по природно-климатическим факторам территории Российской Федерации» (далее «Методика...»), 20 стр. текста, 11 рис., 2 таблицы).

В январе 2004 года в районах Севера России получил хождение документ с названием «Критерии и методические подходы для районирования территории Российской Федерации по природным условиям жизнедеятельности населения» (далее «Критерии...»). Автор, выпускающая организация, заказчик и дата выпуска документа не указаны. Документ содержит 27 страниц текста, с 11 рисунками и 2 таблицами.

«Критерии...» во многом аналогичны «Методике...», но содержат более развернутые положения, в связи с чем при анализе в большей степени используется представленный в них текст.

По датировке названных в этих документах исходных данных, отдельным категоричным выводам и рекомендациям можно предположить, что они разработаны не ранее 2002 года, а заказчиком является один из федеральных органов власти и управления на уровне Правительства РФ, имеющих право ставить или решать вопросы о заселении или не заселении огромных территорий страны.

«Критерии ...» и «Методика...» - не единственная и, очевидно, не последняя попытка районирования территории России (ранее СССР) и, в особенности, территорий северных. Особенной интенсивностью внесения предложений на эту тему отличается период с 1991 года до последнего времени, когда было внесено только на уровень органов государственной власти не менее 24 таких документов, часть которых была утверждена Федеральным Собранием РФ или Правительством РФ, часть осталась в проектах (см. приложение 1).

Отличительной особенностью этого периода является стремление сократить количество административно-территориальных единиц, относимых к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, где действуют государственные гарантии и компенсации для работающих и проживающих, а также – сократить виды и

объёмы этих гарантий и компенсаций. Конечная цель – сократить расходы федерального бюджета в этих районах и местностях. Такая цель в качестве долговременной, как правило, не заявлялась прямо, но с очевидностью следует из анализа совокупности вышеназванных документов. Существуют отдельные документы, в которых такая задача сформулирована и прямо. Таковы «Протокол совещания у первого заместителя Председателя Совета Министров-Правительства Российской Федерации от 15.12.1993 г. (Е. Гайдара)» и разработанный в соответствии с его поручением проект Закона Российской Федерации. В ст. 12 проекта этого Закона было предусмотрено, что «совокупный размер выплаты на одного работника районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате в месяц ограничивается шестью минимальными месячными размерами оплаты труда, установленными Советом Министров-Правительством Российской Федерации» [4]. «Критерии...» следует рассматривать в контексте такого документотворчества, частью которого они являются.

Для постановки задачи корректировки районирования Севера основания есть. В первую очередь, они состоят в том, что к районам Крайнего Севера, перечень которых сформировался в 1920-1980-е годы, разовыми нормативными актами в конце 1980-х и в 1990-е годы были отнесены дополнительные административно-территориальные единицы, и основания для этих разовых актов вызывают сомнения. Отдельными же актами утверждались различные, отличающиеся от общераспространённых в этих регионах, виды и объёмы компенсаций для отдельных ведомств и отраслей хозяйства. К ним, частично или полностью, относятся, например территории республик Башкортостан и Удмуртия; Алтайского края; Вологодской, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей, Еврейской автономной области [10]. В связи с этим, система районов Севера, где трудящимся и проживающим предоставляются компенсации, а также система этих компенсаций оказались запутанными, вызвали сомнения и требовали упорядочения. Внесение изменений в законодательство о Северных районах стало необходимым, однако, не только по этим, имеющим частный характер причинам, но и в связи с такими принципиальными обстоятельствами, как смена общественного устройства в стране, отношений собственности; изменения геополитических условий развития и т.п. [3,5,7].

При подготовке таких изменений важнейшими условиями пред-

ставляется опора на достаточно полно обоснованную научную базу, учитывающую всю совокупность социально-экономических, природных, национально-демографических, геополитических, иных факторов, формирующих тенденции общественного развития, которым должны соответствовать эти изменения. Рассмотрим в связи с этим некоторые методологические и методические особенности «районирования северных районов России», которые проявились в интенсивных попытках реформировать такое районирование в 1990-е годы.

Такая цель, как упорядочение законодательства о Северных районах, которое и в оперативном применении, и в стратегическом отношении не только регулирует социально-экономическое развитие этих районов в целом и каждого района в частности, но и влияет на развитие страны в целом, должна быть поставлена с достаточной управленческой определенностью. Без определенной цели ни управленческие действия, ни их научные обоснования не могут не быть противоречивыми, недостаточно аргументированными и в целом нерациональными.

В связи с этим, прямо поставленную в названии «Критериев ...» управленческую цель: «Для районирования территории Российской Федерации по природным условиям жизнедеятельности населения» («дискомфортность», «комфортность» и т.п.), - можно оценить не более, чем частную по отношению к организации социально-экономических процессов и к формированию населения в России в целом, в северных районах России в частности.

В исторически длительном многовековом процессе освоения территории страны с площадью около 17 млн. кв. км. и огромным разнообразием природных и социально-экономических условий, задача районирования имеет смысл только как районирование по всему комплексу условий освоения территорий. Именно так эта задача и ставилась советской наукой в 1950-1980 годы (отдельные разработки этого периода использованы в «Критериях ...»). Проблематика «природных условий жизнедеятельности населения» рассматривалось в тот период не изолированно, а во взаимосвязи с проблемами целенаправленного освоения территорий; формирования на них социально-экономических структур и типов природопользования, соответствующих экономическим, социальным, экологическим, геополитическим интересам страны; формирования на них населения методами, соответствующими природным и социально-экономическим условиям жизнедеятельности; применения адекватных региональным условиям технических средств, техноло-

гий, способов транспортного, энергетического, продовольственного, иного обеспечения регионов и т.д., и т.п. (см. работы Славина, Аграната, Назаревского, Данишевского и т.д.).

В связи с этим необходимо отметить важнейшее для постановки управленческих и научных задач объективное обстоятельство. В 1920-е-1940-е годы Советский Союз решал важнейшую для российских национальных долгосрочных интересов проблему освоения Севера. Север России был исключительно слабо заселён в основном палеоарктическими народами, живущими на стадии выхода из первобытнообщинного строя; промышленности, сельского хозяйства (растениеводства, овощеводства, животноводства), механизированного транспорта не имел. Поэтому в постановке управленческих и научных задач фигурировали понятия: привлечение населения; промышленное, транспортное, расселенческое и т.п. освоение Севера. В 1960-е–1980-е годы на Севере были в основном сформированы промышленность, транспортные системы, социальная инфраструктура, население. Характер проблемы изменился, задача освоения сменилась на задачу совершенствования структур, созданных в период экстремальных общественных условий и дальнейшего социально-экономического развития районов Севера. В управленческой и научной сфере появились понятия: базовые районы освоения; комплексное, очаговое, вахтовое освоение; формирование территориально-производственных комплексов, закрепление населения, учёт особенностей развития народов Севера в новых социально-экономических условиях и т.п.

В 1990-е годы Российская Федерация получила в наследство от Советского Союза промышленно и транспортно освоенные северные районы, со сформировавшимся путём отбора на протяжении нескольких поколений, своеобразным по социально-демографической структуре населением. Перед Россией конца XX – начала XXI века уже не стоит задача пионерного освоения и заселения районов Севера. Перед Россией объективно стоит задача рационально развивать созданное предыдущими поколениями, с учётом изменившихся национальных возможностей и новых общественных условий. В этой ситуации политически, экономически, управленчески и научно некорректно формулировать общественную цель «заселения Севера пришлыми контингентами» [1] и «населением из Средней полосы» [2], и, ориентируясь на такую цель, заниматься «районированием Севера». Такая общественная, национальная цель перед страной Россией объективно не стоит. Такую цель может обозначить одно из очередных правительств и тратить в

рамках своих возможностей очень ограниченные человеческие, природные, материальные и другие ресурсы страны для её достижения. При этом в лучшем случае – ресурсы страны будут использованы нерационально. В худшем – ранее созданное на Севере разрушится, а вновь созданное не появится (во всяком случае, не появится долгое время – у современной России возможностей для этого нет). Во всех вариантах Россия как страна – потеряет.

Таким образом, главная методологическая основа цели, обозначенная в государственных документах 1990-х – начала 2000-х годов, не верна в принципе. Перед страной Россией не следует ставить цель заселять Север – он уже заселен. Национальным интересам страны соответствует цель – рационально использовать и развивать ранее созданное. А эта цель требует иных научных подходов и иных управленческих решений.

Оценивая «Критерии...» как документ, предназначенный для обоснования управленческих действий по «заселению» или «незаселению» территорий, в первую очередь необходимо оценить, достаточно ли для принятия решения о таких действиях учёта критерия «комфортности» или «дискомфортности» проживания. В истории человечества нет примеров, когда управленческие решения о заселении территорий принимались под воздействием только этого критерия. Представляется, что и в современных российских условиях такая целевая установка неполна, а следовательно, некорректна ни для принятия управленческих решений о заселении территорий, ни для постановки научных исследований для обоснования таких решений. В связи с этим, рассматриваемые «Критерии...» в принципе, по целевой научной установке могут быть оценены как частное исследование, не пригодное в качестве единственного основания для принятия конкретных управленческих решений, которые, основываясь только на «Критериях...», неизбежно приведут к разрушительным социально-экономическим последствиям. Недаром в названных выше материалах к совещанию Рабочей группы предложено к «природно-климатическим» добавить «медико-биологические» и «социально-экономические показатели дискомфорта жизнедеятельности». Однако, место, значение, набор, методы учёта этих показателей в общей системе факторов районирования – не определены. В связи с этим, «Критерии...» и "Методика" могут быть использованы только как одно из исходных данных для разработки комплексных научных обоснований государственной политики районирования России и развития её северных районов, применения в последних гарантий и компенсаций как эле-

ментов этой политики.

Рассматривая «Критерии...» как научную разработку, необходимо отметить и научную некорректность поставленной в ней цели «районирования территорий Российской Федерации по природным условиям жизнедеятельности населения». Известно, что районирование территорий по одному или нескольким признакам (климатическим, ландшафтным, зоогеографическим, геоботаническим, расселенческим и т.д., и т.п.) является общепринятым в науке методом изучения пространственного распространения этих признаков. В рассматриваемом случае некорректным является не метод районирования, а признак, избранный для районирования под определенную цель.

Избирая в качестве главного критерия районирования географического пространства государства пригодность для «жизнедеятельности населения по природно-климатическим условиям», исследователи и готовящиеся к пользованию таким районированием политики должны осознавать, что они, что бы ни заявляли, в качестве намерений учитывают только одну - биологическую - часть сущности человека. Такое районирование не многим отличается, например, от районирования зоогеографического, отражающего ареалы обитаний видов, популяций, сообществ организмов, представляющих животный мир. Представители фауны распространяются только в те природно-климатические зоны, где их существование обеспечено достаточно комфортными природными условиями, одно из которых – достаточная кормовая база. Этот фактор мог быть определяющим, когда человечество начало формироваться из предчеловеческих стад.

Для современного человека, своеобразного, общественно организованного вида фауны Земли, создавшего высокоразвитую социальную и экономическую сферу, природные условия не являются ни исчерпывающими, ни единственно необходимыми и достаточными для жизнедеятельности.

Жизнедеятельность включает в себя трудовую, интеллектуальную, бытовую деятельность; отдых, продление рода, образование, здравоохранение, преобразование окружающей природной среды в антропогенные ландшафты; создание искусственной среды обитания, обеспечивающей жизнедеятельность; создание материальных и экономических структур, обеспечивающих трудовую деятельность; переработку пищевых продуктов для длительного хранения; селекцию растений и животных для проживания в непривычных для вида природно-климатических зонах и т.д., и т.п. Так, путём выведения

холодостойких сортов растений, далеко на север передвинута граница зон растениеводства в открытом грунте, от чего природные условия Севера не перестали быть северными.

В связи с этим районирование по условиям жизнедеятельности населения должно включать в себя взаимоувязанную систему условий, отражающих не только биологическую, но и социально-экономическую сторону жизнедеятельности человека.

В «Критериях...» эта сторона вопроса не затронута. В документах, ранее разрабатывавшихся на тему районирования Севера, социально-экономическим обстоятельствам уделялось большее внимание. Так, в 1991 году [1] для балльной оценки дискомфорта территории, учитывались не только 12 природно-климатических факторов, но и такие «экономико-географические факторы», как «плотность сельского населения», «степень сельскохозяйственной освоенности», «транспортная доступность», и такие «социально-экономические, влияющие на состав потребительских корзин факторы», как «продолжительность отопительного периода», «сумма активных температур за вегетационный период», «суммарная теплоизоляция одежды» (не оценивая эти факторы ни по отдельности, ни в совокупности, отметим сам факт их применения). При этом и задача (для районов Севера) формулировалась, как определение «степени пригодности территорий для оседлого заселения пришлыми контингентами» [1].

«Критерии...» и «Методика...» ориентированы на задачу выявления возможности «длительного проживания населения из Средней полосы»; конкретно – на учёт 6 или (0) зональных и 6 а зональных природных факторов. В каждой из групп факторов, учитываемых в документах и 1991 г., и 2004 г., есть факторы и отдельные, и комплексные; определяемые количественно в измеряемых единицах или относительно: текстом или в баллах; с совпадениями и расхождениями в оценках отдельных факторов или групп факторов. Но в этих документах нет учёта такого фактора, как, например, наличие в северных районах России постоянного населения, выжившее в разрушительных процессах 1990-х годов. Постоянное население обнаружилось даже в тех районах, которые в «Критериях...» отнесены к «очень неблагоприятной» и «неблагоприятной» "зонам комфортности". Оно сформировалось в течении XX в., живёт семейно-бытовым укладом постоянного населения на протяжении нескольких поколений. Национальный состав этого населения многогосложен, в него входят не только коренные народы Севера, но и потомки выходцев из исторически давно обжитых районов СССР и

России, адаптировавшиеся в новой для их предков природно-климатической зоне. Это население и система расселения проявили относительно высокую (даже неожиданно высокую) устойчивость, сохраняя основные параметры в периоды резкого разрушения экономики, снижения уровня жизни и численности населения.

В связи с этим необходимо отметить, что «жизнедеятельность населения» и «природные условия» относятся к понятиям высокого уровня абстракции, недостаточно определенным для выявления объективных закономерностей развития конкретных реальных явлений. В конкретных ситуациях «население» дифференцировано по этническим, национальным, расовым признакам; по историческим судьбам развития; по характеру комплекса природных физико-географических условий, в которых оно сформировалось с полной совокупностью генотипических, фенотипических, физиологических, психологических, социально-экономических особенностей; по характеру отношений с природной средой, в совокупности образующих тип природопользования и т.д., и т.п. Без учёта этой дифференциации невозможно определить, для какого населения, какие из природных условий, в какой степени комфортны или дискомфортны. Оленному коряку и ненцу дискомфортны условия г.Сочи. Уроженцу г.Сочи дискомфортны условия полуострова Таймыр. Жителям равнин дискомфортно высокогорье. Горцу тоскливо, и, следовательно, дискомфортно на равнинах. Единый подход к определению понятий «природная дискомфортность» вообще, или «степень пригодности территории для заселения» вообще без учёта конкретных типов населения и типов жизнедеятельности населения, научно некорректен.

Если идет речь о решении государственных задач по заселению (ненасильственному) новых территорий или по переселению (ненасильственному) населения из обжитых территорий, то научно корректна и целесообразна постановка задачи стимулирования и адаптации определенных типов людей в определенных совокупностях природных и социально-экономических условий. Так, известно, что население умеренной природно-климатической зоны легче адаптируется к природным условиям зон, расположенных севернее и южнее. Выходцы из антропогенно измененных ландшафтов легче адаптируются к иным природным условиям иной природно-климатической зоны, если и там попадают в антропогенно измененные условия проживания (город). Известно также, как часто социально-профессиональные жизненные установки играют определяющую роль в формировании крупномасштабных расселенче-

ских процессов.

Но задачи «стимулирования и адаптации» имеют иное содержание и решаются иными методами, чем те, которые обнаруживаются в «Критериях...».

Неотделимое от понятия «населения» понятие «жизнедеятельность населения» в конкретных проявлениях также дифференцировано по содержанию и формам, и районировать любую территорию по расселенческим признакам без учета этой дифференциации бессмысленно. Тем более бессмысленно районировать территорию одновременно по двум неконкретно определенным, но определенно не совпадающим признакам: «природные условия жизнедеятельности населения» и «природная дискомфортность ... для заселения».

В связи с общей теоретической и методологической некорректностью постановки научной задачи, определения цели, объекта и предмета исследования, нет оснований ожидать от представленной для рассмотрения разработки и научно-корректных результатов, могущих служить основанием для принятия решений, адекватных реальным общественным потребностям.

Обращаясь к методическому обеспечению решения названных проблем, можно выделить следующее.

Анализируя гносеологическую сторону вопроса, необходимо сразу и определённо отметить, что на современном уровне знаний любая попытка макрорайонирования (глобального, субглобального и т.п.) «по природно-климатическим условиям проживания населения, заселения, выселения и т.д.» основана на недостаточных для этой цели данных. Приходится напоминать, что природные условия (то есть явления природы) существуют объективно, независимо от нашего сознания. Мы знаем и пользуемся знаниями только о некоторых отдельных характеристиках некоторых отдельных проявлений природных условий, которые мы научились определять (измерять) и достаточно длительное время измеряли только в отдельных точках географического пространства и в режиме, методологически и методически ориентированном на получение результата, репрезентативного для определённой специфичной цели. В связи с этим, общим методологическим принципом любого последующего исследования является требование установить, применимы ли полученные в таком режиме знания для другой специфичной цели.

Можно напомнить известный парадокс: «знаний об отдельных явлениях больше не там, где больше явлений, а там, где больше исследований». Природные условия слабозаселённых районов Сибири и Дальнего Востока целенаправленно для решения «расселен-

ческих» задач не изучались. Выбор местностей для размещения населенных мест определяется не по оценке материалов длительных многопрофильных изучений природных условий. Основные методы выбора: визуальная оценка ландшафта, функциональная пригодность, историческая эмпирически сложившаяся освоенность, практиками оцененная пригодность для сельского хозяйства и т.п.

Более того, сами эти «расселенческие» задачи до последнего времени, как отмечено выше, не определены. Из всех рассмотренных документов [1,2,5,9, приложение 1] очевидно, что в них употребляются разные и без попыток координации целевые подходы: то биологическая, демографическая задача формирования популяции или сообщества; то решение государственных исторически длительных социально-экономических и геополитических задач; то решение узкоэкономических задач отдельных предприятий, финансово-промышленных групп и т.п. Поэтому в отношении целевой определенности и методологической и методической определенности нет разницы между позицией, опирающейся на «Критерии...» и «Методику...» для инициирования крупномасштабных миграционных процессов на Севере, и позицией губернатора Чукотского А.О., на основании личных восприятий заявившим о решении выселять с Чукотки «всех».

Мы обязаны констатировать, что в слабозаселенных районах Сибири и Дальнего Востока исследователи пользуются разрозненными характеристиками проявлений природных условий в очень редких точках, которые выбраны для «жизнедеятельности населения» в разное время, во многом во второй половине XX века. Промежутки между этими точками заполнялись данными случайными, часто «одномоментными». На основании таких наборов данных можно создавать только условное районирование Севера, пригодное для постановки задач дальнейших исследований. Не случайно мы сталкиваемся с отдельными парадоксальными, разрушающими концептуальную основу «Критериев...» обстоятельствами, такими, как исторически длительное существование несомненно постоянно населенного пункта в зоне, длительное время считающейся абсолютным полюсом холода Земного Шара.

Так, например, территориальное распределение некоторых факторов, использованных при разработке «Критериев» и «Методики», определено по следующим источникам:

- «тепловой фактор» - по таким показателям, как «сумма температур воздуха за период с устойчивой температурой выше 10 градусов Цельсия» и «средняя продолжительность безморозного перио-

да» - принят по "Климатическому атласу СССР" (1960);

- «холодовой фактор» - показатели: «сумма отрицательных температур воздуха в градусах Цельсия» и «продолжительность периода с температурой воздуха ниже – 30 градусов Цельсия» (по Атласу снежно-ледовых ресурсов); «продолжительность отопительного периода» - по «карте Института географии РАН» (Потапова, 1964); «фактор многолетней мерзлоты, мощность сезонноталого слоя в метрах» - по материалам Нечаева, Гавриловой (1981), а также сводке «Геокриология» (1988-1989);

- «фактор увлажненности» - по показателю «вегетационный индекс в долях единицы» (по разработкам Золотокрылина (2002));

- «ветровой фактор» - по показателю «степень заболоченности территории в процентах» (по разработкам Золотокрылина и др. (1992));

- «фактор заболоченности» - по показателю «степень заболоченности территории в процентах» (по разработкам Золотокрылина (2002), а также Ананьева (Институт географии РАН); по карте "Леса СССР" (1990), другим литературным источником и справочникам 1966г., 1971г., 1976г.).

Можно с высокой степенью уверенности полагать, что названные и другие аналогичные материалы, разработанные порознь, в течении нескольких десятилетий, с разными целями, в основном описательного характера, требуют для их совместного комплексного использования при обеспечении достижения определенной прагматической управленческой цели существенной переоценки. А это – самостоятельная сложная научная задача.

При разработке системы признаков для районирования Севера необходимо учесть и то обстоятельство, что ни одно выделяемое из природных систем явление не существует и не воздействует на человека, на население, на экономику изолированно, отдельно. Мы выделяем эти явления из природной среды только условно, для удобства изучения. Воздействия же всех этих явлений всегда совокупны, комплексны. На это обстоятельство несколько десятков лет назад обратили, например, внимание исследователи, обнаружившие, что воздействие температуры, движения (ветра) и влажности воздуха в совокупности образуют некое третье явление, воспринимаемое человеком совокупно. Вводились новые понятия и новые методы измерения, например, «жесткость климата», «суровость климата по Бодману»; «ветровой фактор, показатель индекса влажного ветрового охлаждения Хилла» и т.п. Адекватность этих понятий и этих методов измерений требует достаточно скрупулезного

анализа. Необходимы достаточно аргументированные обоснования подбора комплекса данных о таких явлениях и совокупностях таких явлений, с не вызывающей сомнений полнотой обеспечивающих решение поставленных задач. До тех пор, пока сомнения остаются, остаётся целесообразным ограничиваться интегральными объективными показателями (например, микроландшафтным районированием, комплексной характеристикой растительного покрова и т.п.).

В качестве источника информации об отдельных видах природных условий (набор этих условий в «Критериях...» не обоснован, следовательно, может быть оценен, как субъективный) в «Критериях...» использованы карты разных масштабов, точности, формы представления. Так, названы карты масштабов 1:25 000 000; 1:20 000 000; 1:12 500 000, 1:8 000 000 (очевидно, на бумажных носителях); «электронная карта» «ветрового фактора»; «электронный вариант среднемасштабной карты увлажнённости»; карта «стихийных явлений (наводнения)» без указания масштаба и т.п. Полученные на основе картографического обобщения таких материалов выводы неизбежно могут носить не более, чем обзорный характер, и не должны быть основой для конкретных научных и управленческих решений, тем более для таких, которые прямо затрагивают судьбы отдельных людей, населения регионов, геополитических интересов страны. Авторы «Критериев...» справедливо отметили, что «объективно выделенные зоны и районы дискомфорта по данной методике нуждаются в уточнении и согласовании с ландшафтными рубежами». А для горных районов «согласование может быть проведено только (выделено нами) на основании крупномасштабных крупных карт». Отметив сомнительность утверждения авторов об «объективности» выделения зон и районов, выполненного при неоднократных субъективных допущениях, следует согласиться с оговоркой о необходимости согласования границ этих зон с границами ландшафтных зон, учитывающих не отдельные произвольно отобранные показатели, а действительно интегральный природный показатель – ландшафт.

Тем не менее, описанное в «Критериях...» районирование территории России, отраженное в графических Приложениях и рекомендуемое для управленческих решений, выполнено на основании мелкомасштабной обзорной информации об отдельных природных условиях и не учитывает реальных особенностей природных условий регионов. Границы районов на этих картах обозначены обобщенно и механистично, часто – по параллелям и меридианам, под

линейку и т.п. Так, на полуострове Камчатка и прилегающей материковой части Азии как горной географической стране, примыкающей к Берингову и Охотскому морям, природные характеристики отдельных частей (в частности, высота над уровнем моря, температурные параметры, влажность, ветер) существенно различны на небольших расстояниях. Одной из основных особенностей здесь является меридиональное простираание и мозаичность ландшафтных зон. В «Критериях...» же границы районирования определены линейно, по широте.

Так, в «Критериях...» приведены следующие краткие зональные природно-климатические и медико-биологические характеристики для разделения северных районов на зоны.

I зона. Очень неблагоприятная. Зима - от слабо суровой снежной до суровой малоснежной. Лето - от очень холодного к холодному и умеренно теплому; избыточно влажно.

Арктические и субарктические равнины, горы, высокие плато, побережье холодных морей. Крайне интенсивное природное воздействие на людей, с критическим перенапряжением адаптационных систем переселенцев с тенденцией к декомпенсации. Преобладающая патология определяется в основном климатическими условиями: метеострессы, сердечно-сосудистая патология, холодовые полиневрозы, обморожения, травматизм, «снижение иммунных свойств», расстройство ритмики физиологических функций. В зону включены «высокогорье Горного Алтая и Восточного Саяна», далекие от Арктики и субарктики, расположенные на южной границе территории России. Факторы: избыток ультрафиолетовой радиации, сухость и чрезвычайно высокая сейсмичность.

II зона. Неблагоприятная. Факторы: высокая сейсмичность, вечная мерзлота, зима от слабо суровой снежной до суровой мало-снежной; лето от холодного до умеренно теплого. Европейские и сибирские равнины, низкие и высокие плато и горы с крайне интенсивным воздействием на здоровье людей, с критическим напряжением адаптационных систем переселенцев с тенденцией к декомпенсации. Преобладающие патологии те же, что в первой зоне (в том числе Северный Сахалин и Север Курильских островов).

III зона. Относительно неблагоприятная. Прослеживается в Европейской части России, в Западной Сибири и в Средней Сибири, а также в Приамурье и в Приморье, на Южном Сахалине и южной части Курильских островов, засушливых землях Прикаспийской низменности с прилегающими районами Дагестана. Зима умеренно снежная в Европейской части и на Дальнем Востоке и суровая ма-

лоснежная в Сибири. Лето от недостаточно теплого до очень тёплого на засушливых землях и холодного на Дальнем Востоке. Европейские северотаёжные и сибирские среднетаёжные равнины, низкие плато и среднегорья с крайне интенсивным природным воздействием на здоровье людей. С очень сильным напряжением адаптационных систем организма переселенцев, с затруднённой компенсацией.

Как видно из текста, многие характеристики определены недостаточно чётко: крайне сильно, сильно, очень сильно, слабо, умеренно, недостаточно и т.п. Поэтому зима может быть от слабо суровой снежной и умеренно суровой снежной до суровой малоснежной во всех трёх зонах. Продолжительность зимы при этом не учитывается. Чрезвычайно высокая сейсмичность учитывается в одних районах (Алтай и Саяны) и не учитывается в других (Камчатка, Курилы). Лето может быть умеренно тёплым или недостаточно тёплым во всех трёх зонах или от очень тёплого до холодного в пределах одной зоны, но продолжительность его также не учитывается. Крайне интенсивное воздействие на здоровье людей может быть во всех трёх зонах. А вот перенапряжение адаптационных систем может быть критическим только в 1-й и 2-й зонах; в 3-й зоне может быть только очень сильным.

В пределах первой (I) очень неблагоприятной зоны с использованием ландшафтных (интегральных) признаков в «Критериях...» выделены ландшафты:

- ледниковые, полярнопустынные и арктундровые – как крайне неблагоприятные;
- тундровые и лесотундровые – как сильно неблагоприятные;
- северотаёжные – как очень неблагоприятные.

В качестве примера рассмотрим карту физико-географического районирования полуострова Камчатка, в целом отнесённого к горно-складчатой вулканической провинции [8]. До 15% его территории занимает такая физикогеографическая область, как тундрово-лесоболотная равнина (критерий I-й зоны). До 70% - гольцово-тундровый лесистый Срединный хребет (горы до 2000 м) и складчато-вулканическая тундрово-лесная область Восточной Камчатки с вершинами до 4000 м и более (критерий I-й зоны). До 15% северотаёжная холмисто-равнинная депрессия (критерий I-й зоны). Все эти физико-географические области имеют меридиональное простираение (рис.1). В «Критериях...» же полуостров Камчатка разделён на зоны II и III по 56? с.ш. (рис.2). Объяснения этому феномену в «Критериях...» не приведены. Столь же откровенно прямолинейный (прямолинейковый) подход применён и к районированию Вос-

точной Сибири, где горы и долины рассечены границами зон по параллелям и меридианам.

Примененный при разработке «Критериев...» метод составления электронной карты как обобщенной конечной интерпретации разнохарактерной и разноуровневой по точности информации, с шагом в 2,5 градуса по широте и долготе, позволяет получить только обзорный материал для укрупнённых обобщенных оценок. Вследствие недостаточности фактических материалов (данных натурных измерений), высокой степени неопределенности динамики природных процессов, низкой точности экстраполяционных и интерполяционных методов усреднения данных на площади в 3000-5000 кв. км. (вокруг точек с шагом в 2,5 градуса); а также других методических особенностей составления, представленное в «Критериях...» районирование (как в тексте, так и на картах) не отражает и не может отражать реальную ситуацию с территориальной дифференциацией покомпонентных и совокупных природных условий в Российской Федерации. Это районирование отражает усредненное, субъективно искаженное представление о пространственном распределении некоторых, субъективно отобранных и оцененных природных условий, носит промежуточный характер для дальнейших исследований, предполагающих учёт конкретных мозаичных природных зон, переход на микроуровневое районирование, учёт интегрированных природных факторов и т.п. Но как основание для районирования в качестве управленческого метода, этот материал не пригоден в принципе.

В «Критериях...» использованы методы, порознь имеющие резко выраженный субъективный характер, существенно увеличивающий субъективность выводов, полученных при их использовании. Так, условны балльные оценки комфортности, как покомпонентной (пофакторной), так и интегральной. Не могут рассматриваться как отражающие объективную реальность, предложенные на их основе рисовки «ИЗОВИТ» (изолиний дискомфортности), условно, ничем не аргументировано подразделяющие территории России в одних случаях на 5, в других – на 6 зон. Широко применяются неконкретно определенные и позволяющие субъективное их толкование условные понятия, например: «характеризуется слабым природным воздействием на человека»; «относительно неблагоприятная зона охватывает территорию... с крайне интенсивным природным воздействием на здоровье людей». А предусмотрев, что «приближение границ дискомфортности к административным... может быть проведено администрациями субъектов Российской Федерации», авто-

ры «Критериев...» заложили в них возможность прямого субъективного, волюнтаристского изменения «объективных» границ распространения природных явлений.

Одним из важнейших уроков исторически накопленного опыта и обязательным условием районирования Севера является следующее.

Население, уже сложившееся в ранее необжитых определённых местах проживания на Крайнем Севере и приравненных к нему районах, с определённым уровнем удорожаний условий жизнедеятельности, в течение нескольких поколений связывает с ним и определённый гарантированный уровень компенсаций.

Поэтому сложное с методической и технической точки зрения новое районирование Севера, предложенное в «Критериях...» и «Методике...», основанное на определении границ природных географических зон по отдельным и интегральным природным факторам, индексам и показателям, само по себе не может восприниматься населением как общественно значимое. Такое районирование может иметь не теоретический, а практический общественный смысл только если оно прямо связано (включает в себя) дифференцированные мероприятия расселенческой, социальной политики.

К такому выводу приводит, в частности, анализ целей приведённого в «Критериях...» разделения исторически давно обжитой территории России на зоны «относительно благоприятную», «умеренно благоприятную», «климатического оптимума», «относительно комфортную», «умеренно комфортную». Каково предназначение этого подразделения – в «Критериях...» не сказано. Однако трудно допустить мысль, что оно предназначено для переселений из менее комфортной, исторически давно обжитой русским этносом средней полосы Восточно-Европейской равнины в более комфортное Причерноморье. Оно не может быть связано также с соответствующим изменением условий функционирования социально-экономических механизмов в этих «зонах». Управленческие структуры и население России в целом пока и не воспринимают такое районирование России как часть политики переселений.

С социально-экономической, демографической точек зрения намного более сложной и ответственной задачей является районирование не всей России, а Севера России, неизбежно связываемое населением северных районов с сеткой районирования по уровню компенсаций за удорожание условий жизнедеятельности. При этом уровень компенсаций должен не только компенсировать удорожания, но и стимулировать привлечение и закрепление населения в

конкретных районах для обеспечения исторически долговременных национальных задач. Создавшееся за 1920-1980-е годы во многих районах Крайнего Севера постоянное по социально-бытовому укладу население проявило неожиданную устойчивость в период социально-экономических катастроф 1990-х годов. При этом оно интересовалось, в какой «зоне» проживает, только в связи с размерами районного коэффициента и количеством 10% надбавок к заработной плате, продолжительностью отпуска, оплатой проезда и т.п., то есть концентрированным выражением социально-экономических условий жизнедеятельности.

Преемственная мудрость государственного управления состоит не в умении организовать неизбежно упрощённую красиво поданную рисовку границ природных зон в слабо изученных районах по одному природному фактору или по их совокупностям. Она состоит в умении разделить географическое пространство, исторически длительно осваиваемое этносом, на дифференцированные, но исторически устойчивые сочетания социально-экономических условий функционирования экономики и жизнедеятельности населения с целью обеспечить исторически долговременные национальные интересы.

Такие интересы в конкретных районах, как показывает многовековая мировая практика, может обеспечить только население с устойчивыми социально-психологическими установками. Сложившиеся в северных районах России населению уже более десяти лет с общегосударственного уровня обещают расселить, выселить, отселить, переселить, заменить «вахтовым населением», расшатывая его социально-психологические установки. Редкие пророчества отдельных государственных деятелей о необходимости преодолевать тревожные демографические тенденции сокращения численности населения, в том числе, в слабозаселённых, но стратегически важных северных и восточных районах России, не мешают государственному аппарату в целом непрерывно порождать намерения (см. Приложение), продолжающие разрушать пока ещё относительно устойчивые установки населения и усиливать миграционные тенденции.

Представляется, в связи с этим, что избранный в государственном аппарате России путь обеспечения исторических интересов России разработкой методологически и методически некорректных «Методик...» и «Критериев...» районирования, опирающихся только или в основном на учёт природных факторов – внутренне порочен. Разработка таких «Методик...» и «Критериев...» в настоящих условиях может быть только научной задачей с обстоятельными

публичными обсуждениями, например, в форме проведения научно-практических конференций, дискуссий в научной печати и т.п.

С научной точки зрения ничего, кроме удивления, не может вызвать распространение весной 2004 года составленного в Государственной Думе РФ «Плана работы рабочей группы по районированию и подготовке проектов федеральных Законов по социально-экономическому развитию Севера Российской Федерации». Чтобы не быть голословными, приведем без купюр все пункты этого Плана (подчеркнуто нами).

1. Методика оценки дискомфорта жизнедеятельности населения по социально-экономическим факторам территории Севера Российской Федерации – 1 октября 2004 г.

2. Методика оценки дискомфорта жизнедеятельности населения по медико-биологическим, факторам территорий Севера Российской Федерации – 1 декабря 2004 г.

3. Методика оценки дискомфорта жизнедеятельности населения по природно-климатическим, социально-экономическим и медико-биологическим факторам территории Севера Российской Федерации – 15 декабря 2004 г.

4. Проект федерального Закона о методике районирования Севера Российской Федерации – 15 декабря 2004 г.

5. Проект федерального Закона о районировании Севера Российской Федерации – 15 декабря 2004 г.

6. Проект федерального Закона о государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, – 15 декабря 2004 г.».

Можно понять причины столь стремительного внимания к решению проблем Севера России. Считают, что по состоянию на начало 2004 г. Север дает России 93% добываемого природного газа, 75% - нефти, 100% - алмазов, кобальта, платиноидов, апатитового концентрата; 90% - меди, никеля; 66% - золота; 50% - рыбной продукции. Север, при 8% населения, обеспечивает около 60% валового внутреннего продукта России [6]. Эти факторы значительны. Но они же обязывают органы власти и управления относиться к Северу и его населению уважительно и осторожно, а для начала – прекратить не оправдавшие себя почти пятнадцатилетние попытки научно необоснованного реформирования.

В настоящее время целесообразно сохранить действующую, сложившуюся условно на 1990 год, утвержденную Законом систему районирования и предоставления компенсаций в северных районах,

отсеяв от нее конъюнктурно включенные в нее исторически давно обжитые территории (субъекты Федерации). Эта система несовершенна, нуждается в корректировке. Но у нее есть то незаменимое преимущество, что она апробирована длительной практикой, привычна для населения, сложившегося на Крайнем Севере России. Новые условия общественного развития несомненно требуют изменения каких-то параметров развития северных районов. Но эти параметры необходимо разрабатывать и внедрять, не разрушая социально-психологическую устойчивость существующего населения, не разрушая результатов исторически длительных усилий страны.

Приложение 1

Перечень, документов касающихся государственного регулирования развития и районирования районов Севера Российской Федерации за 1991-2002 годы

1991 г.

1. Критерии районирования Севера России. Институт экономических проблем Кольского научного центра АН СССР, Апатиты, 1991. - 55 с.

2. Проект Закона РСФСР «О гарантиях и компенсациях для лиц работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера».

1992 г.

3. Проект Закона РФ «О гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера».

4. «Концепция социально-экономического развития районов Севера». Одобрена распоряжением Правительства РФ от 18.01.1992 г. №107 р.

5. Проект Закона РФ «Об экономическом статусе Севера» (внесен Госкомсевером России №671 от 29.05.1992 г.).

1993 г.

6. Районирование Севера России. Роскомсевер. Кольский НЦ РАН. Апатиты, 1993. - 85 с.

7. Постановление Совета Министров – Правительства РФ №223 от 14.03.1993 г. «О мерах по переселению части населения из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в сельскую местность Нечерноземной зоны России».

1994 г.

8. «О проекте концепции федерального закона «О государственной политике в северных регионах РФ», из протокола №34 заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания РФ

19.04.1994 г.

9. Постановление Государственной Думы №371-1 ГД от 09.12.1994 г. «О проекте федерального закона «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера РФ (основные направления государственной политики на Севере России)».

10. Предложения Министра РФ по делам национальностей и региональной политике №1397 от 08.07.1994 г. «О районировании Севера России».

1995 г.

11. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах крайнего Севера и приравненных к ним местностях», принят Государственной Думой 23.06.1995 г.

1996 г.

12. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера РФ» от 19.06.1996 г. №79-ФЗ.

13. Проект Закона РФ «О районировании Севера России», внесен Госкомсевером России №169 от 29.01.1996 г.

1997 г.

14. Проект федерального закона «О ликвидации населённых пунктов в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям». Внесён Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов №3. 11-41/1 от 1998 г.

15. Проект федерального закона «О районировании Российской Федерации», внесен Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов Федерального Собрания №3. 11-11/349 от 27.05.1998 г.

16. «О реформировании системы государственной поддержки районов Севера», постановление Правительства РФ №1664 от 31.12.1997 г. // Российская газета. - 22.01.1998 г.

17. Проект Федерального закона «О районировании Севера РФ по зонам дискомфортности, государственной поддержке лиц, работающих и проживающих в них», внесён Госкомсевером России №АВ-04-708 от 17.02.1998 г.

18. Проект «Концепции государственной поддержки районов Севера», внесён Госкомсевером России ВГ-04-3622 от 20.08.1998 г.

19. Проект Федерального закона «О районировании Севера России» (вносит член Совета Федерации Н.Н. Соломов). Выписка из протокола №167 Заседания Совета Государственной Думы от

22.10.1998 г.

1999 г.

20. О проекте федерального закона «О порядке ликвидации населенных пунктов, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, вследствие прекращения деятельности находящихся на их территории предприятий, воинских частей и учреждений уголовно-исполнительной системы» (вносит Совет Федерации). Выписка из протокола №202 заседания Совета Государственной Думы от 13.04.1999 г.

21. Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера РФ» (об установлении критериев отнесения территорий к районам с ограниченными сроками завоза)». Выписка из протокола №222 заседания Совета Государственной Думы от 21.10.1999 г.

2000 г.

22. Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера РФ», внесен Госкомсевером России, №ГВ-03-1492 от 21.04.2000 г.

2001 г.

23. Постановление Правительства РФ от 3.08.2001г. №577 (Одобрение «Соглашения между Российской Федерацией и Международным банком реконструкции и развития о займе для финансирования пилотного проекта социального реструктурирования районов Крайнего Севера»).

2002 г.

24. Макет «Концепции федерального закона «Об основах государственной политики РФ в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», направлен Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов Федерального Собрания №3. 11-41/41 от 30.01.2002 г.

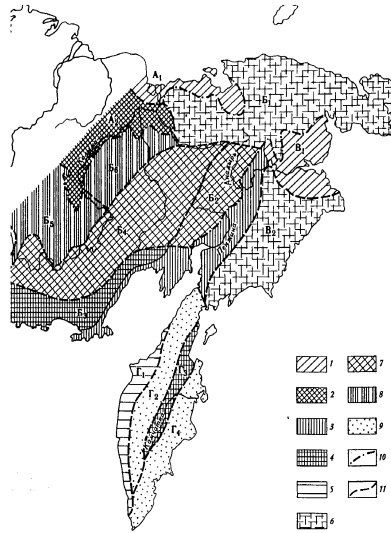

Рис.1. Схема физико-географического районирования

Равнинные территории (с преобладающим проявлением широтной зональности):

1 — тундра, 2 — редкостойные лиственничники в сочетании с комплексными болотами, 3 — берингийская «лесотундра» — крупнокустарниковая тундра с островами пойменных лиственничных и смешанных лесов, 4 — северотаежные лиственничники с каменной березой, ольхой и стлаником, 5 — редкостойные парковые каменно-березовые леса.

Горные территории. Типы вертикальной поясности: 6 — тундрово-арктический, 7 — тундрово-таежный, притихоокеанский, 8 — тундрово-таежный, восточносибирский, 9 — лесо-луговой, дальневосточный.

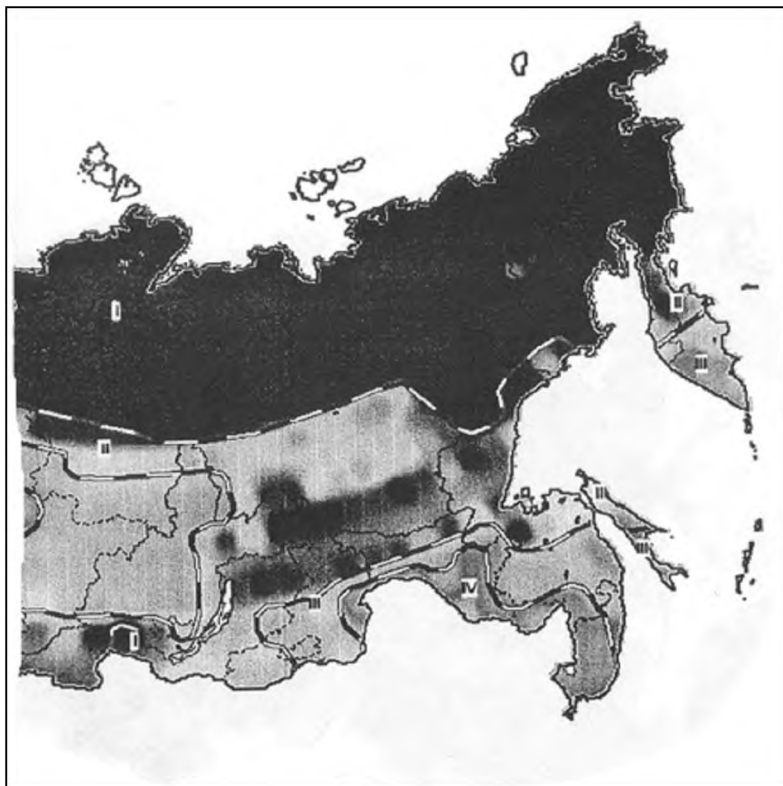
Физико-географические районы. А — Яно-Колымская аллювиально-озерная аккумулятивная равнина: А₁ — Приморская озерно-аллювиальная тундровая равнина, А₂ — Колымская аллювиальная и озерно-аллювиальная лесотундровая равнина. Б — горы и плоскогорья материковой части Севера Дальнего Востока: Б₁ — Аннойско-Чукотское гольцово-тундровое нагорье, Б₂ — Анадырско-Пенжинское гольцово-лесотундровое плоскогорье, Б₃ — тундрово-таежные (с участками лесотундры) горы Охотского побережья, Б₄ — Охотско-Колымское тундрово-редколесное нагорье, Б₅ — Мом-

ско-Черское гольцово-северотаежное среднегорье и высокогорье, Б₆ — Юкагирское северо-таежное плоскогорье. В — Анадырско-Корякская горная и равнинная провинция: В₁ — Анадырско-Пенжинская тундровая и лесотундровая аллювиально-озерно-ледниковая равнина, В₂ —Корякское гольцово-лесотундровое нагорье. Г — горно-складчатая вулканическая провинция п-ова Камчатка: Г₁ — Западно-Камчатская тундрово-лесоболотная равнина, Г₂ — гольцово-тундровый лесистый Срединный хребет, Г₃—Центрально-Камчатская северотаежная холмисто-равнинная депрессия, Г₄ — складчато-вулканическая тундрово-лесная область Восточной Камчатки. 10 - границы провинций. 11— границы областей.

Провинции	Области
Яно-Колымская аллювиально-озерная аккумулятивная равнина	Приморская озерно-аллювиальная тундровая равнина. Колымская аллювиальная и озерно-аллювиальная лесотундровая равнина.
Горы и плоскогорья материковой части Севера Дальнего Востока	Ануйско-Чукотское гольцово-тундровое нагорье. Анадырско-Пенжинское гольцово-лесотундровое плоскогорье. Тундрово-таежные (с участками лесотундры) горы Охотского побережья Охотско-Колымское тундрово-редколесное нагорье. Момско-Черское гольцово-северотаежное среднегорье и высокогорье. Юкагирское северотаежное плоскогорье.
Анадырско-Корякская горная и равнинная провинция	Анадырско-Пенжинская тундровая и лесотундровая аллювиально-озерно-ледниковая равнина. Корякское гольцово-лесотундровое нагорье.
Горно-складчатая вулканическая провинция п-ова Камчатка	Западно-Камчатская тундрово-лесоболотная равнина. Гольцово-тундровый лесистый Срединный хребет. Центрально-Камчатская северо-таежная холмисто-равнинная депрессия. Складчато-вулканическая тундрово-лесная область Восточной Камчатки.

Приведено по [8].

Интегральная карта влияния природных условий территории Российской Федерации на условия жизнедеятельности населения

Зоны природной дискомфорта.

- I – Очень неблагоприятная
- II – Неблагоприятная
- III – Относительно неблагоприятная.
- IV – Относительно благоприятная.
- V – Умеренно благоприятная.
- VI – Зона климатического оптимума.

Баллы природной дискомфорта

- 5,6 и более
- 4,8-5,6
- 3,8-4,8
- 2,5-3,8
- менее 1,6

Библиография.

1. Критерии районирования Севера России (теория, проблемы, практика) Кольский научный центр АН СССР. Апатиты, 1991. – С. 57.
2. Методика оценки дискомфорта жизнедеятельности населения по природно-климатическим факторам территории Российской Федерации. Письмо руководителя Департамента региональных программ Минэкономразвития РФ №22-1230 от 16.10.2003 г. (фондовые материалы).
3. Монсеев, Р.С. Некоторые вопросы управления развитием северных районов России в конце XX века. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999 г. – 110 с.
4. Протокол совещания у первого заместителя Председателя Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 15.12.1993 г. // Камчатская правда 01.03.1994 г.
5. Районирование севера России по дискомфорту условий проживания населения // Российские вести, 19.05.1993 г.
6. Север Дальнего Востока М. Наука 1970 г. - С. 488.
7. Север в новых условиях хозяйствования. Научный доклад. ИЭ и ООП СО АН СССР, 1991 г. – С. 35.
8. Север так и остается крайним. В 2005 году жители 13 российских регионов могут потерять надбавки к зарплате // Родная газета, 30.01.2004 г.
9. Олег Кожемяко: «Северные коэффициенты надо сбросить!» (изложение пресс-конференции члена Совета Федерации РФ О. Кожемяко) // Камчатское время, 25.02.2004 г.
Труды VI. Петропавловск-Камчатский. – 2006.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА В РОССИИ

Тема статьи затрагивает одну из существенных проблем развития страны, проблему рационализации природопользования, определяющую характер ее долгосрочного, исторического существования. Важность и сложность этой проблемы требует ее всестороннего монографического анализа, и, что не менее важно для теории и чрезвычайно важно для практики, достаточно оперативных решений. В ограниченных рамках статьи тезисно остановимся на главных положениях рассматриваемого явления.

Тенденции развития сферы управления природопользованием в России являются результатом действия сложной системы факторов, которую условно можно разделить на три группы.

Одна – связана с влиянием внутрироссийских политических, экономических, социальных, технологических процессов, весьма динамично меняющихся в конце XX – начале XXI веков.

Вторая – определяется взаимодействиями с другими странами, в первую очередь, с наиболее развитыми и влиятельными в мировом сообществе в целом. Сущность и формы этих взаимодействий динамичны, проявляются как сотрудничество, компромиссы, лидерство, подчинение, копирование стереотипов, заимствование опыта, противостояние, противоборство в экономической, политической, иных сферах.

Третья – общие закономерности и тенденции развития человечества, проявляющиеся во всех странах, но в разных формах, в зависимости от этнических, цивилизационных, общественно-формационных, социальных, хозяйственных, иных особенностей. Эта группа факторов определяет общие, объективно обусловленные направления изменений взаимодействий Общества и Природы, общую динамику развития природопользования и управления им. Рассмотрение процессов, происходящих в России, целесообразно начать с обозначения этой группы факторов.

Со второй половиной XX века связано активное проявление новых для человечества в целом процессов глобального значения, которые существенно влияют на преобразования в сфере природопользования. Многие исследователи полагают, что эти процессы принципиально преобразуют характер развития человечества; сущность и формы этих преобразований пока предвидимы в виде общих гипотез [2, 4, 6, 14, 48, 49].

Наиболее заметны изменения в глобальном значении международнополитических отношений, относительно точно фиксируемых во времени и пространстве, отражающих динамику развития и распределения основных геополитических сил. К ним можно отнести, например, начало и окончание «холодной войны»; борьбу «антикоммунистического» и «коммунистического» блоков стран; распространение идеологически подготовленной практики «локальных войн», «наказания стран-изгоев» и т. п. Переход в XXI век совпадает с интенсификацией вхождения мирового сообщества в полосу системно организующейся борьбы с так называемым «международным терроризмом». Природа, сущность, генезис «международного терроризма», как одной из сторон в этой борьбе (вторую сторону

мы пока не рассматриваем), до последнего времени ни научно, ни политически с достаточной точностью не определены. В связи с этим не поддаются определению масштабы, временные и пространственные пределы, причинно-следственные связи, характер объективной и субъективной обусловленности и другие важные стороны этого процесса.

Тем не менее, его называют одним из важнейших явлений, определяющих политические судьбы мирового сообщества в начале XXI века. В задачи нашей статьи не входит подробное рассмотрение этого явления, но учитывать его необходимо. «Международный терроризм» как крупномасштабное общественное явление есть продукт крупномасштабных общественных противоречий. Объявляя борьбу этому явлению, надо прежде всего выявлять и ликвидировать эти противоречия. Среди этих противоречий называются сложившиеся и назревающие конфликтные ситуации в сфере передела возможностей пользования природными ресурсами, что прямо соотносится с проблематикой управления природопользованием.

В сфере глобальных трансформаций цивилизационного и общественно-формационного развития, происходящих на рубеже XX – XXI веков, называют «научно-техническую революцию»; переход развитых стран из «индустриальной» фазы развития в «постиндустриальную» и т.п. С этими процессами связывают и преобразование международных экономических процессов в единый процесс формирования системно целостной «мировой экономики» как объективно обусловленного явления в субъективно создающейся форме «глобализации».

В течение XX века вырабатываются научные обоснования и общественное концептуальное осознание необходимости перехода человечества к «устойчивому развитию», оформленного на международном уровне в конце века, в 1990-е годы. Констатируя современную фазу развития человечества как «неустойчивую», неблагоприятную для современных, а еще более – для последующих поколений, формула «устойчивого развития» представляет в неразрывном единстве неизбежность рационализации экономических, социальных и экологических компонентов общественного развития.

В качестве одних из главнейших факторов, обуславливающих необходимость такой рационализации, называют следующие. Обостряющийся дефицит природных ресурсов производства и жизнедеятельности. Ухудшение состояния среды обитания человека и биосферы в целом, остро проявляющееся, в частности, в разрушении биоразнообразия. Обостряющиеся в глобальном масштабе со-

циально-экономические ситуации в таких, например, сферах, как: «бедные – богатые», «Север – Юг», «цивилизационные войны», «золотой миллиард», «международный терроризм»; «международные миграции населения, труда, капиталов, трудоемких и экологически опасных производств» и т.п.

Одно из ключевых положений концепции «устойчивого развития» составляет учение о «ноосфере». Современная практическая ситуация в реализации политики «устойчивого развития» характеризуется пока не оптимистично. Отмечается, что «накоплены данные, показывающие, что «мощность» ноосферы уже сравнима с сопротивляемостью биосферы, что некоторые критические, ранимые точки и структура биосферы могут быть необратимо разрушены антропогенным воздействием.

Но идеология индустриализма, прогресса и потребительства еще так сильны, что эти идеи не привлекают внимания существенной доли даже ученых, не говоря уже о том, что никак не влияют на политиков и широкую публику уверенного в своей победе Запада. И человечество до сих пор находится в условиях реальной угрозы самоуничтожения как вида, не отдавая себе в этом отчета» [23].

Этот вывод можно считать излишне эмоциональным по форме, но нельзя отрицать его научную обоснованность, опирающуюся на многие теоретические разработки и научный анализ натуральных исследований. Подтверждается этот вывод и высказыванием одного из видных мирового уровня российских политиков начала XXI века. «По поводу национальных и международных механизмов принятия решения при реализации крупных проектов с точки зрения интересов экологической безопасности. Конечно, хорошо бы создать такие механизмы ... Но мы с вами хорошо знаем: как искусство требует жертв, так и развитие требует жертв» [41].

В русле названных выше процессов происходит экономический и политический передел акваторий и дна Мирового океана; передел и ускорение экстенсивного и интенсивного освоения природных ресурсов, в первую очередь, наиболее остро дефицитных; научные поиски новых ресурсосберегающих и природосберегающих технологий и т.п.

Одни из перечисленных тенденций определяют общие направления современных процессов общественного развития. Другие – определяют конкретные формы, темпы, особенности проявления этих процессов на субглобальном, государственном, региональном уровнях. Но все эти тенденции, в разных сочетаниях, неизбежно проявляются в сфере природопользования, в обобщенном виде

представляя единство экономических, социальных, экологических интересов человечества; объективно определяя стратегию развития взаимосвязей Общества и Природы.

В качестве исходного состояния для оценки процессов развития управления природопользованием в России в начале XXI века, рассмотрим ситуацию, складывавшуюся в конце 1980-х годов, перед началом радикальных «рыночных реформ» (революция, контрреволюция и т.п. – однозначного определения этому периоду еще не выработано), существенно преобразивших общественное устройство в стране.

В 1980-е годы в СССР происходил переход из «индустриальной» в т.н. «постиндустриальную» стадию «цивилизационного» развития. В обществе созрело противоречие между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений.

Строгого научного определения понятия «постиндустриальной» стадии развития Общества также пока не выработано. Общепринятыми признаками наличия этой стадии в реальной действительности считаются следующие. Хронологическое ее следование после «индустриальной» стадии. Такие отраслевые признаки, как создание высокотехнологичных техники и технологий, в сферах, например, атомной энергетики, космической техники; разнотипного авиастроения, кораблестроения; высокого уровня военно-промышленном комплексе; наукоемком машиностроении, информационных технологиях, микробиологии и т.п.

В социальной сфере к признакам «постиндустриальной» стадии развития Общества относят высокоразвитый охватывающий все известные отрасли знаний научный и проектно-конструкторский комплекс, способный выполнять НИОКР для любых по сложности задач, доступных при современных потребностях производственной и социальной практики, а также высокоразвитая система образования.

Не высказываются сомнения о наличии в СССР названных выше признаков. Не подвергается сомнению также существование в СССР отношений расовой и национальной терпимости, коллективизма, гуманизма, взаимопомощи, других считающихся прогрессивными духовных, либерально-этических признаков.

С названными обстоятельствами связано накопление в СССР научного, правового, общественного опыта научных обоснований, общественного сознания и государственной политики, позволивших во II-й половине 1980-х годов начать переход в управлении

природопользованием от стереотипов интенсивной индустриализации и неограничиваемого потребительства в использовании Природы – к режиму рационального природопользования.

Ключевым государственным актом, нормативно обозначившим начало этого радикального перехода, было Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» от 18 января 1988 года. Ведущее место в государственных структурах, функционально связанных с воздействиями Общества на Природу, занял союзно-республиканский Государственный Комитет СССР по охране природы (Госкомприрода СССР), созданный на базе подразделений Госагропрома СССР, Минводхоза СССР, Госкомгидромета СССР, Гослесхоза СССР, Минрыбхоза СССР, Мингео СССР и других министерств и ведомств.

В течение нескольких лет этот принципиально новый в мировой практике по функциональному назначению, правам и обязанностям орган государственного управления, сформировав в регионах структуры двойного подчинения, вырабатывал идеологию, формировал структуру, комплектовал кадры и развивал территориальные и функциональные подразделения; создавал систему законов, подзаконных актов, нормативно-методических положений как единую правовую основу управления рационализацией природопользования и охраной природы на территории СССР, прилегающих шельфе и исключительной экономической зоне; создавал систему финансового, материального, научного, проектного и иного обеспечения и т.д., и т.п. [33].

В целом, не углубляясь в детали, можно констатировать, что работа нового органа государственного управления была ориентирована на рационализацию управления всеми взаимодействиями Общества и Природы; координацию всех частных, ведомственных, отраслевых воздействий на природную среду и предотвращение всех негативных последствий этих воздействий; разработку концептуальных документов и управленческих стратегий развития природопользования и природоохранной деятельности в Природе как едином целом. Это, несомненно, соответствовало общим, глобальным тенденциям рационализации природопользования, которое через несколько лет (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) были формализовано утверждены Конференцией ООН как «Повестка XXI» века, как «устойчивое развитие». Например, такими были начатые в конце 1980-х и начале 1990-х годов разработки Территориальных комплексных Схем охраны природы (ТерКСОП) и Территориальных

комплексов кадастров природных ресурсов (ТККПР), в главные цели которых была заложена возможность обеспечить гармоничное состояние экологической, экономической социальной устойчивости Общества; возможность комплексного учета при подготовке управленческих решений, в особенности в оперативных ситуациях, всей совокупности разнообразных по природе не только конъюнктурных, но и стратегических интересов и обстоятельств развития.

Создание и деятельность Государственного Комитета (затем – Министерств) в СССР и РСФСР было в тот период актом, предвосхитившим развитие управления природопользованием в мире, как минимум, в организационном отношении.

В этот же период, во второй половине 1980-х годов, развитие СССР вошло в системный социально-экономический и политический кризис (см. выше), усугубленный проблемами, связанными с «холодной войной». Кризис обратился разрушением страны СССР и его социально-экономических структур и продолжился в отдельных странах, сформировавшихся из развалин СССР. Каждая из этих стран переживает кризис по-своему, ни одной из них к 2006 году не удалось преодолеть его полностью. Объем статьи не позволяет рассматривать в подробностях этот противоречивый процесс, сложнейший по генезису, структуре, характеру развития, движущим силам, промежуточным результатам и т.п.

Рассматривая его основные параметры в России, можно констатировать следующее. Государственное управление развитием страны в целом осуществлялось путем реализации «курса рыночных реформ». В долгосрочном плане этот курс формализованно выражен не был. За прошедшие годы характер управления развитием экономической и социальной сферы, а также политических механизмов, менялся неоднократно. Обобщенные характеристики промежуточных результатов трансформации социально-экономических структур России, имеющие определяющее значение для развития процессов природопользования, кратко можно описать следующим образом.

Уже к 1995 году, по сравнению с 1990 годом, валовой внутренний продукт России сократился на 49%; объем промышленной продукции – более чем на 50%. Относительный подъем показателей начался с 2000г. и продолжается в настоящее время, что связывают с ростом цен на экспортируемое Россией углеводородное сырье. Население России с 1992г. вошло в состояние депопуляции; численность его сокращается почти на 1 млн. человек в год; относительное сглаживание процесса депопуляции обеспечивает положи-

тельное сальдо внешних миграций. Отрасли производства, обозначившие переход производительных сил СССР и России в «постиндустриальную» стадию (см. выше), сократили производство более, чем на 80 %; в значительной мере потеряли производственный потенциал и кадры. Экспорт промышленной продукции сократился в 2,6 раза к 2006 году и поддерживался в основном продукцией сырьедобывающих отраслей и отраслей первого передела. Экспорт продукции высокотехнологичных отраслей сократился в 16 раз [24].

Научный комплекс потерял более 50 % кадрового потенциала, недостаточно обеспечен оборудованием и аппаратурой. Многие секторы, необходимые для выполнения НИОКР прикладного характера, разрушились полностью. Система высшего и среднего специального образования готовит специалистов без связи с реальными потребностями экономического и социального секторов общества.

В отраслях производственной, социальной, транспортной, коммунальной инфраструктуры физический износ пассивных и активных основных фондов приближается к нормативно недопустимому уровню, а во многих секторах – превысил его. Это является причиной существенного увеличения количества и масштабов аварийных ситуаций.

Сырьедобывающая специализация страны в мировой экономике усилилась и превратилась в главенствующую. В начале 1990-х годов из стратегических запасов страны распродавались за рубеж вещества и материалы, необходимые для передовых, наукоемких, высокотехнологичных отраслей производства и научных исследований: радиоактивные, редкоземельные, цветные металлы и т.п. Сводные результаты этих распродаж не публиковались. Достаточно ли сохранившихся запасов для восстановления высокотехнологичных производств и сохранились ли высокотехнологичные производства, необходимые для выделения из Природы этих материалов, – вопросы, на которые пока нет ответа. Отдельные публикации содержат ориентировочные пессимистичные оценки [1, 2, 6, 10, 32, 38, 46].

Изъятие из природы многих видов природных ресурсов, - в основном, экспортнозначимых, таких, как лес, рыба, морепродукты, лицензируемые пушные и трофейнозначимые животные, - происходит в хищническом режиме, истощающем природно-ресурсную базу, и, во многом, в секторах «теневой», или «криминальной», не контролируемой государством экономики.

Научные исследования и изыскания природно-ресурсной базы существенно сокращены. По оценкам на 2005 год, в России утвер-

жденных запасов и подготовленных к эксплуатации месторождений минерально-сырьевых и углеводородных ресурсов недостаточно для существования страны в сложившейся социально-экономической структуре, а тем более – для обеспечения заявленных государственными органами долгосрочных интересов [5, 9, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 25, 29, 40, 43, 45].

Так, после 1991 года прирост запасов нефти и газа в России резко снизился, временами став ниже ежегодной добычи (табл. 1).

Таблица 1

***Добыча и прирост запасов нефти и газа
в России за 1990 – 2006 гг. [по 44]***

ГОДЫ	1990	1991	1992	1995	1999	2000	2005	2006 (ожидае- мое)
Нефть и конденсат (млн. т.)								
Добыча	514	459	397	304	302	321	470	490
Прирост	1315,4	930,7	564,8	155,4	267,9	331,5	285	320
газ (млрд. м. куб.).								
Добыча	-	618	618	580	577	570	656,4	600
Прирост	-	1714,6	1812,3	188,3	254,5	188,3	598	700

Приходится отметить, опираясь на материалы неоднократных публикаций, что намерения сделать страну «конкурентоспособной», существенно повысить уровень жизни населения, восстановить отрасли экономики, обеспечивающие безопасность страны в разных сферах, восстановить обороноспособность страны, в том числе, в ракетно-ядерном секторе, восстановить создание авиационной, морской, космической и т.п. техники, принятие Россией на себя роли лидера в мировом топливно-энергетическом комплексе и т.п. - не обеспечены изученными и подготовленными к эксплуатации природными ресурсами и производственными структурами [11, 24, 32, 37, 44]. Убедительные в экономическом отношении программы реализации этих намерений отсутствуют.

Предлагаемое расширение геологоразведочных работ по расширению базы минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов затруднено в связи с существенной организационной, кадровой, материально-технической разрушенностью геологоразведочных систем [1, 3, 10]. Имеющиеся оценки перспектив обеспеченности потребности России углеводородами охватывают не только сушу, но и шельф и рассчитываются на экспорт нефти и газа в развитые страны Западной Европы, Северной Америки, Восточной Азии

[17, 22, 45]. Реальность этих расчетов должна быть оценена комплексными методами, поскольку имеющиеся сведения неоднозначны.

Обобщенных общепринятых теоретических определений кратко описанного выше состояния России до последнего времени нет. Для целей рассматриваемой темы ограничимся приведением следующих кратких положений.

Стереотипы общественного развития в России в настоящее время усилиями государства принципиально меняются. Скорость принятия государственных решений, оперативно изменяющих конъюнктурные условия развития отдельных экономических и социальных процессов, – высока. В течение последних 20 лет они меняются по разным группам условий через 2 – 5 лет. Однако, ориентация на смену глубоких общественных стереотипов, определяющих отношение крупных социальных групп и этноса в целом к основным, фундаментальным принципам своего существования, не изменяется. В то же время очевидно, что нет оснований ожидать исторически мгновенного изменения социопсихологических, на ментальном уровне закрепленных многовековых установок на высокую роль общинных, коллективных начал в укладе жизни, позволяющих обеспечивать жизнедеятельность общества в целом и отдельных его составляющих элементов в объективно сложных природных и экономических условиях России.

В СССР эта общинность обеспечивалась отношениями собственности, общедоступностью обеспеченных обществом образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, теплового и электроэнергетического обеспечения, водопроводно-канализационного и транспортного обслуживания; общественной (общенародной) собственностью на землю, леса, воды, недра и т.д., и т.п.

В России в конце XX-го – начала XXI веков эти стереотипы усилиями государства, обеспечивающего интересы ставшего господствующим класса, переводятся в стереотипы индивидуализма с приоритетом частной собственности в общественных отношениях. В конкретной жизнедеятельности это выражается в коммерциализации, переводе в частнособственнические, «рыночные» формы всех сфер социально-экономической жизни общества; переводе в режим полной платности систем образования, здравоохранения, жилищно-коммунального обслуживания и т.п.; переводе в частную собственность природных комплексов и отдельных природных ресурсов. Явное, массовое, социально-инстинктивное, ментальное

сопротивление Общества такому переводу очевидно и проявляется в множественных конкретных формах, усложняющих реализацию законодательно закрепленных вышеназванных усилий государства.

Что касается провозглашенного государством на ближайшее время восстановления индустриального потенциала страны («промышленная политика», «политика развития отдельных отраслей» и т.п.), то его высокая проблематичность обусловлена разрушенностью экономики, бессистемностью, структурной несбалансированностью государственных намерений (гораздо реже – реальными попытками), кадровыми потерями, крайней изношенностью инфраструктуры, отсутствием экономической заинтересованности в этом частного сектора, другими причинами, которые все вместе составляют сложную совокупность факторов с высокой степенью неопределенности.

Траектория восстановления индустриально развитой экономики в России пока стратегически не выработана даже теоретически.

Еще более проблематичен предполагаемый представителями государства в обозримом будущем переход России в индустриальную и далее, в постиндустриальную стадию общественно-исторического «цивилизационного» развития. Сохранившиеся от советского периода остатки соответствующего этому переходу научного и производственного потенциала (см. выше) пока еще продолжают скорее разрушаться, чем восстанавливаться.

По расчетам отраслевой структуры промышленного производства (табл. 2), за 1990-2004 гг. в общем объеме производства промышленности существенно увеличилась доля сектора сырьедобывающих (или первого передела) «экспортобразующих» отраслей.

Таблица 2

Изменение отраслевой структуры промышленного производства в России за 1990 – 2003 гг. в % [6]

Отрасли	1990	1995	2000	2004
Сырьедобывающие экспорториентирующие				
Топливная (нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, газовая, угольная)	7,6	16,9	15,8	17,1
Черная металлургия	5,5	7,7	8,6	8,2
Цветная металлургия	6,0	9,0	10,3	10,3

Инфраструктурная и жизнеобеспечивающие				
Электроэнергетика	4,0	10,5	9,2	7,6
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	5,8	5,1	4,8	4,3
Промышленность строительных материалов	3,8	3,8	2,9	2,9
Химическая и нефтехимическая	7,8	6,3	7,5	7,2
Пищевая	15,7	15,3	14,9	15,4
Обрабатывающая промышленность				
Машиностроение и металлообработка	31,5	19,2	20,5	22,2
Легкая	12,3	2,3	1,8	1,4
Прочие отрасли	-	2,0	1,6	3,4

Если принять, что общий объем промышленного производства в России за этот период сократился примерно вдвое, то можно считать, что этот сектор экономики относительно сохранил свой потенциал. Доля сектора «инфраструктурных и жизнеобеспечивающих» отраслей изменилась не столь значительно, хотя в физическом и стоимостном выражении объем производства в этом секторе очевидно существенно снизился (наверное, за исключением «электроэнергетики»). И на этом фоне резко выделяется значительное, в несколько раз, падение доли производства в секторе «обрабатывающей» промышленности.

Оценивая показатели загрузки производственных мощностей в отраслях промышленности России (табл. 3), можно отметить, что приведенные в перечне отрасли можно условно разделить на две основных группы.

Таблица 3

Загрузка производственных мощностей в промышленности России и в ее отраслях в 2000-2004 гг. % [7]

Отрасли	2000	2004
Сырьедобывающая промышленность и первые пределы экспортной ориентации		
Нефтеперерабатывающая	68,0	75,6
Угольная	79,4	82,9
Черная металлургия	76,4	86,0

Химическая и нефтехимическая	51,5	67,4
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	63,3	76,0
Промышленность обрабатывающей специализации		
Машиностроение и металлообработка	36,4	44,8
Стройматериалов	33,7	50,0
Легкая	32,8	48,7
Пищевая	45,1	53,4
Промышленность в целом	45,4	56,8

В одной группе, к которой относятся и отрасли «сырьедобывающей экспортообразующей специализации», загрузка производственных мощностей высока и, возможно, приближается к технологическим пределам их использования. В другой же группе загрузка производственных мощностей составляет около половины. В сопоставлении с данными табл. 3. это позволяет утверждать, что обрабатывающие отрасли промышленности в большой доле, которая может составлять значительно больше половины, - потеряли свои мощности. Поэтому любое намерение по восстановлению места сектора «обрабатывающих» отраслей промышленности в структуре экономики России должно начинаться с программ создания заново производственного потенциала таких отраслей.

Таким образом, в реально сложившейся в России экономике господствует сырьедобывающая экспортоориентированная специализация, не направленная на развитие, использование и обеспечение отечественной производственной базы «постиндустриальной» сферы.

В общественно-формационном отношении все исследователи определяют наличие в общественном строе современной России существенных признаков капитализма. Но общепринятых определений, устанавливающих конкретные формы сложившегося строя и дальнейшие траектории его развития, - не выработано. Дискуссии по этому поводу принимают зачастую остроконфликтный характер. О диапазоне разброса мнений по этому вопросу можно судить по перечню прилагательных, которыми определяют «современный российский капитализм»: паразитический, криминальный, олигархический, компрадорский, периода первичного накопления капитала, «свободной рыночной экономики», «формирующейся рыночной экономики», «освобождающийся от государственного регулирования рыночной экономики», «регулируемой государством рыночной экономики», перерастание в «народный капитализм» и т.д., и т.п.

Основным движущим интересом сложившегося в России капитализма является получение сверхприбыли, или «суперсверхприбыли», или «гиперприбыли» от экономических операций по извлечению из природы ресурсов, их первичной переработке и реализации за рубеж в режиме «светлой» или «теневой экономики».

По объективным результатам своей деятельности государственный аппарат выражает и обеспечивает, в первую очередь, интересы крупнейших экспортоориентированных финансово-промышленных группировок, вывозящих из страны сырье (нефть, газ, уголь, лес, рыбу и т.п.); или продукцию первых энергоемких переделов (металлы, аммиак и т.п.).

В конструкциях «устойчивого развития» (единство экономических, социальных, экологических интересов) эти экономические группировки ориентированы противоречиво. В экономической сфере они направлены на получение сверхприбыли и формирование личных капиталов любыми способами, вплоть до полулегальных, с вывозом их за рубеж. В сфере социальной они ориентированы на снижение «социальной нагрузки» на государственный бюджет и на доходы их предприятий. В сфере экологической – на полное снятие или сокращение «экологических ограничений», накладываемых на воздействия их предприятий на окружающую природную среду.

В то же время, государственный аппарат, обеспечивая интересы господствующего класса в целом, которые, по определению, составляют только часть интересов Общества, могут с ними не совпадать и даже им противоречить, часто принимает решения для обеспечения хотя бы относительной общественной стабильности.

Так, с начала 2000-х годов в России, наряду с продолжением «непопулярных» (определение государственных деятелей, формирующих социально-экономическую политику государства) мероприятий по «продолжению и углублению рыночных реформ», применяются меры по восстановлению у населения ощущения «российской державности» и «заботы государства о населении». Эти меры вызывают возражения у некоторых радикальных российских идеологов «западной демократии» и «западной рыночной экономики», хотя не затрагивают базисные основы формирующегося в России «олигархического капиталистического строя». Более того, такие меры укрепляют эти основы, поскольку одобрительно воспринимаются населением как «народом-электоратом» и обеспечивают относительную политическую устойчивость в обществе.

Развитие природопользования в России в 1990-е годы и в начале 2000-х годов происходит, таким образом, на фоне кратко охарактере-

ризованных выше радикальнейших и динамичных общественных преобразований. Они резко меняют все стороны жизни российского этноса: цивилизационные, общественно-формационные, этногосударственные, социальные, экологические, морально-этические и т.д., и т.п. Учитывая эти изменения, есть возможность выделить и основные факторы, обуславливающие изменения в сфере управления природопользованием. Не пытаясь в краткой статье проанализировать весь сложный комплекс явлений, обуславливающих причинно-следственные связи происходящих в этой сфере событий, выделим факторы, представляющиеся принципиально важными из тех, которые можно определить как объективные и субъективные.

К объективным можно отнести факторы, определяющие, «ЧТО» формируется в России в эти годы. Не подвергается сомнению исследователей и, тем более, практиков, что в России созданы такие объективные реальности, как капиталистический строй с почти полным и усиливающимся до полного преобладанием частнособственнических начал во всех экономических и социальных сферах жизни общества; господство в экономической жизни «крупнейшего олигархического капитала»; господство в экономике страны сырьедобывающей экспортоориентированной специализации. У государства не проявилось умения ликвидировать в сфере использования природных ресурсов «теневые» и «криминальные» блоки и направления хозяйствования. В сфере внешнеэкономических связей государство не ликвидирует устойчивую практику легального и нелегального вывоза из страны капитала, необходимого для существования страны как демографического, экономического, социального, геополитического активного объекта в мировом сообществе.

Россия как страна вернулась в территориальные границы, в которых существовала в основном до середины XVII века, сохранив влияние в Предкавказье и резко сократившиеся возможности выхода в Черное и Балтийское моря. Природно-ресурсный потенциал страны сместился на север и восток, в северные зоны, с неблагоприятными природными условиями для сельского хозяйства, жизнедеятельности населения, функционирования промышленности и инфраструктуры. Резко усложнились условия энергообеспечения и транспортного обслуживания, увеличивая издержки производственной, коммунальной, иной деятельности.

К субъективным можно отнести факторы, определяющие, «КАК» формируется общественное и государственное устройство России в рассматриваемый период. При этом обратим внимание не на личностные качества деятелей, фигурировавших в российской

государственности в этот период. Личности в истории играют, несомненно, важную роль, но с личностями связана только часть субъективных факторов. Насколько значима эта часть, зависит от масштабов личностей.

Другая же часть этих факторов зависит не столько от личных качеств отдельных личностей, тем более личностей, не сомасштабных Цезарю, Петру I, Наполеону, Сталину, умевших определять и реализовывать достаточно долговременные направления государственной политики, преобразовывавшей управляемые ими страны. Например, составленный и утвержденный Наполеоном Бонапартом в начале XIX века «Гражданский кодекс» действовал во Франции до конца XIX века. Наполеон был свергнут, во Франции функционировали монархия, республика, бонапартизм с императором Наполеоном II, снова республика, а «Гражданский кодекс» Наполеона обеспечил развитие капиталистического строя, соответствия его фундаментальным интересам и закономерностям развития.

Мы рассматриваем не «КТО» реформировал и реформирует Россию, а какими инструментами он это делает. Выбор этих инструментов (или создание их) – явление субъективное, только субъектом в этом процессе выступает не личность, а социальный слой с присущими ему особенностями интересов мировоззрения, социопсихических стереотипов и т.п. Мы рассматриваем именно эти инструменты и особенности их применения.

Краткую, обобщенную характеристику всему массиву правовых, экономических и социальных механизмов можно позаимствовать у авторов, специально исследовавших этот предмет и даже прямо или косвенно участвовавших в их создании. Так, анализируя и оценивая сущность и формы преобразовательной деятельности российского государства в конце XX – начале XXI века, Дж. Стиглиц [31] обращает внимание на принципиальное, главенствующее увлечение реформаторов искоренением регулирующей роли государства в экономике.

«Громогласно провозглашенный с обещаниями беспредельного процветания переход бывших коммунистических стран к рыночной экономике обернулся на деле беспрецедентной бедностью.

В России ВВП снизился на 40 % и бедность возросла в десятки раз. Китай, следовавший собственным курсом, ... добился успехов и снижения уровня бедности», - констатирует Дж. Стиглиц [31].

Конечно же, российское государство не ушло из экономики России вообще, оставив за собой некоторые важные управленческие функции: формирование институциональных условий, формирова-

ние макроэкономических процессов; приватизацию, регулирование крупнейших финансовых потоков и т.п. Однако, названное Дж. Стиглицем увлечение оказалось настолько глубоким и принципиально значимым, что попытки государства хотя бы частично вернуться к регулированию некоторых социальных процессов и оперативных частных экономических вопросов вызвали обвинения в отходе от «курса реформ», от идеалов «либеральной экономики», отступление от принципов «рыночной экономики» и т.п.

Второе обстоятельство, на которое целесообразно обратить внимание, состоит в происхождении не только идеологии «реформ», проводимых в России, но и в происхождении их «техники». При описании и анализе проводимой в России в 2003 – 2006 годах административной реформы отмечены следующие стороны, имеющие отношение не только к административной реформе, но ко всей идеологии и практике реформационных процессов в России 1990-х – начала 2000-х годов.

«Пожалуй, ни одна из реформ, осуществленных в нашей стране в постсоветский период, не вписывается столь плотно в идеологический контекст новейшей зарубежной практики, как рассматриваемая административная» [34].

«... Имея опыт политического и социально-экономического реформирования, приближающего атрибуты отечественного общественного устройства к западным, руководство России в данном случае...» [34].

«... Бум «западных» административных реформ пришелся на первую половину 90-х годов...» [34].

Столь четко отмеченная политика «руководства России» «постсоветского периода», направленная на переделку «общественного устройства» России под «западные» образцы, опирается на научно-выраженные методологические и методические основы.

Отмечая главные для реформ вообще (не только российских!) качественные отличительные черты, называют «совокупность всех фигурирующих в данном определении критериальных признаков – инициирование и проведение «сверху», легитимность, всеобщая обязательность, специальная организация, а также фундаментальность перемен – и отличает административную реформу (как и другие реформы) от соответствующих частных улучшений и ситуативных изменений» [34]. Не оспаривая важность названных в этом определении критериев, нельзя не отметить отсутствие в этом перечне даже намек на объективную обусловленность реформ, их необходимость именно с тем содержанием, которое в них заложено; а так-

же их адекватность качественным и количественным признакам реформируемого объекта. Такая научная база реформирования объясняет, почему реформы 1990-х – 2000-х годов в России проводятся по «западным образцам». Этим обстоятельством может быть объяснена и очевидная неадекватность получаемых на практике результатов ожидаемым итогам «фундаментальных реформ», «частных улучшений» и «ситуативных изменений» [34].

Под воздействием названных факторов система управления природопользования в России изменялась по направлениям разным, но, несомненно, взаимосвязанным. Однозначно может быть оценено постепенное снижение уровня властной значимости органа (органов) государственной власти и управления, занимающегося (занимающихся) управлением взаимодействиями Общества и Природы, от уровня Государственного Комитета РСФСР и Министерства РСФСР до уровня Комитета, а затем (после неоднократных преобразований) - до уровня служб, агентств, департаментов.

В сфере функционального содержания управленческой деятельности Министерство, занимавшееся проблемами пользования Природой как единым объектом, раздроблено, с распределением функций не менее, чем между 15-ю федеральными управленческими подразделениями, регулирующими отдельные стадии, виды, компоненты воздействия на отдельные объекты Природы [33, 47]. Слитность, целостность процессов природопользования и охраны природы в структуре управления страной не отражена [48, 49]. Раздробленность управления по отдельным подразделениям имеет неизбежным следствием возникновение ведомственных интересов; борьбы за свою функцию как за более важную; противоборство за право принять решение, более весомое, чем решение конкурента и т.п. Это делает управленческие действия всех этих органов государственного управления нескоординированными, некомплексными, конкурирующими, даже разнонаправленными, неспособными рационально управлять единым процессом использования Обществом единого объекта пользования – Природы.

Собственность на природные ресурсы, то есть на отдельные компоненты Природы, все более концентрируется на федеральном уровне, с провозглашением возможности передачи их в частную собственность. В стране с площадью территории 17 млн. км., исключительно разнообразной по условиям природы, по хозяйственной освоенности, по социальным и национальным характеристикам населения и другим признакам, с заложенными в Конституции РФ и неизбежными для России положениями федерализма - это выгля-

дит, по меньшей мере, странно. Эволюция правовых категорий, обслуживающих эту сферу жизнедеятельности в стране: «общее достояние народа», «общее достояние населения, проживающего на территории», «предмет совместного ведения» и т.п. – представляет самостоятельную тему исследований. Важен результат: в 2006 году у субъектов Федерации не осталось прав собственности или остались права на незначительную часть природных ресурсов территорий этих субъектов. Большая часть земель, лесов, вод, водных биологических ресурсов, животных суши, недр находится в федеральной собственности, которая реально управляется названными выше не менее чем 15-ю подразделениями. Субъекты Федерации, экономика которых имеет преимущественно сырьедобывающий характер, вынуждены искать благосклонности этих органов на получение права пользования природными ресурсами, и от уровня благосклонности зависит развитие экономики, состояние бюджета, уровень жизни населения и другие стороны существования регионов.

Эту ситуацию объясняют причинами, каждая из которых, несомненно, имеет определенную степень важности. Необходимо сократить претензии «территорий» на «суверенитет», обещанный им в начале 1990-х годов. Необходимо обеспечить целостность государства. Необходимо восстановить вертикаль государственной власти. Необходимо укротить «региональных бояр» и «удельных князей». Необходимо сконцентрировать усилия на сохранении того или иного попадающего в категорию исчезающих вида природных ресурсов. Необходимо ликвидировать проявления борьбы федеральных ведомственных и местнических интересов и влияний, и т.д., и т.п. Преобладание субъективных факторов в этом перечислении очевидно.

В человеческой практике процессы использования отдельных компонентов природы носят раздельный, частный характер, но мы понимаем их в совокупности, как единый процесс природопользования, как единый процесс извлечения Человеком, Обществом полезностей из Природы для обеспечения своей жизнедеятельности. В таком смысле, в конечном счете, определял К.Маркс экономику как способ обеспечения человечества ресурсами жизнедеятельности. Опираясь на это утверждение, мы имеем основания предположить, что сущностные, долговременные изменения в управлении природопользованием должны определяться факторами объективными - факторами, которые объективно определяют характер процессов развития Природы и факторами, которые объективно определяют характер экономического и социального развития страны.

Мы имеем основания предположить, что концентрация собственности на природные ресурсы в современной России на федеральном уровне власти и управления обусловлена, в первую очередь, состоянием экономики страны, исторически мгновенно потерявшей большую часть территорий, демографического и производственного потенциала. Сырьедобывающие отрасли экономики стали единственными, определяющими сохранение страны и возможности ее будущего развития. Они стали приоритетными не только как создающие основную долю в валовом внутреннем продукте страны, но и, что более важно, – в производственном секторе экономики. Сырьедобывающие отрасли стали определяюще важными в жизни страны в целом, и в этом объективная причина не только концентрации власти в стране, но и концентрация на общегосударственном уровне прав собственности на природные ресурсы.

То обстоятельство, что из этой объективной причины многочисленные современные «российские субъективные факторы» создают возможности для своих «личностных или социально-групповых «гешефтов», не может отменить объективную природу необходимости концентрации власти.

Аналогичной была ситуация в 1920-е и, в особенности, в 1930-е – 1940-е годы в СССР, когда для обеспечения сохранения страны и быстрого развития ее экономического, в первую очередь, индустриального потенциала, было объективно необходимо, в условиях нарастающей опасности войны сконцентрировать политическую и экономическую власть. Этой необходимостью обусловлена и концентрация в тот период собственности на экспортнозначимые и важнейшие для внутренней жизни страны ресурсы: зерно, лес, рыбу и т.п. «Субъективный фактор» в тот период проявился иначе, чем в начале 2000-х годов, обусловив иные формы концентрации власти, хотя существенные объективные предпосылки концентрации власти в обеих ситуациях схожи.

Возможности «современных российских субъективных факторов» по использованию этой ситуации государство расширило при проведении административной реформы 2003 – 2006 годов, в ходе которой функции по управлению природопользованием были распределены, как минимум, по 15 подразделениям государственной власти и управления. «Руководство России в данном случае ориентировалось на модели административного реформирования тех стран, в которых «public administration» зримо переходит в «new public management» и где в государственные институты активно привносятся принципы и технологии стандартного бизнес-

управления» [34].

Мы тем более имеем основания предположить наличие этих возможностей для «субъективных факторов», что, при проведении вышеназванной реформы, как утверждают, «за эталон была принята идеология своего рода «разгосударствления власти», согласно которой считается полезным:

1) предоставить независимым (хотя и «государственным») агентствам свободу действий по распоряжению бюджетными ресурсами при косвенно регулирующей роли государства;

2) передать в частные руки все те функции государственных органов, "принять которые бизнес сочтет для себя выгодным" [34].

Мы также имеем основания предположить, что, оказавшись в состоянии, когда функционирование социально-экономических структур страны в целом («судьба страны») зависит от функционирования экспортнозначимых «сырьевых» производств; когда предприятия этого сектора экономики находятся в частной собственности, а государственный аппарат, государство, поддерживает их интересы при соблюдении ими политической, экономической или личностной корректности, государство отодвинет «социальные» и «экологические» интересы (см. «устойчивое развитие») на второй план, и даже, при благоприятных обстоятельствах, может подчинить их экономическим интересам частных «сырьевых» предприятий. Возможности использования такой ситуации «субъективными факторами» в своих частных интересах могут быть ограничены только очень узким набором условий, иногда чрезвычайных.

Административная реформа, идеологические «технические» основы которой проиллюстрированы выше, началась в 2004 году и продолжается до последнего времени.

Указ Президента РФ № 314 от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» радикально изменил структуру государственной власти и управления на федеральном уровне. Была введена трехуровневая структура органов власти и управления: Министерства, Службы, Агентства. Было сокращено количество Министерств и заместителей Председателя Правительства РФ, с одновременным широким перераспределением функций государственного управления по горизонтали между Министерствами и по вертикали между Министерствами, Службами и Агентствами. Было введено понятие «платные государственные услуги».

Не останавливаясь на анализе всех принципиальных особенностей этого Указа, необходимо констатировать его недостаточную

продуманность, очевидно проявившуюся уже в день его принятия как минимум в том, что некоторые ранее выполнявшиеся функции государственного управления и государственные органы, выполнявшие эти функции, выпали из системы органов исполнительной власти федерального уровня. В сфере управления природопользованием к таким относятся, например: функция картографического обеспечения, функция гидрометеорологических наблюдений, исследований и прогнозов, исторически обеспечиваемые в России и СССР (площадь территории около 22 млн. кв. км) централизованно на общегосударственном уровне. Из новой системы исполнительной власти эти органы управления выпали и их (как и другие упущения) пришлось восстанавливать отдельными разовыми нормативными актами (например, от 28 июля, 13 сентября, 11 октября, 18 ноября, 1 декабря 2004 г.).

В основном структура федеральных органов исполнительной власти была утверждена Указом Президента РФ № 649 от 20 мая 2004 года (более, чем через 2 месяца после указа от 9 марта) и, с последующими до 1 декабря 2004 года изменениями, включила в себя 82 органа управления (16 министерств, 34 службы, 32 агентства).

В той или иной степени прямое отношение к управлению природопользованием имеют, в соответствии с этим Указом, как минимум, следующие органы федеральной исполнительной власти (рис. 1).

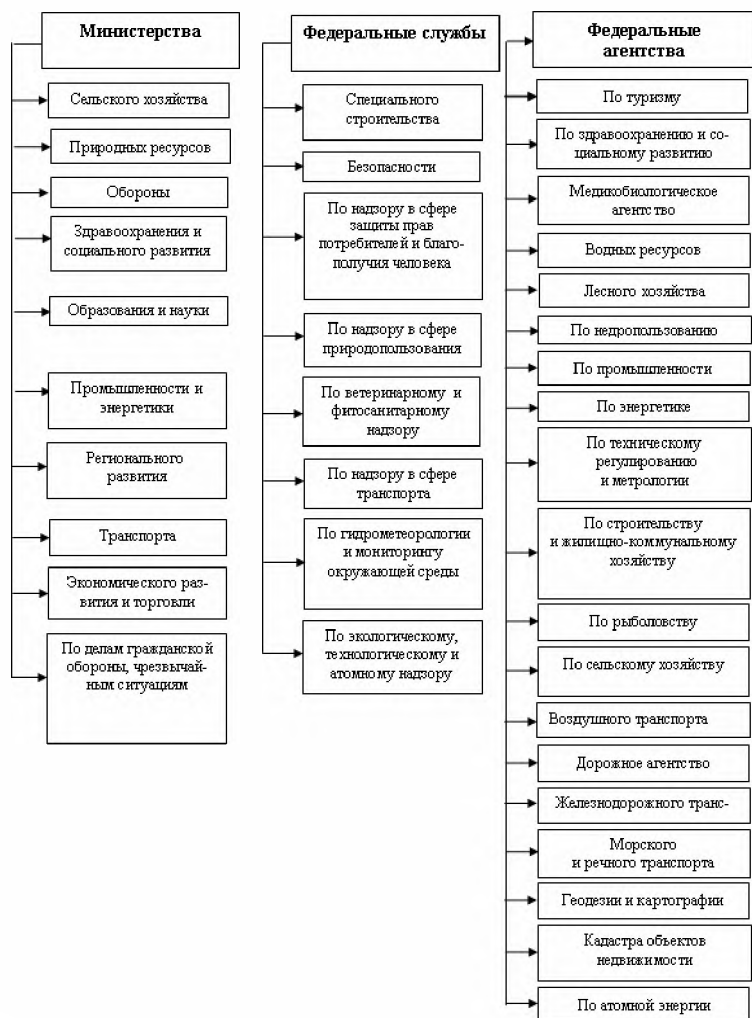

Рис. 1. Структура федеральных органов исполнительной власти по Указу Президента РФ № 649 от 20 мая 2004 г.

По некоторым оценкам [47] только функциональными полномочиями по регулированию, надзору, контролю, управлению имуществом и т.п. в сферах управления использования природных ресурсов и охраны окружающей среды в 2004 – 2005 гг. имели, как ми-

нимум, два Министерства, семь федеральных служб, шесть – федеральных агентств. Не предусмотрено ни одного управленческого подразделения, наделенного функциональной ответственностью и соответствующими полномочиями:

- по обеспечению сохранения природной среды в целом в стране, в отдельных регионах, в локальных и региональных природных системах и т.п.;

- по координации всей природопользовательской деятельности в стране и регионах; по координации всей совокупности воздействий и отдельных видов воздействий Общества на Природу;

- по научному обеспечению перехода России к «устойчивому природопользованию»; по разработке скоординированных комплексных методических и нормативных материалов для эколого-экономического анализа, оценок, прогнозов развития природопользования на единой методологической основе;

- по разработке комплексных оперативных и стратегических управленческих решений в едином научно-практическом ключе на федеральном и региональном уровне и т.д., и т.п.

В управленческой практике все названное выше многообразие, состоящее из около 15 надзирающих и контролирующих органов управления, и около 23 органов, осуществляющих ограниченное, часто «номинальное» государственное управление региональным природопользованием, которым занимаются «курируемые» предприятия, действует нескоординированно, неизбежно дублируя «выгодные» функции, неизбежно «переталкивая» в другие ведомства функции «невыгодные». С учетом принципа «платности государственных услуг», эта ситуация, кроме неуправляемости процессом природопользования в целом, создает обстановку, в которой не могут не появиться предположения о наличии «коррупции» в государственной власти и управлении по всем уровням и ведомствам.

Дополнительные изменения в управление природопользованием и охраной окружающей среды по распределению прав, обязанностей и ответственности между уровнями власти внес Федеральный закон от 22.08.2004 г. № 122 – ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в

Российской Федерации» (кратко этот закон называют «О монетизации льгот»). В сфере природопользования, среди основных изменений, внесенных этим законом, можно выделить перераспределение прав и ресурсов на уровень федеральный, а ответственности за состояние природной среды - на уровень региональных.

Практика 2005 г. выявила очевидную нерациональность складывающейся в этой сфере ситуации, в связи с чем был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» № 199 – ФЗ от 31.12.2005 года. Этим законом реализована попытка упорядочить нерациональные правовые положения, в том числе препятствующие нормализации ситуаций по многим отдельным вопросам охраны природы, сохранения благополучной среды проживания населения, природопользования. Законом № 199 – ФЗ от 31.12.2005 г. внесены изменения не только в названный выше 122 – ФЗ от 22.08.2004 г., но и, например, в 166 – ФЗ от 20.12.2004; 7 – ФЗ от 10.01.2002 г.; 144 – ФЗ от 23.11.1995 г.; 52 – ФЗ от 24.04.1995 г.; 5487-1 от 22.07.1993 г.; 4979-1 от 14.05.1993 г. Эти изменения, в основном, перераспределили права, ресурсы, обязанности, ответственность между уровнями власти и ведомствами при регулировании отношений в сферах ветеринарии, охраны здоровья граждан, охраны животного мира, охраны окружающей среды, рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, организации и проведения экологической экспертизы и т. д. Эффективность этих изменений в каждой из отдельных, затронутых Законом 199 – ФЗ от 31.12.2005 г. сфер покажет время, поскольку до середины 2006 года еще не везде созданы организационные структуры, правовые регламенты и финансовое обеспечение для их реализации [21]. Однако, есть основания утверждать, что бессистемность, некомплексность, несоординированность, несогласованность, отсутствие общей целенаправленности во всем многообразии управленческих решений, обусловленная ведомственной раздробленностью в управлении природопользованием, охраной природы, охраны природных условий жизни человека, - не сокращается, не упраздняется.

Один из показательных результатов разрушения единой системы управления природопользованием в России был продемонстрирован на процедурах согласования трассы магистрального нефтепровода, проектировавшегося на расстоянии около 0,8 км от уреза воды оз. Байкал. Для того, чтобы вынести эту трассу, предложенную «нефтяными олигархами» из-за экономии при строительстве, в

структуре органов государственной власти и управления Россией не нашлось функционального подразделения, способного принять управленческие решения, обеспечивающие сохранение состояния природной системы «Озеро Байкал» в целом и рациональное регулирование природопользования в этой системе. Решение о вынесении трассы нефтепровода за пределы водосборного бассейна оз. Байкал пришлось в 2006 г. принимать Президенту Российской Федерации. Доклад Президенту РФ о необходимости выноса трассы было доверено сделать представителям Российской Академии Наук как организации, не входящей в структуру органов государственного управления, не представляющей ведомственных интересов, не подверженной идеологии «коммерциализации государственного управления» (см. выше).

Не исключено, что решение Президента было вызвано не только докладом представителей РАН, но и (возможно, что и в первую очередь) – международными воздействиями, поскольку озеро Байкал включено в перечень объектов Всемирного природного и культурного наследия и относится к наиболее престижным природным объектам в мире.

Не исключено, что в этом решении сыграли роль экономические соображения, публично высказанные Полномочным Представителем Президента РФ и состоящие в необходимости приблизить трассу нефтепровода к месторождениям нефти, находящимся за пределами бассейна оз. Байкал.

Не исключено, что выступление РАН в защиту озера Байкал было последней каплей, переполнившей чашу терпения господствующих в экономике страны крупнейших экспортных финансово-промышленных группировок. Не исключено, что оно послужило толчком для форсирования перевода РАН в структуры государственных органов управления, для вменения ей в обязанность неизбежно ограниченных функций, для подчинения ее ведомственным и межведомственным интересам, для втягивания ее в процессы «коммерциализации государственного управления».

Другой пример: на полуостров Ямал для обсуждения проблем разведки и приращения запасов газа в недрах было приглашено не только всемирно известное гигантское предприятие «Газпром», но еще около 60 частных добывающих газ предприятий. Тратить средства на геологоразведочные работы эти предприятия считают для себя невыгодным. «Некогда здесь бурили по 900 тыс. метров поисковых скважин, сейчас – чуть больше 100 тыс. метров» [19]. В этих условиях ожидать увеличения запасов и последующего устойчивого

роста промысла газа без увеличения затрат государства на геолого-разведочные работы – нецелесообразно.

Другой вариант решения проблем освоения природных ресурсов недр России приведен в официальном издании одного из органов государственного управления федерального уровня.

«Крупнейшая российская горно-металлургическая компания «Норильский никель» и ВНР Billiton - крупнейшая в мире компания, занимающаяся разработкой природных ресурсов, объявили сегодня о начале сотрудничества в сфере геологоразведки и освоения минеральных ресурсов на территории Российской Федерации». «... Соглашение предусматривает совместную работу по идентификации на территории Российской Федерации месторождений полезных ископаемых, привлекательных для разведки и освоения, после чего будут создаваться региональные совместные компании для геологоразведки конкретных проектов. В каждой из этих компаний 50 % плюс одна акция будет принадлежать ГКМ «Норильский никель», 50 % минус одна акция – ВНР Billiton» [26].

Как будут при этом решаться вопросы о собственности на природные ресурсы; о месте и роли населения в их освоении (по Конституции РФ, природные ресурсы являются достоянием населения России); об участии регионов в регулировании природопользования на их территории и т.д., и т.п., - в приведенном в первоисточнике «Кратком сообщении» не указывается. Позиции государственных органов, которые по определению должны быть ответственными за решение этих вопросов, также как и вопросов о рациональном использовании природных ресурсов (то есть вовлечении их в освоение в рациональной временной последовательности, в эффективном экологическом и экономическом режиме и т. д., и т. п.), о сохранении окружающей среды, в этом сообщении не обозначены, хотя речь идет о передаче частным организациям любых привлекательных для них месторождений на всей территории России.

К столь же крупномасштабным примерам можно отнести историю с идеей освоения углеводородных ресурсов шельфа России. Она исследовалась в СССР задолго до 1990-х годов, но не переводилась в разряд первоочередных, оценка этих ресурсов носила отдаленный во времени, стратегический характер. В 1990-е годы, в обстановке скачкообразного перевода страны в «рыночную экономику», стали выдвигаться предложения о проведении конкурсов по предоставлению права на разведку и освоение углеводородов в пределах участков, на которые был разделен весь российский шельф вдоль побережья Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Вопросы об очередности освоения или допущении мысли о невозможности освоения каких-либо участков, по каким-либо основаниям не ставились. Постепенно идея освоения шельфа, возможно, в связи с обнаружением гигантских по запасам месторождений углеводородов на шельфе Баренцева моря, переросла в идею форсированного освоения всех возможных месторождений нефти, газа, газоконденсата (в перспективе – и газогидратов), расположенных на всем шельфе, относящемся к юрисдикции России. При этом, несмотря на давние (не менее 20 лет) предостережения о необходимости предварительной комплексной вневедомственной оценки всего совокупного природно-ресурсного потенциала шельфа и экономических зон России в Мировом океане; комплексной оценки последствий разведки и освоения нефтегазовых месторождений в сложных природных условиях северных морей; комплексной экономической и экологической оценки приоритетности освоения тех или иных видов природных ресурсов, очередности освоения, условий освоения с учетом всей системы стратегических интересов страны, - освоение шельфа России начато [8, 11, 12, 42, 43, 44]. После известных шумных историй с освоением газовых месторождений в Баренцевом море и нефтяных месторождений около острова Сахалин, компании «Сибнефть», «Роснефть» и некоторые другие (даже намеков о которых нет в открытой печати, есть только сообщения с мест о ведущихся работах) получают для освоения участки шельфа в Охотском и Беринговом морях и ведут подготовку к привлечению капиталов других компаний, в том числе иностранных.

В открытой печати есть сведения о том, что, по данным пресс-службы Федерального агентства по недропользованию, на 2006 год запланированы работы по уточнению и изучению геологического строения и перспектив нефтегазоносности Голыгинского прогиба на континентальном шельфе юго-западной части Камчатки и в пределах Шантарского нефтегазоносного бассейна в Охотском море, а также Хатырского участка шельфа Берингова моря [45].

По отчетам о результатах работ во выполнении Долгосрочной государственной программы изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы России за 2005 год “получена высокая оценка перспектив нефтегазоносности Шелиховского бассейна в Охотском море” [43].

Достаточно точные количественные данные о нефтегазоносности российского шельфа в “Баренцево-Печорском, Беринговом и Охотском морях” отсутствуют. Но отчет по составленным в единой методике данным [11] о распределении извлекаемых прогнозных

ресурсов в этих зонах позволяет ориентировочно полагать следующее. Если ожидаемые запасы нефти в Беринговом море принять за 1, то в Охотском море их окажется около 5 – 5,5; в Баренцево-Печорском – 9; в Карском – 9. По запасам газа такие же соотношения составляют: Берингово море – 1; Охотское – 9; Баренцево-Печорское – 35; Карское – 52.

Что касается рыбопромышленной продуктивности, то утвержденные Правительством РФ [Российская газета, 18 ноября 2003г.] общие допустимые уловы на 2004 г. в относящихся к российской юрисдикции зонах этих морей составили: в Баренцевом море около 110 тыс.т. рыбы, морских беспозвоночных и водорослей; в Беринговом – около 490 тыс.т.; в Охотском – около 1020 тыс.т. На объеме уловов в Охотском и Беринговом морях в 2004 году сказалось безудержное общеизвестное браконьерство 1990-х годов. По составленному в 1985 г. прогнозу ВНИРО, на 2005 год в Беринговом море предполагался возможный вылов около 810 тыс.т. рыбы, а в Охотском – около 2310 тыс.т. Поскольку природные условия для высочайшей биопродуктивности этих морей сохранились, то есть основания ожидать восстановления здесь и рыбопромысловой продуктивности в показателях, запрогнозированных в 1985 году. Если рыбопродуктивность в Баренцевом море на тот период составляла около 500 – 1000 кг/км², то в Охотском и Беринговом морях местами превышала 3000 кг/км² [36]. Необходимо иметь в виду, что районов с такой рыбопродуктивностью в Мировом океане очень немного (Перу, Ньюфаундленд, Мавритания, Намибия и т.п.). У России таких районов, кроме Охотского и Берингова морей, нет.

Перед Россией как страной стоит проблема выбора: относительно немного нефти для исторически разовой распродажи или единственный исторически устойчивый при рациональном использовании рыбопромысловый район. Перед современным государственным аппаратом этот выбор не стоит потому, что в этом аппарате отсутствует функциональный орган управления, обязанный производить комплексные надведомственные оценки такого рода ситуаций, готовить и принимать обязательные для исполнения стратегически выверенные решения.

Между тем, оценивая мировую политику в области обеспечения наиболее мощных национальных экономик энергетическими ресурсами, наблюдатели отводят месторождениям углеводородов России роль одного из «нефтяных огородов», не более. Судьба этих «огородов» после уборки «урожая» находится вне интересов мировых потребителей [42].

Констатируя господствующее положение интересов сырьедобывающих отраслей в принятии государственных экономических и даже некоторых политических решений, необходимо учитывать, что организационно-экономическая структура этих отраслей многосложна и понятие «олигархия» не раскрывает механизмы их влияния в государстве. Так, только на полуострове Ямал функционирует не только находящийся на виду гигант «Газпром», но еще около 60 газодобывающих компаний (см. выше). В докладе Правительству РФ о состоянии рыбного хозяйства России сообщено, что управляемость отраслью в значительной степени потеряна в частности потому, что в ней функционирует более 5000 экономических субъектов, а всеми видами рыбохозяйственной деятельности управляют не менее 8 самостоятельных федеральных органов государственной власти и управления, деятельность которых никак не координируется. Хаос в управлении лесохозяйственным комплексом России констатировал лично Президент РФ. В правительственный аппарат дана директива по исправлению положения. Формализованной правовой информации о мерах по исполнению директивы пока нет. Поскольку функционального органа, в обязанности которого было бы вменено управление (объем управленческих функций, формы управления и т.п. – вопрос отдельный) лесопромышленным комплексом (охрана и воспроизводство леса, лесозаготовки, лесопереработка) нет, то ожидания получить из государственного аппарата рациональное управленческое решение по названной директиве могут оказаться несбывшимися.

Рассматривая другие общего характера несовершенства в управлении природопользованием государственным аппаратом России в середине первого десятилетия XXI века, можно выделить следующие не исчерпывающие проблему, но определяющие некоторые основные направления для принятия мер по ликвидации изъянов в системе этого управления в целом.

В управлении природопользованием отсутствует функциональный орган, должный обеспечить единство управления единым объектом пользования; обеспечить биосферный, геосистемный, экосистемный подход к анализу, оценкам и выработке комплексных решений для регулирования природопользования в целом. Никакое, самое дробное покомпонентное управление отдельными видами пользования отдельными элементами природы не обеспечит системного, комплексного, ответственного, рационального управления развитием ситуации в целом.

В управлении природопользованием развивается мимикрия ве-

домственной деятельности под «охрану природы», «правильное употребление терминологии», «видимость правильных документов», «видимость проведения общественных слушаний», «получение правильных экспертных заключений» и т.д. Особая опасность этого явления состоит в постепенной выработке устойчивых механизмов наукообразного коммерциализированного обслуживания процессов природопользования, которые, как правило, сохраняют способность к дальнейшей мимикрии.

Характерная особенность этого явления состоит в том, что для роли материалов, используемых для имитации формирования организационного, научного, правового обеспечения перехода к «устойчивому развитию», используются добросовестные разработки, выполняемые в сферах, только косвенно, понятийным аппаратом или иными признаками связанных с идеологией «устойчивого развития». Например, понятиями «геоэкология», «геосистемы» заменяются понятия «экология», «экосистема», после чего другие понятия, такие, как «биосфера» или «сохранение биоразнообразия», относящиеся к ключевым в идеологии «устойчивого развития», становятся частными малозначущими случаями понятий более общего уровня, выходящих за рамки сфер, непосредственно составляющих среду обитания человека [6, 14, 20, 22, 27,28, 39, 49].

Увлечшись развитием механизмов проверки, надзора, контроля, согласований, управление природопользованием не развивает содержательных научно обоснованных и методически обеспеченных механизмов экономического управления не только использованием отдельных видов природных ресурсов, но и природопользованием в целом. Многие из таких механизмов, например: долгосрочная аренда, рентные отношения, кадастры,- уже отработаны в мировой практике, и необходима только скоординированная адаптация их под условия российских регионов, а не механистический перенос в российскую действительность отдельных элементов этих механизмов. Прекращены в настоящее время и поиски новых форм управления природопользованием, в значительной мере выражающих идеологию «устойчивого развития».

Констатируя несовершенство современных системы и механизмов функционирования управления природопользованием в России, обратимся к рассмотрению возможностей их совершенствования.

Совершенствование управления природопользованием является общественной необходимостью общечеловеческого уровня. Для России вопросом является, когда реализуется эта необходимость.

Это – главный вопрос в рамках рассматриваемой темы. Разрушение, конечно же, не абсолютно совершенной, но целостной системы управления природопользованием было следствием концентрации экономической власти в стране в сырьедобывающих экспорториентированных финансово-промышленных группировках. В этих же группировках сосредоточились наиболее сильные центры влияния на политическую власть. Важнейшая проблема современной России – равновесие сил, которые будут формировать реальную политику власти. Концентрация власти в группировках сырьедобывающих, экспорториентированных, свыкшихся с систематически получаемыми сверхприбылями, лишает страну перспектив перехода от сырьедобывающей экономической специализации в «глобализируемой» мировой экономике. Эта концентрация власти будет и препятствием к повышению роли ориентированного на общественные интересы управления природопользованием в системе государственной власти и управления. Чем скорее будет преодолена эта концентрация, тем быстрее страна начнет переход от сырьедобывающей специализации в мире к наукоемкому производству, и тем быстрее в системе государственной власти начнется восстановление более совершенного управления природопользованием.

Не пытаясь предугадывать конкретные формы новой усовершенствованной системы управления природопользованием в стране, которые будут зависеть от политической и экономической конъюнктуры в период создания этой системы, назовем основные, сущностные ее стороны.

Управлять природопользованием должен один орган управления, поскольку объект управления - Природа – один, неразделим, а процесс природопользования, несмотря на видовую дробность, – также один. Отдельные, конкретные виды, использования различных видов природных ресурсов могут и должны управляться отдельными ведомствами и администрациями предприятий. Процесс природопользования, то есть использования Обществом в целом Природы в целом – также целостен.

Одна из главных функций органа управления природопользованием должна состоять в координации отдельных видов деятельности по использованию отдельных компонентов Природы в рамках единой надведомственной общественно ориентированной государственной политики природопользования. Другая – в разработке и последовательном проведении этой политики. Третья – во взаимосвязке двух направлений в управлении природопользованием: оперативного, обеспечивающего текущую экономическую и социаль-

ную жизнь в стране и охрану состояния, природной среды; и стратегического, обеспечивающего длительный процесс перехода к рациональному природопользованию, соответствующему фазе «устойчивого развития» человечества.

Ориентация на эти главные функции управления природопользованием в России должна быть одной из основных задач государственной власти в России начала XXI в.

Библиография.

1. Алексеев, В.М. Оценка состояния кадрового потенциала организаций и предприятий сферы недропользования // РиОН №7 2006 с. 56-59.

2. Аренд, Р. – Как поддерживать экономический рост в ресурсно-зависимой экономике? (Основные концепции и их применение в случае России) // Вопросы экономики №7, 2006, с. 24-36.

3. Бавлов, В.Н. Основные итоги работы Федерального агентства по недропользованию в части твердых полезных ископаемых. // РиОН №4, 2006г., с. 7-13.

4. Балацкий, Е. Диалектика познания и новая парадигма экономической науки // МЭ и МО №7, 2006, с. 73; с. 76-79.

5. Беневольский, Б.И., Вартамян, С.С., Кривцов, А.Н. Минерально-сырьевая база благородных и цветных металлов и программно-целевая система ее воспроизводства // РиОН №6, 2006г. - с. 23-30 с.

6. Бобылев, С.Н. Российские экономические реформы и формирование «антиустойчивого развития» // Экономика природопользования. Обзорная информация. Выпуск №4, 2006г., с. 31-41.

7. Водянов, А., Гаврилова, О., Маршова, Т. Производственные мощности российской промышленности в контексте задач экономического роста // РЭЖ №2, 2006г., с. 3-22.

8. Глобальная энергетическая безопасность. Принято лидерами «Группы восьми» в Санкт-Петербурге по итогам Саммита 16 июля 2006 г. // Природно-ресурсные ведомости, № 14-15, июль-август, 2006г., с. 5.

9. Голивкин, Н.И., Шапошникова, Н.Ю. и др. Железные руды // РиОН № 11-12, 2001г., с. 5-16.

10. Гольд, Г.С. Результаты прикладных социологических исследований в геологии // РиОН №4, с. 54-57.

11. Грамберг, Н.С., Супруненко, О.И. и др. Нефтегазоносность Арктического супербассейна // РиОН №12, 2000, с. 24-30.

12. Греф пригласил иностранцев в недра // Российская газета. 02.08.2006г.

13. Грикуров, Г.Э., Лейченко, Г.Л. и др. Минеральные ресурсы Антарктики: геологические предпосылки и перспективы освоения // РиОН №12, 2000, с. 59-63.

14. Гусев, А.А. Экономика природопользования: от прошлого – к настоящему и будущему (Научное наследие К.Г. Гофмана) // ЭИММ №4, 1995г., с. 40-52.

15. Дмитриев, Н.А. Ванадий // РиОН № 11-12, 2001, с. 28-31.

16. Дмитриев, Н.А. Никель // РиОН № 11-12, 2001, с. 31-33.

17. Додин, Д.А., Иванов, В.Л. Минерально-сырьевой потенциал российской Арктики и его роль в развитии экономики // РиОН №12, 2000г. - с. 17-24.

18. Додин, Д.А., Чередникова, О.И. и др. Платина России: взгляд в XXI век // РиОН №12, - с. 63-66.

19. Дудников, Н. На Ямале бурят мало // Российская газета. 26.07.06.

20. Есипов, А.В., Волков, А.С. Стратегия развития государственного контроля природопользования // РиОН., № 11-12., 2001г., с. 59-63.

21. Жихеревич, В., Жунда, Н., Русецкая, О. – Экономическая политика местных властей в реформируемой России // Вопросы экономики №7, 2006, с. 94-107.

22. Иванов, О.П. Основные направления реформирования современной природно-ресурсной политики России // Использование и охрана природных ресурсов в России, №3, 2006г., с. 40-45.

23. Кара-Мурза, С.Г. Идеология и мать ее наука – М.: Изд-во Эксмо, 2002г., с. 256.

24. Костин, Г. Нигде кроме, как в оборонпроме // Российская Федерация сегодня №4, 2006г., стр. 22-24.

25. Короленко, Н.В. Титан // РиОН № 11-12, 2001, с. 24-28.

26. Короткие сообщения // Использование и охрана природных ресурсов в России №3, 2006г., с. 50.

27. Краснов, Е.В., Кривошеев, В.В. Социальная экология: от науки к реальности // Социологические исследования №7, 2006г., с. 93-97.

28. Круподеров, В.С., Голицын, М.С., Дубровин, В.А. Проблемы экологически безопасного освоения недр // РиОН №4, 2006г., с. 65-68.

29. Круподеров, В.С., Лукьянчиков, В.М. и др. Подземные воды России: состояние, основные проблемы и пути развития ресурсной базы // РиОН №6, 2006г., с. 35-41.

30. Круподеров, В.С., Куренной, В.В. Основная проблема вос-

производства ресурсной базы подземных вод России // РиОН №2, 2006г., с. 2-8.

31. Кузовкин, А.И. Ловушки для экономики Америки и мира (В связи с выходом книги Джозефа Е. Стиглица «Ревущие девяностые. Семена развала» М.: Современная экономика и право, 2005) // Проблемы прогнозирования №4, 2006г., с. 53-63.

32. Лагуткин, А. Что же теперь делать правительству? // Известия, 31.07.2006г.

33. Ларин, В. Мнацакян, Р., Честин, Н., Шварц, Е. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. –М.: КМК, 2003г., 416 с.

34. Лексин, В. Административная реформа: федеральный, региональный и местный уровни. Статья 2. Идеология административной реформы и первый этап ее реализации // РЭЖ. №3, 2006, стр. 3-22.

35. Логвинов, М.Н., Файдов, О.Е. Угольная сырьевая база России: состояние, перспективы воспроизводства и использования // РиОН №6, 2006г., с. 30-35.

36. Моисеев, П.А. Биологические ресурсы Мирового Океана. – М.: Агропромиздат, 1989г., 368 с.

37. Овсиенко, Ю.В. Парадоксы российских реформ // ЭиММ №4, 1995г., с. 82-95.

38. Олсон, М. Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // ЭиММ №4, 1995., с. 53-82.

39. Опекунов, А.Ю., Холмянский, М.А. Актуальные направления геоэкологических исследований на шельфе // РиОН №12, 2000, с. 66-72.

40. Путин, В.В. Об экономической безопасности России (Из выступления на встрече с участниками Международного форума неправительственных организаций «Гражданская восьмерка – 2006» 04.07.2006г. // Природно-ресурсные ведомости, № 14-15, июль-август 2006г., с. 3.

41. Покалов, В.Т. Динамика производства черных и легирующих металлов, прогноз и проблемы // РиОН № 11-12, 2001г, с. 2-5.

42. Сабов, А. Нефтяные огороды // Российская газета 26.07.06.

43. Садовник, П.В., Хлебников, П.А., Клещев, К.А., Голов, А.А. Перспективы развития ресурсной базы углеводородного сырья // РиОН №6, 2006г., с. 19-23.

44. Садовник, П.В. Основные итоги работы Федерального агентства по недропользованию в части углеводородного сырья и подземных вод // РиОН №4, 2006г., с. 2-7.

45. Смолякова, Т. Чем заполнят восточный нефтепровод. В Восточной Сибири не хватает разведанных углеводородов // Российская газета 27.06.06.

46. Устюжанина, Е.В. Приватизация: уроки истории // ЭиММ №3, 2006г., с. 3-15.

47. Честин, И.Е. Структура и функции федеральных органов исполнительной власти в сфере использования природных ресурсов и в области охраны окружающей среды: итоги 2004-2005 гг. (Аналитическая записка) 15.09.2005г.

48. Чешков, М.А. Мир, как дифференцированное целое // МЭиМО №7., 2006г., с. 60-72.

49. Яницкий, О.Н. Экологическая парадигма как элемент культуры // Социологические исследования №7., 2006г., с. 83-93.

Принятые сокращения:

РиОН – Разведка и охрана недр.

МЭиМО – Мировая экономика и международные отношения.

РЭЖ – Российский экономический журнал.

ЭиММ – Экономика и математические методы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Человечество в XXI веке: преодоление и преемственность проблем	14
Мировоззренческие и региональные подходы к управлению «устойчивым развитием»	17
К вопросу о теориях «человеческого» и «природного» капиталов	20
Современные проблемы формирования информационной политики	47
К вопросу о том, что случилось в России в конце XX века	53
Проблемы определения социальной структуры населения России на рубеже XX и XXI веков	82
К вопросу о национальной идее России	115
Мораль как элемент качества жизни	139
Особенности централизации и децентрализации экономической и политической власти в России начала XXI века	142
К вопросу о закономерностях механического движения населения в районы нового освоения	160
Некоторые особенности социально-демографической структуры населения регионов нового освоения	165
Тенденции развития миграционного потока в районы нового освоения Севера Сибири и Дальнего Востока	171
Межнациональные отношения и государственное устройство на Российском Севере	175
Районирование и компенсации на Российском Севере	178
Некоторые методологические и методические вопросы районирования Севера России	184
Особенности управления природопользованием в условиях административной реформы начала XXI века в России	208

РОБЕРТ САВЕЛЬЕВИЧ МОИСЕЕВ

**ИЗБРАННОЕ В III-X ТОМАХ
ТОМ I**

**РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ**

Директор издательства Рязанцев А.Е.

Ответственный за выпуск Рязанцев А.Е.

Технический редактор Абаимова Т.А.

Издательство Камчатского государственного университета
имени Витуса Беринга

683032, Петропавловск-Камчатский, Пограничная, 4
тел. (4152) 41-13-22

Лицензия ЛР № 020387 от 12.02.97.

Подписано в печать 17.10.07. Формат 60x84/16

Бумага типографская. Печать офсетная.

Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 450 экз. Усл. п.л. 13,7. Зак. 1748.